

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал

Том 25-26
2015

Институт Восточно-Славянской цивилизации
г. Харьков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель – А. Г. Романовский

Главный редактор – Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>
тел./факс +38 (057) 700-40-25

Петро ПЕРЕБИЙНІС
ЧЕРЕШНЕВА ТИША

* * *

Стою у центрі родоводу.
О ні, не центр я.
Це Господній час,
допоки мозок не погас,
мене тримає на планеті.
Стою серед усіх
калинокровних родичів моїх.
Одних – уже немає,
інших – ще немає.
А я живу.
Єднаю небо і траву.
«Хто ви, прапрадіди?» – гукаю.
«Хто ви?» – і повертається луна.
І тайну Лета поглинає.
Ані душі...
Лише моя вина,
мов сирота між полями.
Стою, допоки Всесвіт не погас, –
праправнук і прапрадід водночас.

* * *

Я друг волелюбного птаха,
який у нас жайвором зветься.
Я знаю, що жайвір співає
лише у щасливому небі.
Ми пасли худобу і хмари
на сірім, колючім стернищі.
І так мені тужно хотілось
на простір, у далеч, у небо.
Я випросив милість велику
в напарника, хитрого хлопця:

за днину жаданої волі
віддав батога з кутасами.
Іду я полями, стежками,
лечу навпрошки небесами.
Ніхто вже у цілому світі
не зможе мене зупинити.
Я вільний. Ніхто мені в очі
не кине ядучого слова,
ніхто не посміє втоптати
мене у стерню, у пилюку.
Я вільний. Нічого не треба
мені у щасливому небі.
Навіщо пташаті на волі
ремінний батіг з кутасами?

* * *

На косогорі, біля школи,
стоїть у нас і досьогодні
поцерблений віками,
та міцний
турецький стовп.
Зізнаюся: втікав я
з уроку стародавньої історії.
Летів до хмар, щоб осідлати
стовповидіння чужоземне.
Диміли далі.
Ось вона –
ополячена, отуречена,
орусачена, онімечена
моя земля.
Я милувався нею
з пихатого турецького стовпа.
Його напевне ж охрестив
козацькою шаблюкою
мій предок Перебийніс-Кривоніс,
який не прогуляв урок історії.

БІЛА КАЧЕЧКА

Ми ходили провідати тітку Марфу.
Тітка гостей не чекала.
Садила картоплю. Нітилась.
Не знала, куди діти земляні свої руки.
Час був гарячий,
і ми садили з тіткою картоплю.
Тітчина хата –
біла качечка над левадою –
пливла собі в день черешневий
і вікнооко поглядала на город.
Скучала за тіткою.
Ми ходили провідати тітку Марфу.
Тітка гостей не чекала.
Копала картоплю.
Хотіла привітатися з нами,
та не змогла розігнутись,
бо руки були по плечі посаджені в землю.
Ми копали з тіткою картоплю.
А біла качечка
дивилась, як тітка приростає до землі,
і плакала вікнооко.
Ми ходили провідати білу качечку.

* * *

Освечуюсь ясою ранку.
Підставляю розпашіле чоло
під набухлі росами
бузкові кетяги
і завмираю.
Казкова сутінь
дихає акварельною свіжістю
і райською прохолодою.
Щось неземне
огортає мене
пахучою хвилею.
Хиляться долу
обважнілі свічада.
Розсипаються ледь чутні

сріблясті передзвони.
А в очах розпливаються
міради хрестиків.
І на кожному хрестику
світиться росинка.

* * *

Картопля цвіте фіолетово.
Цілується джмелик із мальвою.
(Мама літо вишиває
фіолетовими хрестиками).
Картопля цвіте фіолетово.
Гойдається сонце на соняху.
(Мама хрестить вишиванку
фіолетовими хрестиками).
Картопля цвіте фіолетово
між мамою та Україною.
(Мама землю одягає
у святешну вишиванку
з фіолетовою маніжкою).
Картопля цвіте фіолетово.

* * *

Ось пшеничне зерно.
Згусток тайни.
Чуєте?
Подає голосочок
пшенича-колосочок.
Він ще в зародку.
Він ще не звідав
темниці чорнозему,
а вже виколисує
думу про волю...
Ось пшеничне зерно.
Однісіньке-одно.
А шумить у ньому
глибина огрому.
Чуєте?
Пісня жайворонка...

ПРЕКРАСНА СМЕРТЬ

А дід помирав дуже просто.
(Сказали: «Прекрасною смертю»)
Надвечір зайшов до онука.
Посидів собі. Випив чарку,
а другу відсунув рішуче.
Замислено, довго дивився,
як сонце над садом сідало.
Тривожне, засмучене сонце
в рум'янах вишневого цвіту.
Зітхнув. Неохоче підвівся.
Сказав: «Запрягай-но карету,
бо ноги якісь неслухняні,
а дибати начеб далеко...»
Зручніше вмовстився у кріслі
онукового «Запорожця».
Заснув, приколисаний шляхом...
«Приїхали, діду, вставайте!» –
термосить онук пасажира.
А дід, на виду прояснілий,
уже десь далеко, далеко...
Поїхав дідусь у минуле
від нас на кареті прогресу.
Прожив на землі він чимало.
Та як же це треба прожити,
щоб ту костюмаху неситу
прекрасною люди назвали!

КАЛИНІВСЬКІ СВИСТУНИ

Калинова Калинівко,
ти бачила полив'яних
барвистих свистунів.
На пагорбі мостилися,
гніздилися, світилися
зірчасті, гребінчасті,
квітчасті, зозулясті,
калинові, малинові,
вишневі та бузкові,

а врешті – веселкові
калинівські свистуни.
Калинова Калинівко,
ти слухала полив'яних
горластих свистунів.
На ярмарку піпікали,
квоктали, кукурікали,
пувутькали, цвірінькали,
кигикали, тітінькали,
кували, щебетали –
ось тільки не літали
калинівські свистуни.
Бо глиняні ж вони.

ПОЛИВ'ЯНІ КОНІ

На ярмарку старий гончар пантрує
полив'яних коняк, що табуном
пасуться на строкатому рядні.
А коники ж які!
Бокасті та дзвінкі,
хоч запрягай – і в путь.
Та от біда: чомусь їх не беруть.
Зате хлопчина поруч,
від щастя аж рожевий,
розпродує химерних коней
із настовбурченими гривами.
За гривеник
своїх старий віддав би.
Та от біда... «Беріть! –
прохає з винуватим виглядом. –
Ці коні схожі на живих.
А тих нечистий вигадав...»
Я гончара старого пожалів –
купив у нього коників бокастих.
Пустив їх пастись
у себе на робочому столі.
Але ввижаються мені
химерні гривані.

* * *

Ось ніяк не збагну
таємниць мікросвіту.
Пов'язаний сітями павутиння,
дрімаю в холодку
і почуваю себе Гуллівером.
Незлічимі орди ліліпутів
методично штурмують
гору мого тіла
і не звертають на мене
жодної уваги.
Напружую всі м'язи,
пручаюся щосили,
та не можу скинути пута,
не можу ворухнутися...
Мовчить загадковий мікросвіт.
Йому не до мене.
Він будує у травах
свої єгипетські піраміди.

* * *

Тато косить конюшину,
а я несучу через поле
горщики-близнята
з гарячим обідом.
Горщики не прості – золоті.
Що в одному горщику – борщик,
що в другому горщику – каша.
А хліба, каюся, немає.
Дістався прибудному песику.
Тато усміхається:
«Не біда. Позичимо в зайця...»
Обідає нашвидку.
Гладить мене по чуприні
пахучою долонею
і знову береться за косу.
Пахне зеленим борщем.
Пахне кашею
і скошеною пашею...

Миттю засинаю
на конюшиновій подушці
і прокидаюся в синіх сутінках.
Вечір. Тиша.
Поруч тато,
А в зоряному небі –
Близнята.

* * *

Сад у тінях перехресних
навіть гілкою не трісне.
Тільки пісню
навхрест перекреслює
гратами наш сад.
Спека. Чад.
Нависає неба синій щит.
Соловей на волі –
а мовчить.
Мати з Божої оселі
виглядає у тривозі.
«Тьохни, тьохни, соловейку!» –
листям каже мати.
Тихо стала на порозі
лихом вигнута веселка –
мов залізна брама каземату.

* * *

Мене так ніжно обіймають.
Мені так любо в цих обіймах.
Усе пливе, пливе довкола
в якомусь дивному тумані,
в якомусь тихому обмані,
у загадковому теплі.
Мене так довго обіймають,
що я в обійми вже не вірю.
Я намагаюсь розірвати
ці нерозділені обійми,
ці несподівані кайдани,

які на волю не пускають
і нагинають до землі.
Мене так міцно обіймають.
Мені так тісно в цих обіймах,
що я не можу розігнутись,
не можу навіть ворухнутись.
Беруть за душу. Дужче, дужче!
Душа пручається, мов пташка.
Спливають видива страшні.
Вже нічим дихати мені.
Душно. Тяжко...

* * *

Коли у місті нічим продохнути,
вдягаєш ти зелену уніформу
і поганяєш волошкову «Ниву»
на простір, на повітря,
на природу.
В голодному гніздечку патронташа
видзвонюють латунні соколята
і пильно на природу поглядають
свинцевими зіничками.
А поруч
на вільному сидінні розкошує
пристріляна
двосмертна дубельтівка.

* * *

Не розкрився парашут.
Падаю. О жах!
А земля – моя колиска,
дорогий причал життя –
наближається... О Боже!
Там волошка і ромашка,
колосочок і травинка.
Там рілля така м'яка...
Та невже земля Вітчизни,
та невже оця колиска –

неминуча смерть моя?..
Прокидаюся. О жах!
Серце на ножах.
Це лиш сон.
Забобон.
Ти живий. А день який!
Кличе простір гомінкий.
Встань! Перехрестись!
Ти ж – парашутист.
...Надягаю парашут,
наче уві сні.
Бережених бережуть
ангели земні.

* * *

Пекельні кола. Чорні кола.
Біжиш у кратері вулкану
і чуєш ревище страшного
тисячогорлого дракона,
який зеленим оком водить
і люто дихає вогнем.
А ти біжиш –
за колом коло.
Дракон жадає лиш рекорду.
Отож гляди, не упади!
Лихий дракон тебе розтопче,
у камінь, у пісок затопче.
Бо раю вже нема,
а пекло не прийма.

* * *

Гляньте знизу:
на карнизі
мак цвіте.
Немов за степ, –
ухопилася мачинка
за піщинку,
за пилинку.

(Як потрапила туди
із небесної води –
знає птиця
таємницю).
Та ніхто не зна,
що за таїна –
ця мачинка, ця чорненька
нерозгадана планетка...
Синій вітер на прогоні
гасить полум'я червоне.
А пелюстка блим та блим
над стеблом тонким.
Гей, стихії-лиховії,
підколотні змії!
Марно шумите!
Мак цвіте...

* * *

Зацвітає рожево
за межею.
Виставляє кігтики.
Кішечка
у рожевій шапчині.
Шипшина...
Язичком пелюстки
шелескоче.
Муркоче лагідно.
Погладиш –
душа спочине
в пушинках.
Перестане боліти.
Ах, шипшина!
Початок літа.

* * *

Тиша. Поле пшеничне
бронзою наливається,
повінню розливається.

Колосок до колоска –
тисячі, мільйони, мільярди –
тьма колосків
тісно, міцно стоять.
Небеса підпирають.
Тиша. Не шелесне
безмежна юрма колосків.
Лиш невидимий павучок
тишу торкає за нить.
І дзвенить
голуба колоскова тінь:
дзіннь!..
Колосок до колоска нахиляється,
поле дзвонами розливається.
Дзвінь. Теплінь.
Слухає гречка.
Слухає овес.
Небо слухає.
Світ увесь
прислухається:
дзіннь-дзілінь...

* * *

Пахне терпко, медово
космос гарячих соняхів.
Сонях кланяється сонцю.
І дмухає солодкий вітерець
у засмагле соняхове обличчя,
шелескоче фольгою пелюсток,
змітає долонею
жовті глечики-квітинки.
А глечики на землю –
кап-кап...
Лине бронзова музика.
Дзвонять дзвони медові.
Сяє соняшник
медовими чарунками,
підставляє вітрові
розпашіле чоло.
А вітер хмеліє,

вершину соняха колихає.
Кап-кап –
квіточка з чола...
На вощині соняха
світиться бджола.

* * *

Міддю земля голосить.
Літо слухає духову музику
соняшникового лану.
А в очах моїх –
чорна хусточка.
Чорна цяточка.
Труби надриваються.
І все зливається
у сльозині.
Мама. Вітчизна.
Літо у брилі.
Бджоли і джмелі.
І соняхи, соняхи...
Мідні труби.

* * *

Лети, жайворе,
понад явори
в літо тепле,
в небо степу.
Поглянь, жайворе,
згори.
Там шипшина догорає.
На вершині того раю
час не поспіша.
Там у синім холодочку
спочиває на горбочку
мамина душа.

ВІДЧУТТЯ ПОРОЖНЕЧІ

Повертаюсь до міста
з негоди, з пільми бездоріжжя,
з космічних просторів чорнозему.
І щоразу морока з тією землею...
Відчищаю руді черевики.
Витрушую кишені і душу.
Відшкрябую ту землю
від шкіри, від серця.
Відриваю від себе.
А земля пручається,
в горлі клубком обертається.
Ніяк не можу примирити
чорнозем з асфальтом.
Відриваю землю від себе,
а себе від землі.
І лечу в порожнечу...

* * *

Крутиться колесо долі,
а може, колесо історії.
І синок хоче мати
власний підпис.
Дух предка незримо витає
над кульбачкою голови
і накреслює хрестик у повітрі.
А синок невмілою рукою
вимальовує в зошиті
загадкову криптограму роду.
Крутиться колесо.
Вечоріє на віку.
І на пробитому пергаменті неба
сонце розписується кров'ю.

* * *

Час прискорено колише
синій маятник землі.
Поспішаю, поспішаю!
В ланцюги закутий,
ловлю секунди.

Чую: жайвір заплакав.
Час – плаха.
На хрещатім годиннику
час мене розпина.
3 – 6 – 9 – 12...
І межа дротяна.
І стіна...

* * *

Ловив я жар-птицю.
А вона утікала.
Руки обпікала.
Я корчився від болю,
кропив живою водою
пропалені долоні
і знову затято
виходив на лови.
І лише тоді,
коли задиміло
обвуглене серце,
збагнув я просту істину.
Не можна зловити вогонь...
Сиджу ось на згарищі,
і вже, здається,
нічого чекати.
Дивлюсь у порожнечу
і раптом здригаюся.
У сизому попелі – бачу –
жевріє іскорка.

* * *

Ти зраджуєш і каєшся.
О як ти любиш каятись!
Ти покаєнням Каїна
розплющив кутий лоб.
Ти Богом присягаєшся,
що без жаги розкаяння
і зради не було б...
Ти зрадив брата рідного

і так затято каявся
об землю лобом,
що земля свята
від болю провалилася
і зрадженого брата
від тебе заховала...
А ти живеш.
Амінь!

* * *

Як вийде калина
до синіх воріт,
як зблиснуть коралі...
Дивлюся крізь далі,
крізь маєво літ –
а там хороводи
калинових наших красунь.
І вишиті рушники.
І вишите небо.
І вишитий шлях.
Ах!
Чарівниці в намистах кармінних...
Ми – з України!
Від серця до серця
мелодія леться,
промінням трасує.
Кармінна красуне!
Мовчу я.
Погойдує вітер калину,
гортає листок за листочком...
Почую мелодію вічну, єдину –
і в горлі клубок залоскоче.

* * *

Затужила, заболіла
кочова душа-селянка
і додому полетіла,
закружляла над селом.
А села не упізнати.
Вік сосновими дошками

перекреслив білу хату,
пропалив порожні вікна,
неощадливий на зло.
Б'є крильми душа-селянка
на кленовому порозі.
Та німує, осідає,
приколисане садами,
навхрест чорними дошками
перекреслене село.

СОНЯШНИКОВИЙ ГЕНОЦИД

Щойно дозріють гордовиті соняхи,
як на осінньому городі
починається різня.
І летять на землю
неповинні голови.
І стоячи вмирає
непокірний соняшниковий народ.
Ніхто його не оборонить,
ніхто його не порятує.
Захмелілі від зеленої крові ножі
не знають пощади.
А коли кінчається
цей моторошний соняшниковий геноцид,
у веселому небі
прямо і незрушно
стирчать
безголові зелені штурпаки.
Коріння не вмирає...

ЦИВІЛІЗАЦІЯ ДЕРЕВ

Мене вражає загадкова цивілізація дерев.
Не знаю, що з нами сталося б,
якби не дерева.
Дерева ручищами коріння
зусібіч обіймають планету,
щоб вона не розсипалась у космосі.
Дерева не кочують по світу,

а кожною жилкою тримаються ріднокраю.
Дерева не рубають кінцівок одне одному,
але вміють бути протезами.
А коли їй доводиться ставати сокирищем
і йти на братогубство,
то це не їхня провина.
Дерева безсмертні.
Коли їх стинає зубаста гільйотина –
залишаються пні і пускають пагіння.
Коли їх вириває з рідної землі
вітер чужої цивілізації –
розсівається насіння.
Дерева не розуміють, як це можна
розтанути у безвісті
і не залишити ні словечка.

* * *

Вирізав з калини я сопілку.
А сопілка заплакала
і заговорила
маминим голосом:
«Сину, сину,
цю калину
посадила я...»
Чую, мамо...
Я розім'яв
грудочку глею,
притулив її калині до рани
і задумався...
Видно, час мені посадити калину.

* * *

Заблудилася осінь
у твоєму волоссі.
Все мина.
І не твоя вина.
Ой любове вчорашня!
Посивіла черешня.
Забіліло на вітах

бабине літо.
Далина вереснева.
Сивина черешнева.
Дивина-сивина.
Все мина, все мина.
Зацілуймо цю осінь
і любімо, як досі.
Ти у білому цвіті...
Бабине літо.

* * *

О речники лукавої хвали!
Ви хором Україну заклили,
защобетали, забалакали
і кинули, заплакану,
під ноги...
П'яні солов'ї!
Не Україну, а свої
неситі вола, свій цебер
ви любите.
Ви все проїли!
Ви проспівали Україну
і возвеличили себе.
О мідногруді солов'ї!

* * *

І полетить моя душа
крізь перекошені сузір'я
скоріше від земного світла,
скоріше від живої думки.
І, може, хоч душа збагне
цю божевільну неосяжність,
оцю незміряну безмежність
міжгалактичної пітьми.
Бо що їй відстані!

Тут вічність
неусвідомлено підвладна
космічній швидкості душі.
...Десь біля віщої зорі
душа в дорозі озирнеться –
і їй засяє в далині
Чумацький Шлях у вишиванці.
Край нього радо заяскріє
жаринка бронзового Сонця,
а може, навіть засиніє
здаля іскринкою Земля.

* * *

Зима. Цвіте бегонія.
Брунькує, світиться рожево.
А прохолодну синю шибку
м'якою лапою торкає
липкий, повільний снігопад...
Кохана, доленько! Прокинься!
Перед тобою мить життя.
Дивись: бегонія прозора
тонкі вітрильця розгортає
і зернооко розглядає
вікном обрамлену картину
високосніжної зими.
До шибки тулиться пелюстка.
До шибки тулиться сніжинка.
Дивись: пелюстка і сніжинка
цілуються ...
Цвіте зима.
Цвіте бегонія.
І серце
перемовляється з весною.

КВІТНЕВА ЧАРІВНИЦЯ

Сестрі Вірі – на ясноліття

Веснівочка-сестриця,
квітнева чарівниця
саджає гарбузи.
І сонечка-зернята
рядком лягають спати
у ніченьку землі.
Горить моя зірниця.
Зорить моя сестриця
у небо з-під руки.
А я спішу до неї.
Над рідною землею
із вирію лечу.
Лечу і не встигаю,
і час мене змагає
у хмарі сивини.
Даремно плаче камінь –
зернята не чекають
і тягнуться до дня.
Росточки гарбузові
вмиваються сльозою
між пальцями сестри.
Допоки я у небі –
у кратері вогневім
зарошеної квітки
вовтузиться бджола.
Зорить моя сестриця.
Ти, брате, не барися.
Між зорями іскриться
планета гарбуза.
Видзвонюють зернятка,
і слухають світи.
І знову – все спочатку...
О брате мій, лети!

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО

ЗВЕРЕНЫШ

1

В этот летний вечер, когда в городе до одури пахло разомлевающим асфальтом и гарью, в супермаркет «Восторг» вместе с поредевшим потоком покупателей вошли и две ничем неприметных девчонки.

Одной, что повыше, на вид было лет двенадцать-тринадцать. Возраст другой, что была поменьше, но шустрой, трудно было определить. Судя по росту – лет десять-одиннадцать. А если внимательнее приглядеться к ее совсем уже не детским глазам, говоривших о том, что в жизни они успели что-то повидать и знают почем фунт лиха – дашь и все пятнадцать. На крылышке носа ее приютился скромный пирсинг – блестящая бусинка, предававшая ей слегка озорной вид.

По тому, как эта девчонка уверенно двигалась от отдела к отделу, от прилавка к прилавку, как легко вскакивала на движущиеся ступеньки эскалатора и как просто, без прыжка соскальзывала с него, можно было понять, что она тут не впервые.

Вторая, что повыше, хвостиком следовала за ней. Долго они нигде не задерживались. Разве что там, где продавались красивые сумки и яркие зонтики. Да еще в кафе, где уставшие от ходьбы покупатели торопливо поглощали пирожки, бутерброды, куски торта и пирожные.

Подружки, судя по их горящим глазам, тоже были не очень сыты, если не сказать больше. Они, наверно, проглотили бы по целому тарту, если бы его им кто-то дал. Но им никто ничего не предлагал – сытый голодному не товарищ... Кошельки у подружек, похоже, были не толстыми. Если они у них вообще были.

Одна, что повыше, с каким-то прямо-таки собачьим вниманием следила, как упитанная дама с тату дельфина на плече, побрякушками на шее, ушах и руках за обе щеки уминала политый шоколадом торт. И когда толстушка проглотила последний кусок, девчонка вместе с ней тоже сделала глотательное движение, только, понятно, впустую. И икнула.

Подруга осуждающе глянула на нее и ничего не сказала. Сказала та, что икнула:

- Мне совсем не хочется торта, даже космического...

- Мне - тоже, - кивнула подруга.

Переглянулись и, взявшись за руки, с независимым видом последовали дальше, словно они здесь не случайные посетительницы, а совладельцы сего огромного Дома торговли.

«Восторг» они любили... Здесь было чем восторгаться. Это целый город. Можно сказать, волшебный. Для покупателей здесь все есть. Даже каток. Зимой тут по-домашнему уютно и тепло. Летом, когда на улице тропическая жара, как сейчас, здесь всегда прохладно. А в одном отделе стоит даже холод, там, где продают замороженные тушки курей и всякое другое мясо. И у входа в этот отдел висели розовые куртки - чтобы, выбирая продукт, покупатель не простудился. А розового цвета, наверное, потому, чтобы кто-нибудь ненароком не ушел домой в фирменной куртке.

Подружки ходили по зеркальным, ярко освещенным залам, нигде подолгу не останавливаясь. И вид у них был такой, будто они ходят не по магазину, а по залам музея - смотрели, ничего не трогали руками и ничего не покупали.

Та, что поменьше, вышагивала с чуть приподнятой головой и, несмотря на то, что, в общем-то, была тут среди покупателей ростом меньше всех, она умудрялась смотреть на все и на всех чуть свысока. В ее осанке проглядывалось что-то артистическое или даже аристократическое. То ли она незаметно для себя кому-то подражала, кого-то играла, то ли это аристократическое было в ее крови. Хотя, судя по одежде - короткие драные джинсы с британским флажком на заднем кармане, не первой свежести футболка и старые кроссовки - родители ее были не из высшего общества. Если они у нее вообще были.

Пресный голос диктора сообщил, что через полчаса магазин закрывается, просьба к покупателям - с выбором товара поторопиться.

Подружки в это время были уже на первом этаже и, наверное, еще минута и они тоже покинули бы супермаркет, как многие другие посетители. Но шустрая вдруг приостановилась, до щелок сузив серые глазки, те самые, которые знали почем фунт лиха. Сейчас в щелках ее глаз светился огонек - казалось, там сидел бесенок.

- А хочешь, наедемся торта и пирожных?.. До отвала?

Подруга недоверчиво скосила на нее глаза и улыбнулась одним уголком рта.

- Хоть?..

Вопрос был странным – за какие бабки?..

Шустрая повернулась к своей длинноногой подружке и, приподнявшись на носках, что-то прошептала ей на ухо. И громче уже добавила.

- Ты только не глазами туда...

И они направили свои стопы туда, куда не надо было смотреть – к отделу музыкальных инструментов, что рядом с кафе.

Это был довольно обширный отдел, быть может, самый большой в магазине. На полках стояли разнокалиберные аккордеоны и гармошки, висели гитары, мандолины, балалайки, сверкали громоздкие дутые медные трубы и прочая музыка. А на полу и как-то чуть в стороне – целый ряд пианино и несколько роялей. Некоторые из них были покрыты брезентовыми чехлами.

Шустрая подошла к тому роялю, что был накрыт чехлом, поиграла по нему пальцами. Потом слегка отодвинула край чехла, вроде бы просто так.

- Тань, лезь!.. Я за тобой... Когда магазин закроется, вылезем...

- Поймают...

- Кто не рискует...

Подружка покачала головой.

- Не надо, Света...

- Не надо – не надо... Дрейфишь, да? Ну и вали отсюда!..

- Так я пошла...

- Линяй...

Подруга виновато улыбнулась, попятилась прочь от возможной беды и побежала к эскалатору.

Видавшая виды девчонка воровато огляделась по сторонам, кулаком прошлась по носу, потрогала перламутровую бусинку на крылышке носа – не потерялась ли она, еще раз оглянулась, наклонилась, вроде бы завязать шнурок кроссовки и – шмыг под чехол...

На самом же деле это она представила – шмыг под чехол. Иногда она в своих фантазиях чего только не придумывает... Жизнь серая и малоинтересная, а всегда хочется чего-то необычного, пусть рискованного, но приятного и интересного.

А эта авантюрная мысль, спрятаться, а потом полакомиться сладостями в кафе, в голову пришла, наверное, потому, что бабушка (ее уже нет...) однажды рассказывала как в войну, когда был жуткий голод, один мальчишка досыта наелся хлеба... Пришел в хлебный магазин к его

закрытию... Магазины тогда были небольшие и отапливались не батареями, а печками, высокими такими, до потолка. Между потолком и печкой было небольшое расстояние, как в вагоне на верхней полке. Вот он однажды, перед тем как магазин закрывался, зашел вроде бы погреться у печки, незаметно забрался наверх и лежал там, пока все не ушли из магазина. А когда все ушли, и магазин снаружи закрыли на замок, слез с печки и – к полкам с хлебом. Ел-ел, сколько хотел... Пару буханок за пазуху спрятал и снова залез на печку. И уснул там. Проснулся, когда уборщица его за ногу сдернула... Надавали тумачков, в милицию забрали, но он потом хвастался: зато хлеба наелся до отвала!..

Сейчас можно было бы таким путем и пирожными полакомиться, если бы не было кругом камер наблюдения – за каждым шагом твоим следят...

И прежде чем покинуть магазин, вернулась в отдел, который больше всего любила, отдел игрушек. И, конечно же, направилась туда, где на стеллажах господствовали куклы Барби. Дома кукол этих было вагон и маленькая тележка – вся комната ими заставлена, от плинтуса до потолка: в книжном шкафу и на шкафу, на секретере, на комод, на диване, на его спинке, на шифоньере, рядом и под шифоньером... И все равно, бывая в магазине, она всякий раз подолгу простаивала перед этими почти живыми прелестными и веселыми созданиями, которые, когда смотрят тебе в глаза, кажется, вот-вот скажут: «Привет, Света! Как дела?»

Все куклы были хорошо знакомы, но вот одна новенькая: «Принцесса Русалочка»... Распущенные каштановые волосы, глаза цвета морской волны... Хвост в чешуе бирюзового цвета... Глаза с поволокой... Но в них глубокая печаль... Наверное, потому, что...

Дельфин и русалка,

Сказать, если честно,

Не пара, не пара, не пара...

Жалея Русалку, вздохнула. Еще раз вздохнула, жалея и себя. Потому что Русалка не станет ее еще одной подругой. Быть может, самой лучшей. Был бы отец, стоило бы только пальчиком показать, как эта обитательница морских глубин приплыла бы к ним в квартиру и поселилась на самом почетном месте, на спинке дивана, у изголовья, где стоят любимые куклы...

Из любопытства глянула, сколько стоит. Ого-го-шеньки... 499 гривен! Половина материнского пособия...

Русалка стояла не как все куклы – вертикально, а

наискосок, так, наверное, было удобнее располагаться ее хвосту. Продолжая любоваться морской принцессой, Света, движимая желанием поставить куклу ровнее, невольно притронулась к ней, но палец уткнулся в прозрачную слюдяную пленку, отчего коробка с Русалкой качнулась и свалилась со стеллажа... А за ней, как по команде, дружно рухнули и другие коробки с куклами...

- Что ты там делаешь? - раздался недовольный голос продавщицы.

- Да я... - фанатка Барби хотела объяснить, что нечаянно свалила коробку с куклой, а тут...

А тут со стеллажей... посыпались и другие игрушки. Упала коробка «Твоя кухня», рассыпав по полу разноцветные пластмассовые чашки, блюдца, вилки, ложки, поварешки...

- А ну стой...

Стоять никак не хотелось. Обуял страх: заберут в милицию... Узнают в школе... Мать расстроится...

Что-то хрустнуло под ногой. И под другой тоже... пластмассовые игрушки... Рванулась прочь...

- Держите ее...

- Кого?..

- Да девчонку... вон в куцых джинсах...

- А что она сделала?

- Украла что-то?!..

- Куклу украла!

- Вот мерзавка!

- Охрана! Где охрана??

Руки у парней - клещи...

- Да больно же... - взмолилась поклонница кукол, когда ее руки охранник в черной форме резко завел за спину и держал так высоко, что она шла с трудом, на носках, едва не задевая носом пола.

Подоспел и другой охранник. Стремительно они протаскивали «воровку» мимо кафе, в котором мысленно она лакомилась пирожными. Спустили по недвижимому эскалатору, повели по лабиринту коридоров... Но, похоже, не к выходу.

- Дяденьки, куда вы меня?..

- Разберемся...

- Мне домой надо...

- Теперь у тебя будет другой дом...

Один из охранников на ходу достал мобильный.

- Привет... Тут у нас, в «Восторге», воровка... грабануть что-то хотела... Приезжайте...

- Дяденьки, я не воровка, отпустите меня...
- Иди, гаденыш, развелось вас...
- Я ничего не украдала!..
- Все вы ничего не воруете... Да не упирайся ты... шагай давай!..
- Ой, шнурок... подождите...

Охранник на секунду отпустил руки девчонки, чтобы та поправила шнурок... И этой секунды той хватило, чтобы рвануться в сторону, шмыгнуть в приоткрытую дверь, на которой было написано «Выхода нет» и что было мочи понестись по лабиринту коридоров.

Сзади слышался мат охранников, глухая дробь их тяжелых ботинок, но девчонка не бежала – летела, не зная куда. В темноте споткнулась, что-то опрокинув, чуть не упала... Толкнула тяжелую железную дверь и стремглав кинулась наутек.

2

- ... Как сквозь землю провалилась! – в сердцах сказал один из преследовавших ее охранник и досадливо сплюнул.

Беглянка действительно «провалилась сквозь землю» -- нырнула в слабо освещаемый подземный переход, что был неподалеку от супермаркета, вышла с противоположной стороны, хотела обогнуть машину с притушенными фарами, как тут кто-то схватил ее за руку.

- Пустите! – прошипела она, всеми силами пытаюсь освободить руку.

- Тихо-тихо... – спокойно проговорил водитель, который из приоткрытой кабины машины поймал ее за руку.

Он мог бы посигнализировать подъехавшей уже милицмейской машине или просто крикнуть, что вот она, та, которая от вас убегала, здесь... Но водителя что-то сдерживало выдать юную правонарушительницу. Похоже, он был сейчас больше на стороне этой перепуганной девчонки, чем на стороне группы милиционеров, устремившихся к входу супермаркета.

- Пусти! – сдавленно крикнула она.

Топнула ногой, дернула руку, пыталась укусить водителя, но ни вырваться, ни укусить не удавалось, уж больно силен был поймавший ее.

- Во-первых, не «пусти», а «пустите»... – совсем не зло проговорил незнакомец.

- Ну, пустите...

Можно было бы отпустить, но Кропотов, так звали

водителя машины, кажется, не собирался это делать. Отпустить – вполне возможно, что ее тут же задержат... Потом – что? Допросы, колония для малолетних преступников или спецшкола... Там она такую школу пройдет...

– Не шуми и садись в машину.

– Я никуда не поеду!

– Курица тоже не хотела на свадьбу, так ее понесли! – сказал водитель.

– Я не курица – отпустите!..

«Бродяжка», так Кропотов мысленно окрестил девчонку, не хотела садиться в машину. И ему стоило немалых усилий втянуть ее в салон своего изрядно потрепанного «Шевроле».

Поняв, что из одного приключения попала в другое, поспешно предупредила:

– Если вы собираетесь получить за меня выкуп, то не тратьте зря время, родители у меня бомжи...

– Да я не собираюсь тебя похищать, глупенькая...

– Тогда отпустите!

– Сиди и не дергайся...

И машина резко рванула с места.

– Высадите меня!.. – пискнула девчонка и вжалась в дверцу.

– Я ничего плохого тебе не сделаю, – как можно спокойней произнес водитель. – Ты же убежала от милиции, я видел... Выходит, я твой спаситель. Хотя, если ты будешь вести себя плохо, мне ничего не стоит сдать тебя в ближайшее отделение милиции.

– Не надо никому меня сдавать!.. Куда вы меня везете?..

– Сначала скажи, почему ты убежала? Ты что-то украла?

– Нет, ничего я не украла. Я не воровка... Я кукол смотрела. Барби. Нечаянно свалила одну, Принцессу Русалку... Хотела поставить на место, а за ней попадали другие...

– А почему так поздно в магазине оказалась?

– Домой не хотелось...

– А ты где живешь?

– В центре... Вы меня допрашиваете, как следователь...

– Может, я и есть следователь...

– Вы меня в милицию?

– Нет, домой...

– Лучше высадите меня, я сама доеду...

– Так какая улица?

– Сумская...

Водитель прибавил скорость и ощутил в груди холодок, понимая, какую ответственность взвалил на себя он за эту девчонку и за то, что не выдал ее своим коллегам.

С Кропотовым, человеком, который накрепко связал свою

жизнь с правоохранительными органами, не раз случалось такое, что он сам толком понять не мог. Что-то делает вопреки своим принципам, понимает это, но делает. Быть может, потому, что где-то в подсознании чувствовал, что принципы принципами, но кроме них есть еще что-то более важное, не всегда сразу понятное, которое выше всяких принципов. Так и сейчас. Он понимал, что девчонку эту надо бы сдать в отделение и дело с концом – так должен был бы поступить любой на его месте, даже не милиционер.

- Отпускать тебя мне не положено, но и задерживать не хочется. Мне почему-то кажется, – он внимательно всмотрелся в лицо «бродяжки», – по-моему, ты лучше, чем подумают о тебе там, в милиции...

- Но вы ведь тоже – милиция... – осторожно произнесла «бродяжка».

- Тоже, но... в милиции, как и везде, люди разные...

- Родители знают, что ты так поздно болтаешься по городу?

- Папы у меня нет, а мама... она поздно приходит.

- Где она работает?

- Сейчас не работает, ищет работу...

- А как же вы живете?

- На пособие... Я еще иногда возле рынка тачки мою... Мне это нравится... Мама... Она работала продавщицей на лотке... Лоток сгорел... Так отпустите, я больше не буду, никогда не буду... болтаться по городу так поздно... Отпустите... Мне маму жалко... Она у меня хорошая...

- Матери все хорошие...

- Ой, куда мы едем?

- В центр... А ты думала – в милицию?..

- Но я не в центре живу... На Северной Салтовке.

- Ого-о...

- А вы, наверное, в центре живете...

- В центре живут одни преступники... А я тоже на Салтовке...

«Бродяжка» с любопытством взглянула на Кропотова: она тоже так считала. Она знала, что обедневшие люди, обитавшие в центре, не могли содержать те квартиры, которые им когда-то выдало государство. Богачи скупали хорошие квартиры бедняков и поселяли их в далеких микрорайонах.

Она еще раз взглянула на незнакомца, в уголках губ ее при этом проявилась едва заметная улыбка – ей было жалко этого большого, сильного, мужественного и, похоже, доброго человека: такой хороший, а живет, черт знает где. И подумала

о том, что жизнь несправедлива...

- Ты чему улыбаешься?

Вроде и не смотрит на нее, а все видит...

- А вы меня, правда, отпустите?

- Правда... Тебя как зовут?.. Света?.. Меня Дмитрий...
Архипович... Капитан Кропотов.

Девчонка с опаской покосилась на водителя, одетого в гражданское и перевела взгляд на дверку.

- Убегать не надо, - спокойно произнес он, - я не обманываю - домой тебя доставлю... Только просьба: не болтайся по городу так поздно...

- Хорошо, - послушно пообещала девчонка, не очень веря, что странный милиционер на самом деле отвезет ее домой.

Северная Салтовка - самый дальний в городе микрорайон, вольно раскинувшийся с тыльной стороны заводов на земле бывшего совхоза «Прогресс». Это целый город девяти и двенадцати этажек. Одна из последних застроек советского времени со всей необходимой для нормальной жизни микроструктурой. Здесь есть даже метро...

Жила «бродяжка» в одной из девятиэтажек так называемой «Китайской стены», которую жители так нарекли за то, что десяток домов с арками под ними были прилеплены друг к другу, как меха огромной гармошки, и составляли целый квартал.

- Дома мамы нет, - сообщила «бродяжка», когда машина подъехала к ее дому, - свет не горит... Можно идти, да?

- Ну, давай... Хотя постой...

Водитель достал из бокового кармана фотографию.

- Тебе случайно незнакома эта девочка?..

- Ой, кто это?.. Она что, мертвая... да?..

- К сожалению, да...

- А кто? А за что ее?..

- Если бы мы знали...

- Ее что изнасиловали, а потом убили, да?

С нескрываемым сожаленьем Кропотов посмотрел на «бродяжку», с досадой думая: господи, на губах еще молоко не обсохло, а так просто она произносит эти страшные слова: убили...изнасиловали...

- Так знакома или нет?..

- Не-ет... н-не знакома...

- Ну, ладно, тогда пока...

Щелкнула отворившаяся дверь.

- До свидания... - ошарашенная страшным фото, произнесла девочка, растерянно и с нескрываемым

испугом...

- Можешь идти домой...

- Спасибо вам...

- Да не за что... Ты в каком подъезде живешь? На каком этаже?.. Зайдешь, выйди на балкон, чтоб я видел, что ты – дома... Может, буду нужен, вот мой телефон... Да и мне дай свой – не бойся, я дядечка добрый... Я, может, тебе позвоню...

Девчонка вприпрыжку вошла в подъезд, и Кропотов чуть ли не сразу устремил свой взгляд на ее балкон. Она могла, конечно, и обмануть, что здесь живет. Подъезд мог быть проходным, и ей ничего не стоило пройти во двор и согнуться.

Неожиданная знакомая капитана милиции оказалась честнее, чем он мельком подумал о ней нелестно. Окно над балконом, на который указала та, озарилось скуповатым огнем, буквально тут же появилась ее фигура. Приветливо взмахнула рукой. Он в ответ только поднял руку, вижу, мол, пока!

Садясь в машину, еще раз взглянул вверх и увидел, как девчонка поднесла пальцы к губам, выкинула перед собой руку вверх ладонью и сдула с нее воздушный поцелуй.

- Ишь ты, пигалица! – дернул головой «добрый дядечка» и тронул машину с места.

3

Хорошо – матери нет дома... Последнее время она часто приходит поздно и выпившая. Есть хотелось – ужас. Заглянула в холодильник – хоть шаром покати: скучает в одиночестве только плоский тубик горчицы с хреном... В сковородке нашла недоеденную гречневую кашу, выскребла до блеска, из-под крана запила водой и только теперь почувствовала, что очень хочет спать. Едва коснувшись подушки, улетела в самое сейчас приятное – в сон, где бывает иногда и страшно, но чаще снится хорошее: море, солнце, шум прибоя... галдящее кафе с такими вкусными запахами, что слюнки текут. Часто снятся чьи-то дни рождения, на которых стол ломится от разной вкуснятины, а в центре его красуется огромный торт со свечами, которые вот-вот задует именинник и тогда начнется настоящее пиршество ... Но в этом месте она почему-то всегда просыпается... А на столе... ну, может, Мурка сидит... в поисках чем-нибудь полакомиться...

Проснувшись и по храпу поняла, что мать дома. Раньше отец храпел, а теперь – мать. Раньше мать никогда не

храпела... Правда, и сейчас, если не выпьет, не храпит. Сейчас храпела. Когда храпел отец, не раздражало, даже приятно было. Как-то спокойно, умиротворенно. А когда мать издает эти утробные звуки – неприятно. Ее храп раздражает. Чтобы не слышать нудное дребезжание, хочется скорее уйти. Сейчас тоже. Только проглотить бы чего... Мать никогда не приходит домой с пустыми руками, даже пьяная. Пирожки!.. С капустой и картошкой...

Уминая их за обе щеки, неохотно вспомнила свой вечерний вояж в магазин, злилась на Таньку, что та бросила ее. Вновь и вновь переживала тот момент, как посыпались со стеллажей куклы и как ее поймали охранники. Радовалась, что убежала, что чудом так счастливо все обошлось. И потому, что она такая ловкая. И благодаря этому странному и доброму менту, как там его...

Мать продолжала спать, а Света, взяла «Лоск», баллончик с шампунью для автомобилей, пластмассовое ведро, пару тряпок, щетку с длинной ручкой и отправилась к рынку чтобы чего-нибудь заработать.

Машин здесь было, как всегда, полно, но не каждый водитель доверял девчонке наводить на свое авто марафет. Вскоре такой клиент появился и мойщица усердно принялась за дело.

Заканчивая работу, тыльной стороной руки откинула волосы назад и ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Прохожие сновали туда-сюда, кто-то, наверно, мимоходом смотрел и на нее, белобрысую девчонку, наводившую блеск на чью-то новенькую машину. Оглянулась – пацан чуть старше ее. Руки скрещены на груди, на губах улыбка человека, которому в жизни везет... Сейчас мало людей с такими улыбками. Все кругом мрачные и злые, а этот – ясное солнышко! Родители, наверно, олигархи... Правда, судя по его прикиду, скорее – бомжи... Когда хозяин авто рассчитался и отъехал, этот, которому в жизни, наверно, везет, вальяжной походкой направился к юной мойщице машин. Подойдя ближе, выкинул перед собой ладонь:

– Бог велел делиться...

– Чё-чё!.. – с вызовом протянула мойщица, готовая отстоять свой заработок.

– Чё-чё – через плечо... Гони бабки!..

– Ты чё, тупой? Это мои деньги!..

– Были твои, станут мои!

Еще окинув предмет рэкета с ног до головы, любитель дармовых денег вдруг разочаровано округлил глаза и медленно опустил руку.

- Ба-а!.. Да ты - гёрл!.. Тогда пардон... На пацана похожа... Айм сорри!.. - стушевался и спрятал руки за спину.

Мгновенье смотрел на нее как смотрел бы в музее на предмет обозрения и улыбнулся той особенной улыбкой, которая появляется у людей, которым в жизни везет. Собираясь убраться восвояси, театрально откланялся, но замешкался на миг и спросил:

- А ты где обитаешь?

- А тебе надо?

- Надо.

- А зачем?

- Да так...

И снова расплылся в своей веселой, беспечной улыбке.

- Ну ладно, до встречи!

- Придурок! - негромко кинула она ему вслед и, осуждающе качнув головой, пробормотала себе под нос:

- Все кругом только и знают, что грабить...

Слова были явно не ее, но теперь уже и ее.

Провожая ненавистным взглядом любителя легкой наживы, мельком подумала, что она его где-то видела. Где - вспомнила, когда через несколько дней они случайно встретились в метро. Она ехала в последнем вагоне и вышла последней. Настроение было не ахти - мать не просыхает... И тут он... этот, что деньги хотел отобрать. Она не поняла, откуда он взялся: в вагоне его не видела, вместе с ней он не выходил и вдруг рядом...

- Привет, гёрл!

- Ты как с неба свалился...

- Не с неба, с буфера последнего вагона... - он кивнул вслед с визгом уносящемуся электропоезду. - Класс!

Она окинула его взглядом с ног до головы.

- Ненормальный...

- Чё ненормальный?.. Адреналин накапливаю...

Они тогда вместе вышли из метро. Познакомились - Санькой зовут. Ей непонятно его странное и дикое увлечение. Оно отталкивало и вместе с тем притягивало. Отталкивало своей беспшабашностью - кататься в метро, прицепившись за поручни сзади электропоезда или ездить на крышах электричек, а на остановках еще подтягиваться на проводах - что может быть опасней и глупей? Попробуй, пойми пацанов...

Но именно это, непонятное и привлекло ее в незнакомом, не ведавшем страха мальчишке.

Когда расстались, вспомнила, где его видела - в местных новостях по телевизору... Два милиционера этого Саньку

снимали с крыши электрички... Диктор рассказывала о странном и глупом увлечении подростков, которых называют зацеперами... Мало того, что они по-глупому рисковали жизнью, так они еще выкладывали свое видео в Интернете.

И еще раз их пути пересеклись. Во дворе, как обычно, собралась кучка ребят. В центре стоял этот... в своей любимой позе – скрещенные руки на груди... Ребята были чем-то серьезно взволнованы, говорили громко, перебивая друг друга, размахивали руками. Она невольно слушала их разговор.

- Когда его ударило током, ему разорвало рот...

- А ты видел?

- Я нет, а вот Рашпель видел, наш учитель труда... Говорит, прямо на его глазах... как долбануло!..

- Еще повезло... мог бы вообще в уголь превратиться... Представляете, 27 тысяч вольт!

- Жуть!..

- Дурак он... - сказал и сплюнул в сторону.

- Чё дурак?

- Он заземлился... а надо было просто опуститься прыжком, вот так... - показал как... Негромко, будто для самого себя назидательно произнес:

- Физику надо знать!..

Ей понравилось, как знаток физики показывал: какая-то изящность в движениях, пластичность... Подумала, что он, наверняка, хорошо танцует нижний брейк...

Он ощутил на себе ее взгляд. Их глаза встретились, на миг задержались.

- Курнуть хочешь? - спросил он.

- Мамка не разрешает...

- Ишь ты, какая правильная!

- Стараюсь...

Разговор меж ними шел в том полушутливом и ироничном тоне, как обычно общаются малознакомые подростки: серьезное, если нужно, легко можно обратить в шутку и наоборот.

Телефон свой дал. Звонить не стала: нужен он ей, этот придурак, который бегаёт по крышам вагонов электричек, пугая людей и непонятно зачем-то рискуя жизнью...

А сегодня чего-то приснился. Ехал на крыше электрички... Как будто держится за провода, как за вожжи и что-то восторженно орет... Ненормальный... А потом – бац и его охватывает синий мерцающий огонь... Санька становится все меньше и меньше, мгновение и совсем

исчезает, будто испаряется, будто на крыше ветром мчавшейся электрички никакого мальчишки и не было... Когда совсем испарился, она проснулась...

Сердце билось так, что отдавало в висках... Чего это он ей приснился, этот придурок? Она о нем никогда не думала... Кажется, не думала... И все-таки немного думала. Потому что случайно узнала, что у него, как и у нее, нет отца... А общее горе, если и не роднит, то притягивает людей друг к другу.

Не знала она, что у этого паренька и матери не было... Зато у него всегда было приподнятое настроение. Почему – никто не знал. На его обветренных губах почти всегда светилась едва заметная улыбка человека, которому в жизни везет.

Да, по большому счету, ему везло с самого начала жизни. Он не должен был родиться.... Не должен – этого никто не хотел... Но родился!... Других в таких случаях просто выбрасывают, а его мать добрая, отнесла к больнице, где с глухой стороны было окошко... Кто хочет избавиться от нежеланного дитяти, может тайно принести его туда, оставить и живи себе человек!..

Так Саня и вошел в эту прекрасную и жестокую жизнь. Дом малютки, потом детский дом... интернат... побег – воля... потом жизнь у санитарки роддома тети Шуры, которую он называл мамой... Но о своей детской одиссее он никому не рассказывал. Мать свою он действительно никогда не видел. И отца тоже. Где они, какие они – понятия не имел. Как ни странно, но ненависти у него к ним не было. Напротив, о матери он думал уважительно и тепло. Она, как некоторые другие роженицы, могла его просто выбросить в мусорный бак или закопать где-нибудь в лесу... Или утопить в речке, как топят ненужных щенков и котят... А его мать (мама!) принесла в больницу... Значит, думала о нем...

4

Немного думала о нем и девчонка, у которой он чуть не отобрал ее скудный заработок.

Никогда раньше она так внимательно не рассматривала себя в зеркале... Хотела скрыть от самой себя – почему... Но в голове назойливо звучали слова этого придурка: «... на пацана похожа...» В общем-то да, есть такое сходство. Ну так что: похожа и похожа... А в глубине души не соглашалась с этим сходством. Все-таки она девчонка... Да, девчонка... Может, косички заплести?

Собрала в пучок волосы с одной стороны, с другой, начала было плести, но тут же встряхнула головой, рассыпая по плечам ...

Выйдя на улицу, она увидела «этого» во дворе – легок на помине...

Он стоял в сторонке от младших мальчишек, подпирая дерево и наблюдая за тем, как они, азартно вопя, кидали в воздух палки, стараясь сбить летавшего над ними жука-рогача... Когда им это удалось, один из них хотел прибить плененного жука гвоздем к дереву. Уже и гвоздь к спине красавца-рогача приставил, свободную руку протянул к дружкам.

- Дайте чем прибить...

Санька, отклеился от дерева и в два прыжка оказался рядом с юным палачом.

- Эй, чё это ты задумал?

- Да вот прибью сейчас... Знаешь, как быстро он будет шевелить лапками – ха! Думает, что убегает, а убежать не может... Крылья распушит, а улететь не сможет... – во забавно!..

На миг лицо у Саньки сделалось болезненным, наверное, он представил, как это... когда тебе в спину гвоздь вбивают...

- Отпусти его... Пусть живет!..

- Чё отпускать?

- А если тебя прибью... вот так... к столбу... пригвоздят ломом... в спину, а?..

- А меня-то зачем? Я – человек...

- Гнида ты, а не человек... Дай сюда жука!..

Малолетний истязатель спрятал жертву за спину, но Санька посмотрел на него таким жестким взглядом, что тот послушно протянул отчаянно сучившего лапками жука его защитнику.

Какое-то время Санька внимательно рассматривал везучего жука. Жесткие черты лица мальчишки медленно обретали не по годам детскую нежность, казалось, сам Бог провел рукой по его давно нечесаным вихрам.

А Свете вдруг самой захотелось подержать в руках жука. А потом посадить на куст – пусть бежит или летит к своей семье...

Санька, ощутив на себе ее пристальный взгляд, мельком взглянул на девчонку с забавно раскрытым ртом, размахнулся и подкинул жука в небо. Наблюдая за полетом ошалевшего от радости жука, расплылся в улыбке.

Она тоже улыбнулась. Пристальней, чем обычно, посмотрела на Саньку. Возникло желание подойти, но тут

же передумала и пошла своей дорогой, в магазин за хлебом.

А он – за ней...

Ей почему-то и приятно было, что он идет за ней и вместе с тем как-то не по себе – что за приставало...

- Тебе чё, Сань?

- Да так...

Пошли рядом.

Возле газетного киоска он остановился и через головы покупателей почтительно поздоровался с продавщицей, худощавой, пожилой женщиной в очках. Та ему приветливо кивнула и, когда у прилавка никого не осталось, спросила:

- Как дела, Саня?

- Все в норме, Лариса Васильевна.

- Как мама Шура?

- Работает...

- Привет ей передавай.

- Передам обязательно, Лариса Васильевна. А вы тут как?

Женщина обаятельно улыбнулась и, окинув взглядом расставленные на полках газеты и журналы, в тон ему ответила с чуть притворной гордостью:

- Работаю!..

Невинное притворство киоскерши было понятно Саньке и непонятно его спутнице. Когда отошли, он пояснил:

- Лариса Васильевна – наша бывшая учительница... русского языка и литературы... Сократили...

Света понятливо кивнула.

- Классная училка была! На уроках литературы свечи зажигала и так интересно рассказывала... В нашем классе урок литературы был любимым... Жалко Ларису Васильевну... Такой человек и...

Помолчали, мысленно возмущаясь тем, что стояло за этим недобрым недоговоренным «и...»

- ...Я слышала, что у тебя никого нет, а мама... Шура?

- Когда-нибудь расскажу... – неохотно пообещал Санька.

- Привет, дружище! – окликнул его стройный парень в пролетарской кепке.

- А-а... Вадим Сергеич... Мое – вам... – Санька поприветствовал прохожего сжатым перед собой кулаком. – Не узнал вас – полковником будете!

- Стараюсь, – деланно серьезно произнес Санькин знакомый. – Как дела?

- Нормально... А у вас?

- С переменным успехом, Саня. Если что надо, звони...

- Кто это? – поинтересовалась Света, когда «будущий полковник» слился с потоком прохожих.

- Наш участковый... Классный парень! Меня однажды чуть не загребли... если бы не он...

- А за что... тебя... чуть не загребли? - насторожилась Света.

- Было дело...

Саньке явно не хотелось распространяться о себе. Лицо его на миг приняло не свойственное ему виновато-болезненное выражение, но тут же просветлело.

- О Вадиме Сергеевиче писали в газете... Он не просто милиционер... Он еще и артист. Артист-милиционер...

- А что писали? - спросила Света - ее интересовало все, что касалось артистов, ее тайной мечты.

Санька торопливо и охотно рассказал:

- Понимаешь... в Одессе, в парке, промышлял один подонок: знакомился с девушками, которые носили золотые цепочки, кольца-браслеты, заводил их в аллею потемней, грабил и исчезал... Никак не могли поймать... И тогда Вадима (я его так за глаза называю), послали в командировку в Одессу, где его никто не знает. Одели девушкой, грим там... на шею золотую цепочку и прочие украшения... И в парке одно чмо попыталось «девушку» ограбить... А Вадим только на вид щупленький... он весь - жила! - и горделиво повторил: - Классный парень!

Света одарила собеседника одобрительной улыбкой. Ей понравилось, что он говорит о своих знакомых хорошо.

- У тебя столько знакомых... - заметила она, - у все они классные...

- А мне везет на знакомых!

Он окинул спутницу с ног до головы и улыбнулся: ты, мол, тоже моя знакомая... И - классная...

5

Света думала, что, становясь старше, будет больше понимать жизнь... а получалось наоборот... меньше понимала людей... и даже своих сверстников.

В последнее время чем больше она узнавала людей, тем меньше их понимала. Подруги... Казалось бы - душевная опора и первая помощь, если она вдруг потребуется... Но на деле - завистницы и предатели. Побили...

А этот Санька... Хотел деньги отобрать, а какого-то жука пожалел...

А бабушки на скамейках возле подъезда... Такие приветливые, такие добрые... Сю-сю-сю... Когда в глаза тебе

смотрят. А стоит отойти, осуждают тебя и в спину чуть ли плюют...

На днях ей, Свете, вслед:

- Боже! Как теперь ходит босота... Штанцы до пупа поотрезали - задницей светят...

- А трусы, а трусы какие носят... видели? Раньше попу прятали в трусы, а теперь трусы в попу...

И словно плевки - злорадные хи-хи.

Мать бабки называют насмешливо Сингапуркой. И только потому, что она однажды девице со второго этажа, когда та бросила окурочек на асфальт, сделала замечание, сказала, что в Сингапуре, например, за брошенный на тротуар окурочек штрафуют на 500 долларов.

Люди, как начинала понимать Света, совсем не то, что они собой представляют внешне. Они тебе улыбаются, называют подругой, а за спиной, наверное, рожки ставят (видела она однажды в отражении оконного стекла). Самое страшное, что произошло в сознании Светы в последнее время - она потеряла веру в людей.

Поймала себя на мысли, что после встречи с Санькой, на душе сделалось как-то легче, теплее. Несмотря на то, что он недавно ее чуть не ограбил, зла на него у нее не было ни капли. Почему - не знала. Напротив, она вдруг подумала, что и с мальчишками тоже можно дружить. Быть может, подумала так потому, что разочаровалась в дружбе с девчонками. Может, потому, что, находясь рядом с ним, жизнь светлела. И люди становились приятнее... Учительница - классная!.. Милиционер - классный!..

На ум пришел и этот мент... как его... Дмитрий... Архипович, что ли... Почему он ее отпустил? Просто такой добрый дядечка?.. Или тут что-то другое?..

А Кропотов был не таким уж и странным и тем более добрым... дядечкой... Во-первых, во-вторых и в-третьих, он до мозга костей был опером, прирожденным притом. И где бы ни был, о чем бы он ни думал, все его мысли стекались в один ручеек, были связаны с его профессиональной работой: ловить и обезвреживать преступников... И незнакомую девчонку, похоже, малолетнюю правонарушительницу, он прикрыл с подсознательным намерением... с дальней мыслью: может, дружба с этой ночной бродяжкой, когда-нибудь пригодится... Да и не когда-нибудь, а в ближайшее время...

Неотступно стояла в памяти картина недавнего преступления на окружной дороге, жертвой которого

оказалась такая же вот девочка, как эта его юная знакомая...

Неделю назад на обочине кольцевой дороги было обнаружено бездыханное тело девочки-подростки. Пасший коз мужчина, увидев мертвое тело, выбежал на трассу, остановил первую попавшуюся машину, водитель позвонил в милицию, которая и прибыла на место преступления.

А эту незнакомую девчонку Кропотов отпустил и потому, что не хотел, чтобы ее упекли в колонию – добру там она не научится... Отпустил и потому, что в эти дни роились у него в голове противоречивые мысли...

Вот уже несколько дней подряд, а точнее, с того самого момента, когда случайно встретился с «бродяжкой», которую следовало бы задержать и передать в руки коллегам по службе, он вынашивал одну рискованную идею: использовать ее как «живца»... Надо позвонить ей и поговорить... Все-таки она обязана ему своей свободой... Чувствовал, что мотив не весьма... обязана... зеленая девчонка обязана ему, бывалому оперу...

Если быть до конца откровенным, то ведь и прикрыл он ее, малолетнюю правонарушительницу, не из каких-то высоких гуманных побуждений, а из мгновенно пришедшего подсознательного решения использовать в своей розыскной работе... А отпустил сразу потому, что чувствовал свою неправоту: он не имеет морального права малолетку подставлять под опасность...

И все же...

И все же через несколько дней подъехал к дому своей подопечной, которой он позвонил и она согласилась встретиться... Мысленно сам себе твердил: я сделаю все, чтобы с ней ничего плохого не случилось... Сделаю все... Только бы она не отказалась... помочь следствию...

Глухая стена одного дома служила здесь, можно сказать, огромным мольбертом для любителей живописи. Или уличным блогом, где каждый мог лаконично высказать наболевшее. Каких надписей, каких художеств здесь только ни было: огнедышащие драконы, красавицы-русалки, всякие абстрактные замысловатости. Был здесь и всем понятный реализм: зеленый танк с усатым танкистом в люке, державшим в руках красное знамя. И благодарственная надпись: «Спасибо Деду за Победу!»

По лицу опера скользнула теплая улыбка: не вся молодежь плохая...

Раздражительное: «Капитализм – дерьмо!»

Хромыми буквами: «Комуняку на гиляку!», «Геть бандицьку владу!»

Чей-то крик отчаяния: «Жить не могу!»

Подумал: раньше писали: «Коля + Оля = Любовь!», «Миру – Мир!»... Теперь – «Жить не могу!»

Вспомнил о газете, которую сунули в подземном переходе, когда шел в гараж. Там писалось о девочке... Прыгнула, бедняжка, с крыши высотки... Что-то часто стали подростки по собственной воле уходить из жизни. Кто им помогает уходить?..

Перед глазами опять возник труп девочки на обочине дороги...

Ребята этого огромного двора жили своей обособленной жизнью. Между ними, как и между взрослыми, в последние годы возник крутой раздел. Одни ходили в школу в потерявших былой цвет одеждах из «секонд-хенда», другие форсировали в фирмовом «прикиде». Одни ходили в школу пешком или шкрябали на трамвайчиках. Других к самым дверям не школ – лицеев подвозили родители или их телохранители на сияющих хромом «мэксах» и «джипах». Одни ездили с родителями на Кипры и Канары, другие проводили время в подъездах и подворотнях с едким запахом мочи, а некоторые и отбывали срок...

Кропотов направил свои стопы к тем, кто не ездит в мэксах и джипах. .

У входа в арку услышал диалог двух ребят:

– Слышал, тебе велик купили, да?

– Купили...

– А чё не показываешь?

– Да батя говорит: никому не давай кататься – поломают...

А я ж на чужих научился ездить!..

– Пусть сами катаются!

– А я так и сказал...

Кропотов озадачено качнул головой.

На выходе из арки два подростка выясняли отношения, густо пересыпая свою речь матерками.

Делать им замечание Кропотов не стал, воспитание на ходу – дело бесполезное. Тем более, что мат в стране давно в моде... Ровно с тех пор как рассыпался СССР и стало все дозволено. Особенно – дурное. Изъясняться матерными словами модно не только среди мужающего поколения, но и во всех слоях общества, включая депутатов, студентов, их преподавателей и даже поэтов-писателей. Это же здорово – увидеть то, что пишут на заборах, напечатанным на страницах книги. Или услышать в компании интеллигентных людей. Ненормативная лексика, как это сейчас называют, считается, как ни странно, чем-то вроде, если и не хорошим

тоном, то сочной речью. Мат якобы несет в себе эдакую удаль... Точных слов не хватает – хлестни матом и тебя поймут. И даже зауважают. Вроде бы...

Мальчишки "хлестнули" и блюстителю порядка лишь мысленно отметил: «Продвинутый народец тут обитает...»

В стороне от детской площадки возле старого без окон и дверей автобуса «Икарус» расположилась группа небрежно одетых подростков. Кто сидел на корточках, кто полулежал, положив голову на колени друга или подружки, кто закинув ногу на ногу, подпирал спиной колеса автобуса. Один мальчишка, сидевший на старом скате, брэнча на гитаре, с ленцой хрипловатым голосом напевал:

Пацаны, пацаны.

Что творится-то...

Мы не можем друг другу помочь.

Кто подался работать в милицию,

Кто бежит от милиции прочь.

За ним приглушенно и с чувством подхватили сразу несколько человек:

Кто-то ездит в пальто кашемировом.

Кто на рынке торгует с утра.

Стали нищими и банкирами

Пацаны из родного двора...

При виде приближавшегося к честной компании незнакомого мужчины в неброской одежде, но с пристальным взглядом, ребята оборвали песню, гитарист, правда, с повязанной на голове косынкой в горошек по инерции продолжал перебирать струны и перешел на свирепый рэп:

Мама, я в Дубаи.

Мама, мама, в Дубаи...

Мама, я в Дубаи,

Мама, мама, я в Дубаи!

И пусть все об этом знают.

Здесь все круче, мама...

– Мы к вашим услугам! – выступила вперед в вызывающей позе девчонка лет двенадцати в клетчатой рубашке с пиратски завязанным узлом над открытым пупком, украшенным блестящим колечком. Губки иронично поджаты, глаза настороженно прищурены.

– Извините, если помешал...

– Да что вы, дяденька... вы к нам по какому-то делу?..

– К сожалению, по делу. Я из угрозыска.

– У-у-у!.. – деланно почтительно хором прогудела

компания. И также деланно все изумленно переглянулись.

- Ксиву показывать?

- Да можно было бы и взглянуть! – от автобуса отклеился русоволосый парнишка с серьгой в ухе и сильно потрепанных джинсах, то ли рваных, то ли намеренно разрезанных на коленях. На губах его сияла веселая беспечная улыбка.

Опер достал удостоверение, развернул его на ладони. Русоволосый мгновенно изучал, удовлетворенно кивнул и почтительно отступил на полшага.

- Кого-то забирать будете? – в глазах тревожная усмешка.

- Нет, зачем же... преступников в вас я не вижу, я пришел к вам за помощью...

Спрятав удостоверение, извлек из кармана фотографию, на которой была запечатлена найденная у дороги убитая девочка.

Смешинки в глазах русоволосого вмиг рассеялись, выражение лица стало серьезным.

- Не знакома вам?

Изучавший фотографию мальчишка, поджав губы, медленно покачал головой.

- А кто – ее?..

- Если бы я знал – кто, не пришел бы к вам.

- А почему именно к нам? – девочке с пиратским узлом на голом животике явно хотелось спорить и возражать.

- Не только к вам – мы ко многим ходим, пока не находим то, что ищем.

Русоволосый передал фотографию ей. Девчонка с недоверчивой миной на лице взяла фотографию и, взглянув, отпрянула.

- Ее убили?!..

Кропотов молча кивнул.

Глаза у спросившей стали большими, губы пролепетали:

- Надо же... такая хорошенькая... а кто – ее и зачем?..

Фотография быстро прошла по рукам всей компании. Переглядывались, перешептывались, пожимали плечами.

- А где ее нашли?

- На окружной... по дороге на Белгород...

Кропотов обвел внимательным взглядом ребят: может, кто-то и видел бедняжку, может, был знаком с ней, но почему-то молчит. Может, просто не хочет лишний раз общаться с милицией...

Но на лицах ребят не было скрытой тайны. Сейчас, когда фотографию увидели все, с их лиц сама собой слетела защитная ироническая маска. Ребята в один миг сделались

самими собой: простыми, чуткими к чужой беде и обнажено незащитными.

- Да что вы... товарищ капитан...

Он уже собирался уйти - Светы не было. Выходит, обманула, но тут подошла и она. И Кропотов обрадовался не столько тому, что она пришла, а тому, что он ей доверил, а она - ему. Доверять друг другу - дорогого стоит.

- Здравствуй, Света...

У ребят глаза на лоб: во-о какой знакомый у Светки...

- Здравствуйте, - она свойски протянула руку, чтоб все видели, какие у нее знакомые...

- Давай отойдем в сторонку...

Когда отошли, тут же спросила:

- Нашли убийцу, да?

- Пока нет...

- А-а...

- Зачем я приехал?.. Да как тебе сказать...

Было видно, что Кропотов хотел поговорить о чем-то очень серьезном и все не решался это сделать. - Давай-ка присядем... В ногах, говорят, правды нет...

Присели на обтесанное бревно, служившее теперь скамейкой. Девчонка - вся внимание.

- Не знаю, как ты на это посмотришь... Вот ты спросила, поймали ли мы убийцу...

- Так что?.. - насторожилась.

- Давай, подружка, сразу договоримся... Если то, что я предложу, тебе не подходит, скажи сразу... Если - да, будем действовать дальше... И то, о чем мы будем говорить - никому ни слова...

6

Еще недавно подружки ей дико завидовали: мать - стюардесса, отец - командир корабля. Летают по всему миру. Париж, Эмираты, Рио-де-Жанейро...

Девчонки тайно были влюблены в ее отца, мальчишки в мать, голубоглазую блондинку с очаровательной улыбкой и фигурой модели. Света в душе гордилась своими родителями, любила их безоглядно и ее безмятежную жизнь время от времени омрачала лишь болезненная и глупая мысль, что так хорошо, безоблачно не может быть всегда.

Эта навязчивая мысль преследовала ее потому, что родилась и выросла она среди летающих людей, а с ними порой случается самое страшное и непоправимое... Когда однажды домой к тебе зайдут не просто один-другой друг

отца, а сразу целая делегация – значит случилось непоправимое... Света видела однажды как такая делегация летчиков с мрачными лицами явилась к одной ее подруге...

Два года назад погиб при авиакатастрофе и отец Светы. Также пришла делегация его сослуживцев, лица у всех были суровые, хмурые и виноватые... Они еще ничего не успели сказать, как, холодея от ужаса, поняла, что отца своего она больше никогда не увидит...

Мать с тех пор начала пить. И раз, и другой ее не допустили к полету. Потом уволили. И она запила. И потому что осталась без мужа, которого любила. И потому что лишилась работы, о которой мечтала с детства. И еще потому, что жизнь стала чертовски трудной – все стремительно дорожало, в стране творилось черт знает что... Пособия за мужа едва хватало на уплату за квартиру. Все, что могла, снесла в ломбард. Сдала в приемный пункт все золотые вещи, серебряные ложки, ножи и вилки.

Старалась бороться с собой, своим пристрастием к алкоголю. Но это получалось плохо. Бывало, не пила месяц-два. И даже снова пыталась устроиться на свою прежнюю работу. Но аэропорт, как и все в стране, с каждым днем хирел. Горючее дорожало, самолеты один за другим выходили из строя, ремонтировать их было не на что, рейсы стремительно сокращались. Сокращался и летный состав. В руководстве отряда появились новые, ловкие и жесткие люди, которым до лампочки была какая-то бывшая стюардесса, пусть даже и жена погибшего командира корабля.

Жить было не на что. С утра мать уходила искать работу, а вечером возвращалась выпившей, а то и прилично набравшейся. Иногда приносила еду, иногда кидала на стол несколько мятых невысокого достоинства гривен.

7

Сегодня мать должна была получить пособие за отца – значит, будет маленький праздник. Если, конечно, она придет трезвая. Коротая время, присоединилась к компании ребят во дворе.

Сейчас тут велся привычный у ребят в последнее время разговор о родителях. Кто жаловался, что совсем не дают денег, кто, что много пьют. Света при этом только губы поджала. Хотелось пожаловаться и на свою мать, но сдержалась, считая в душе, что ее мать не такая, как у других, что у нее это случайное, временное. Да мать и сама, когда протрезвлялась, говорила, что больше не будет пить.

Никогда-никогда... И несколько дней не пила ни капли. Становилась серьезной и ласковой и деловой: наводила в квартире порядок, стирала, гладила, читала газеты, в которых ее больше всего интересовали объявления о работе. Один раз получила работу – раздавала какие-то бумажки у входа в метро. В первую полочку накупила всякой вкуснятины и бутылку вина, объяснив, что «немножко можно». А после таких «немножко» всегда было продолжение. И все начиналось сначала...

Танька жаловалась, что отцу полгода на заводе зарплату не дают, а почти каждый день приходит вдрызг пьяный. Вечером всю посуду побил. Утром мать овсянки в консервную банку ему насыпала, а он как психанет: что ты мне, как собаке?..

Помолчали, каждый думая о своем.

– А Вовка говорит, – продолжала подруга, – что готов убить своего батю...

– За что-о?

– Да говорит, что опять всю зарплату пропил, за квартиру нечем заплатить...

– Мои шнурки тоже грызутся, живут, как кошка с собакой...

– А мой отец, как с цепи сорвался, изменяет матери налево и направо...

Дылда Жека, самый старший в компании, сально ухмыльнулся и с видом знатока изрек:

– Как говорит моя сеструха, не мыло, не смылится...

Пацаны, те, что постарше, прыснули от смеха. И Таня тоже стеснительно хохотнула и тут же спрятала лицо в ладони. Света же лишь приоткрыла рот, пытаясь уразуметь, при чем тут мыло... И стараясь показать, что она не малолетка, что она в курсе дела, согласно кивнула, мельком подумав, что непросто входить в эту взрослую жизнь – так много в ней непонятного и странного.

Шепотом спросила подругу, чему она смеялась, когда этот дылда Жека сказал про мыло.

– А-а... отмахнулась та. – И на ухо что-то прошептала, отчего у Светы лицо вытянулось и сделалось испуганно-глупым.

Подошел Санька:

– Слышали: трое девчонок бросились с крыши высотки... – убито сообщил он.

По постным лицам ребят было видно, что эту печальную весть все уже слышали.

Кто-то заметил:

- Жалко, конечно, но... Дурочки... Зачем они это сделали?..

- Они любили одного мальчика, все трое...

- Любили?.. Любовь... - Санька ловко сплюнул в сторону, - красивое слово... Для девчонок...

Света хотела спросить: а ты считаешь, что любви нет? Но не спросила... Говорить о любви... да еще с этим...

Сделав рукой «бай-бай», молча покинула компанию.

8

Можно было бы еще пару часов поболтаться на улице, но хотелось есть и заспешила домой.

Возле подъезда одна из сидевших на скамейке старушек как бы по секрету сообщила юной соседке:

- Там твоя мамка... с двумя хахалями... И ха-ар-р-рошая!..

На минутку замешкалась: домой идти или... Домой уже пере- хотелось... На миг представила пьяную мать и этих двух ее «хахалей»... Выражение лица сделалось болезненным, глаза мстительно сузились... И все же, молча миновав старушек, направилась к лифту.

Дверь в квартиру была приоткрыта.

- А-а, Све-е-точка... - слегка качнувшись, приветливо пропела мать и виновато и вместе с тем как-то почтительно добавила: у нас гости...

Гости - двое мужчин не весьма опрятно одетых. Один полный, лысый, весь какой-то кругленький, как колобок. Другой - худощавый, усатый, как сейчас говорят, кавказской национальности.

- Твоя доча? Похожа!.. - Супер-девочка!.. клацнув языком, смачно произнес кавказец и окинул ее сальным взглядом.

- Мам, сколько раз я тебя просила: не приводи никого!

- Зачѐм так грозно, командыр?

- Никакой я вам не командир... давайте уматывайтесь отсюда!!

- Ну, зачем же так невежливо... - выдавил из себя улыбку колобок. - Мы ничего плохого... вот взяли твою прекрасную мамку на работу...

- Стюардессой? - съязвила Света.

- Какие сейчас стюардэсы... Гдѐ самалоты?.. А бѐнзин гдѐ?

- Реализатором будет у нас работать, - пояснил «колобок». Слово «реализатором» он произнес таким тоном, как, если бы говорил: «директором».

Мать виновато улыбнулась и положила руку на спинку

стула:

- Доченька, садись... Я тут и тортик киевский купила...

- Не надо мне никакого торта...

Хотелось повернуться и уйти. А куда?..

Усатый встал из-за стола и, словно для объятий распахнув руки, направился к хозяйкиной дочке.

- Свэточка, ты не обыжайся на маму. Она у тебя хорошая...

- Без вас знаю!..

Усатый, не обращая внимания на явную неприязнь девочки, одарил ее деланно доброжелательной улыбкой. Он явно намеревался завести с ней разговор. Не сгоняя с лица улыбку, ткнул пальцем в фотографию матери, что висела рядом с часами.

- Это из какого кина?

- Это не из кина... Это моя мама...

- Не гони тюльку - твоя мама... Твоя мамка вон.. Да-а-а...

- Он кивнул на мать девочки, которая вылавливала из пачки сигарету, а та все не давалась ей...

Света тверже повторила:

- Это моя мама...

- Ты, может, скажешь, что это и твой папка, да-а-а? -

Усатый ткнул пальцем в другой портрет, с которого весело смотрел молодой мужчина в форме летчика гражданской авиации.

- Да, мой папа!.. Он был летчиком, а мама стюардессой была...

Усатый, изобразив на лице тупое сомнение. Хихикнув, насмешливо подытожил:

- А ты, конэшню же, артыстка театра юного зрытыля, да-а-а?.. - И утробно расхохотался.

- Свэ-эточка!.. Мэня зовут Гага! - Усатый двинулся к ней. Ноги он переставлял так, будто у него были не штаны, а переполненные памперсы.

- Нэ откажи... - широким жестом он приглашал к столу.

- Све-е-точка-а! - дуэтом пропели «колобок» и мать девочки. - Составь нам компанию..!

И все невольно рассмеялись, как смеются люди, когда, не сговариваясь, что-то произносят в один голос.

Когда люди совместно смеются, даже те, которые не очень любят друг друга, все равно хоть на время становятся чуть ближе, приветливей, что ли.

На какой-то миг Свете показалось, что материны друзья не такие уж и отвратные. Быть может, и потому, что мать сейчас не шаталась и смотрела на нее так ласково и нежно,

что просто грешно было обижаться. Да и событие-то немаловажное – мать теперь будет работать!.. Значит, во-первых, реже будет пить (а может, и вообще бросит!), во-вторых, будут еще и какие-то денежки...

Да и накрытый стол приветливо манил – чего там только ни было... И пахнувшая на всю комнату копченым нарезанная большими кусками блестящая от жира скумбрия, лоснящиеся маслом шпроты, домашняя колбаса, окорок, тоже нарезанный щедрыми кусками, «мраморный сыр», огромная бутылка пепси-колы... На бутылки с вином и коньяком она не обращала внимания, а вот на «киевский» торт, перевязанный шелковой лентой, который дожидался своей очереди на тумбочке возле телевизора, не обратить внимания Света не могла.

А ладно, мысленно, махнула рукой на все свои обиды и решительно шагнула к столу.

Хотелось сразу на все накинуться, но, держа марку дочки командира корабля и стюардессы, повела носом туда-сюда, прицеливаясь с чего бы начать... Кавказец услужливо наполнил колой ее бокал и заискивающе осведомился:

– Можэт, грамулку покрэпче... Да-а-а?..

– Ей еще рано покрепче... – заступилась мать.

– Тогда винца?.. – масляно улыбнулся «колобок».

– Нет-нет! – мотнула головой Света и поймала себя на мысли, что вовсе не прочь выпить... вина, а то и коньяка... Она уже с мальчишками пробовала и то, и другое... Вино вкуснее, но коньяк как-то интересней, экзотичней, что ли – мать же пьет...

– Не надо ей и винца, – заступилась вновь мать.

Если бы она сказала: «Да что там – налейте ей немного» – Света, наверное, не стала бы пить. Но мать сказала «не надо» и это вызвало у дочки свойственный подростковому возрасту протест: почему не надо? А вы? Чем я хуже вас?

– Немножко выпью, – бодрее сказала и решительней добавила: коньяка!

– Ну, молодец!

– Ну, супэр-дэвочка, да-а-а!..

Выпила. И одну рюмку, и другую. А может, и третью...

Она не ожидала, что так быстро можно захмелеть. Она сделала для себя открытие, что выпивка – лучшее лекарство от всех переживаний. Мир в один миг предстал перед ней в розовом цвете. Ну, мать пришла выпившая – так что? По делу – работу получила! Ну, привела с собой каких-то мужиков – да они нормальные, добрые, веселые – клеевые.

Быть может, такими «добрыми, веселыми – клеевыми»,

хорошими материными новыми друзьями они для Светы и остались бы в памяти, если бы потом...

Она плохо помнит, что было потом – она впервые в жизни напилась... Да и вспоминать было жутко... К тому же все, что в тот вечер происходило с ней, ей казалось, что это было не с ней, а с какой-то другой девчонкой, глупой и очень нехорошей. Помнит только, что потом забилась под лестницу, где иногда ночевали бомжи. И дала волю слезам.

9

Утром ей казалось, что там... внизу у нее что-то было и мешало двигаться. И она двигалась неуверенно и какой-то чужой походкой.

К девчонкам подходить не хотелось. Мать видеть не хотелось. Ничего не хотелось. Теперь она всех кругом ненавидела. И больше всего мужчин. Особенно того, усатого Гагу, который после каждого слова произносил это противное тягучее как сопли: "Да-а-а... да-а-а..." И себя тоже теперь люто ненавидела.

Выходя из двора, старалась никому не смотреть в глаза. Ей казалось, что все знают, что с ней произошло. И ей было жутко стыдно, что это случилось с ней. И так глупо. Шла, сама не зная куда. Казалось, она хотела уйти, убежать от самой себя. И побежала было, но куда?

Мимо снуют прохожие, по дороге катятся машины. Все куда-то едут-идут, у всех какие-то дела... Наверное, приятные... На переходе вместе с людьми стоит и бездомная собака типа овчарки. Загорелся зеленый свет, люди двинулись и она вместе с ними... И Света – тоже... Из черного джипа рвалась песня:

Владимирский централ,
Ветер северный...

Из другой машины:

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?..

Мужской хохот, девичий смех и писк. Кому-то весело живется... Зажегся зеленый, машины рванулись вперед и ошалело понеслись друг за другом.

В голову стрельнула чудовищная мысль: кинуться под одну из проносящихся машин... И все... И никаких тебе переживаний...

Или прийти домой, забраться на крышу и... Как те три девчонки, гибель которых потрясла весь город... Взвзвись за руки, они, бедняги, спрыгнули с крыши высотки... Одна

из них оставила страшное предсмертное письмо... Его которое напечатала газета... Света вырезала и зачем-то сохранила...

Не заметила, как очутилась в парке. Куда дальше?.. Она никогда не чувствовала себя такой одинокой и несчастной. И в который раз думала о том, что еще совсем недавно было все так хорошо и определено.. А теперь... Как быть? Рассказать матери... Но она этого не перенесет... Пойти в милицию... Стыдно... Жутко стыдно... И горько... Что делать? Как дальше жить?

Самое страшное, что произошло в последнее время – она разочаровалась в людях. Весной ее сильно побили. Да еще кто – девчонки!.. Вечером, когда она возвращалась с тренировки, в полутемном подъезде на нее напали... По голосам она поняла, что это не мальчишки, а девчонки. С визгом, лихо матерясь, они били ее по голове, рюкзаками, руками, а когда упала – ногами... Ни за что ни про что... Это только ей казалось, что ни за что ни про что... Света была красивой. Она отлично училась. Она в первенстве школ по спортивным танцам заняла призовое место. Ее показывали по телевизору. Неожиданно она стала школьной звездой.

Жизнь – постоянные открытия. Света поняла, что не всем людям нравится, когда кто-то преуспевает. Однажды ее лучшая ее подруга, с которой они дружили еще с детсада, Таня Малиновская, разоткровенничавшись, призналась ей в страшном и непонятном. Чуть болезненно прищурившись, она сказала:

– Знаешь, Света, когда тебе хорошо, я не могу радоваться... А когда плохо... понимаешь, мне почему-то как-то приятно...

После такого страшного признания подруги, можно было бы навсегда с ней порвать дружбу, но Свету ее откровение не оттолкнуло... Напротив, она оценила ее искренность и полюбила подругу еще больше. Ведь далеко не каждый человек в подобном признается, хотя известно, что рядом с радостью за успех близких, как неродная сестра, ходит по пятам и зависть. Очень нехорошее чувство. Оно подтачивает дружбу и может сделать друзей врагами. Их не сделала. Но и большими друзьями – тоже не сделала, так подруга с натяжкой...

После избиения неизвестными девчонками Света замкнулась в себе, ко всем стала относиться с недоверием. Смотрела на всех чуть исподлобья, взгляд у нее стал настороженным, как у зверька. Как ни странно, а может быть и вовсе не странно, никого из своих подруг и одноклассниц

она не подозревала в подлом нападении на нее. Не подозревала, наверное, потому, что человеку о других людях свойственно все-таки судить по себе. Она не могла понять, как это – стае девчонок накинуться в темном месте на другую девчонку и колотить чем попало и по чему попало. Мать хотела в милицию заявление написать, но соседи ее отговорили. Да и на кого? Ни мать, ни Света не знали, кто были виновниками избиения. На лице, точнее, на крылышке носа остался шрам, след ногтя одной из нападавших. Не сказать, чтобы шрам уродовал ее, но все-таки был он, как говорится, не к лицу. Света нашла выход – приладила едва заметный пирсинг. И, кажется, стала еще красивей. Танька так и сказала: а тебе идет...

И с танцами пришлось расстаться – нечем платить... Пыталась сама зарабатывать, да разве на случайных мойках машин столько заработаешь... Да и рэкетеры грабят... А тут еще этот... материн усатый отморозок... Как дальше жить?

В общем, жизнь, как сказал бы отец, вошла в пике...

На душе так муторно стало, что...

Никогда раньше она не скрежетала зубами, а сейчас хрустнула ими протяжно.

Не заметила, как очутилась дома. Очутилась дома и потому, что явственно ощутила – жить не хочется... Подумала о той девочке, что недавно в отчаянии бросилась с крыши высотки... Вспомнила о письме, которое она оставила родным. Света зачем-то вырезала его из газеты.

Она, бедняга, мечтала поступить в киевский университет, но «страшась, что заветная мечта не осуществится, покончила с собой». Прыгнула с десятого этажа... В предсмертном письме есть и такие выстраданные строки, с которыми не могу не ознакомить читателя:

«Ну вот, кажется и все. Сейчас я иду. На лифте не поеду, пойду пешком. Совсем не страшно. Главное, что я знаю: я не упаду вниз и мне не будет больно. Я полечу вверх и стану птицей. Я буду всегда с вами люди. Поэтому я иду вверх.

Я буду на вас смотреть и радоваться:

*за вас, дорогие мои одноклассники. Я так хочу, чтобы вы все поступили, кто куда хочет, выучились, чтобы государство всем дало возможность работать. Я буду радоваться и гордиться вами;

*за вас, дорогие мои учителя, когда вы будете получать достаточную зарплату за ваш нелегкий труд, ведь вам с нами так нелегко;

*за вас, люди, выброшенные на базары и работающие на зарубежных производителей, а ведь вы знаете, что умеете

делать все лучше, качественнее и красивее. Ведь вы все такие талантливые;

*за вас, мужчины, когда вы себя снова ими почувствуете... чтобы иметь возможность не только читать рекламные объявления о поездке на Кипр или еще куда-то, а ездить хотя бы раз в год на море;

*за вас, дорогие наши бабушки и дедушки, когда вы будете получать достойные пенсии за ваш труд, ведь вы заслужили это, когда поднимали страну из руин, строили шахты, фабрики, заводы, дороги, жилье для людей. Чтобы вы не думали, что будете на пенсии подрабатывать, чтобы помочь своим безработным детям, и спокойно доживали свою старость, а не шли вслед за мной;

*за вас, дорогие государственные деятели, когда вы действительно начнете делать что-то для своего народа. И вспомните, что рабов для того, чтоб вам жилось еще лучше, надо хорошо кормить;

*за вас, дорогие мои, самые любимые в мире родители, которых я очень люблю. Я знаю, что причиняю вам огромную боль. Но вы у меня очень сильные, вы все выдержите, я верю в вас, смотрю на вас сверху и вижу, что вы работаете, зарабатываете деньги, делаете в квартире ремонт, который хотели сделать давно, работаете на нашем огороде;

*за тебя, моя дорогая сестричка, ты ведь у меня умничка. Я знаю, тебе очень тяжело без меня. Теперь все придется делать за двоих. Я хочу, чтобы ты, закончила школу, выучилась, работала, чтоб у тебя в жизни сложилось все так, как хочешь ты.

И не плачь, потому что я с вами – в ваших сердцах и душах».

Света хорошо понимала эту ушедшую из жизни по своей воле девочку... А, может, и не по своей?!.. Вот кто мог бы стать ей настоящей подругой. Жизнь у нее, у Светы, тоже не складывается так, как хотелось бы... И мечта ее стать артисткой никогда не осуществится. Чтобы потом поступить в институт культуры, нужны будут деньги, а где их возьмешь? С танцами пришлось распрощаться потому что за занятия нечем платить... А костюмы за что шить? А на поездку на соревнования где брать деньги? За что покупать билеты на проезд, чем за гостиницу платить, за питание?.. Все это уже не для нее... И... И если понравится потом какой-нибудь мальчишка, парень... серьезно понравится... дело дойдет... и он узнает...

Глаза стали мокрыми... Сердце зашепило биться...

Понимала, что сейчас встанет, выдернет из тетради лист бумаги, напишет матери, чтобы не винила себя ни в чем, что любит ее, но так жить больше не может... И...

На миг представила, как мать читает записку... Как у нее дрожат руки... Как она бледнеет... Хватается за сердце...

Покачала головой... Нет... Не-ет... Мать... Мама э т о г о не переживет... Э т о нельзя... Э т о не нужно... Надо бы перетерпеть. Перемучиться. Надо быть сильной... А как?.. И зачем?..

Чтобы сгоряча не совершить непоправимую глупость, взяла телефон, села в углу дивана, словно прячась от того что в любую минуту может случиться... Опасливо взглянула на окно и, прикусив губу, резко сняла телефонную трубку. Прижала ее к груди и долго не могла решить, куда или кому звонить. Может, Саньке? Не-ет... Что она ему скажет? Правду? Ни за что в жизни... Таньке? Та посочувствует, а в глубине души, может, тайно будет радоваться... Она же сама говорила, что когда ей, Свете, трудно, плохо, она, Таня, почему-то испытывает непонятную какую-то мерзкую радость.

Положила трубку, но через минуту снова сняла и, хмуря брови, решительно набрала номер.

10

- Дмитрий Архипович, это Света... Я готова...

- У тебя что-то случилось?

- Да нет... А откуда вы взяли, что что-то случилось?..

- Да голос у тебя... Давай встретимся, сегодня можно? Так когда мы увидимся, сегодня можно?

- Прямо сегодня? - в голосе девчонки звучала тревога - все-таки она боялась сыграть роль подставной утки... И Кропотов не хотел торопить события, тем более - давить на неожиданную юную помощницу..

- В общем-то, можно и сегодня...

- Значит, так: часам к семи вечера будь готова. Я буду ждать тебя на Южном вокзале возле фонтана. Нет, давай сначала встретимся на главпочтамте, поговорим немного, а потом ты пойдешь к фонтану, а я буду с машиной где-то поблизости. Ладненько?

- Ладненько, - согласилась она, и Кропотов снова уловил в ее голосе нотки то ли тревоги, то ли легкой неприязни.

- Тебя что-то очень волнует?

- Да в общем-то нет, только, Дмитрий Архипович, не говорите со мной как с маленькой: ладненько... Я уже давно

не маленькая.

- Ну, хорошо, хорошо, Светочка...

- Вот опять - Светочка... Света!

- Ну, хорошо, Света, буду с тобой как со взрослой. Оденься попроще, ты понимаешь - как?

Около семи вечера Кропотов сидел за одним из столиков главпочтамта, что-то царапал на листке бумаги, вроде бы писал кому-то письмо, и время от времени окидывал внимательным взглядом зал.

Когда на циферблате электронных часов засветилась цифра «19», вошла девчонка, в которой с большим трудом опер признал свою юную знакомку. Во-первых, она была выше, чем обычно и стройнее - на ее ногах были не сандалии, а чуть великоватые туфли-лодочки на высоких каблуках. Наверное, материны. Во-вторых, прическу накрутила какую-то сверх-легкомысленную. Глаза подведены, губы подкрашены. Кофта-разлетаика, юбчонка кожаная едва закрывала то, что было под ней, да в открытом пупке еще какая-то жемчужинка блестела. Ни дать, ни взять - малолетняя жрица любви.

Вальяжной походкой подошла к Кропотову, присела напротив.

- Здравьете, это я...

- Вижу, что ты, но... честное слово, я тебя не узнал - ты артистка...

- Пока еще - нет, но мечтаю... если не артисткой, то телеведущей...

- Думаю, мечта сбудется... Значит так... Постарайся не переигрывать, веди себя естественней. Вот возьми деньги - мороженое там купишь, пепси-колу... Если будут тебя спрашивать, что ты здесь делаешь, скажи, что ждешь подругу. Если будут подходить мальчишки твоего возраста и начнут приставать, скажи, что ждешь отца. И если что, ты мою машину знаешь, беги ко мне, или крикни: па-па!

- А если...

- А если подозрительный тип... или, может, их будет двое... веди себя раскованно, но с достоинством, играй роль юной...

- Кропотов старался избегать грубых слов, - ... юной обольстительницы.

- Понятно, понятно.

- Если будут куда-то приглашать, в кафе там, ну, туда, где есть люди, не бойся, я буду следовать за тобой.

- А если пригласят покататься в машине? Я знаю, девчонок приглашают...

- Ты сначала...

- Поломаться сначала, да?

- Да, Светочка.

- Света...

- Ну, Света... Потом можешь пройти с ним или с ними до машины - мне важно знать их машину - марку, номер... А там замешкайся, наклонись носок поправить, шнурок кроссовки завязать или скажи, что тебе надо позвонить, а тут рядом и я окажусь, вроде, как твой отец, крикну: Светка, пошли домой! Или еще что-то. Ну, ни пуха, ни пера...

- К черту!

Не очень уверенной походкой, чуть вихляя - к каблукам она все-таки не была еще привычна - направилась к выходу.

Кропотов сознавал, что не так просто ухватить кончик той нити, которая помогла бы привести в логово к тем, кто непонятно зачем похищает малолеток, где-то зачем-то какое-то время держит их, а потом, как отработанный материал, выбрасывает и убивает.

Понимал, что на самом людном месте привокзальной площади, у нового фонтана, могут оказаться самые разные люди: и подгулявшие командировочные, и ищущие любви подростки, и деланно крутые, блатные, и прочие искатели удовольствий - да мало ли кто может подойти к смазливой девчонке столь легкомысленно и недвусмысленной одетой.

Попробуй, определи в этой пестрой толпе любителей несовершеннолетних именно того или тех, на кого падает подозрение сыщиков.

Кропотов сидел в машине, держа в поле зрения фланировавшую вокруг фонтана свою помощницу. Людей к вечеру на привокзальной площади становилось все больше, и Свету порой терял из виду. Поэтому покинул машину и тоже стал прохаживаться неподалеку от условленного места.

Он видел, как к Свете подошла какая-то женщина средних лет, в одной руке она держала яркий целлофановый пакет, в другой круглую, перевязанную крест-накрест коробку, наверное, с тортом. О чем-то спросила. Света показала рукой в сторону трамвайного круга. Видимо, женщина интересовалась, как куда-то проехать. И удалилась восвояси.

Потом подходила какая-то бабушка. Тоже о чем-то спрашивала. И вскоре ушла.

Дежурили тайные сыщики в районе фонтана до самых сумерек. Можно было и дольше тут находиться, но Кропотов не хотел, чтобы мать Светы забеспокоилась: где это ее дочка шляется. Подошел, негромко произнес, вроде даже не к ней обращаясь, а разговаривая сам с собой:

- На сегодня хватит.

- Да я не спешу домой. Я всегда позже прихожу.

- Не надо, не надо, чтобы мать переживала. Садись в машину, я доставлю тебя домой.

Когда садилась в машину, один из прохожих бросил своему спутнику:

- Ишь, какую козочку подцепил.

В другой раз Кропотов на такую реплику нашел бы что ответить и как ответить... Однако сейчас он проглотил таблетку и, трогая машину, лишь посоветовал своей спутнице:

- Не обращай внимания...

- А я и не обращаю, - как-то потеряно промолвила Света и сделалась грустной.

От Кропотова перемена ее настроения не ускользнула. Снова в который раз он подумал, что, наверное, неправильно поступает, втягивая юное создание во взрослые небезопасные дела. Но в сыскной работе иногда приходится многим поступаться...

И все же не преминул еще раз спросить у Светы, не слишком ли обременительно это для нее - помогать органам милиции да еще таким непростым способом.

- Нет-нет, что вы, товарищ капитан... не обременительно, ни капельки.

- А мне показалось, что ты уже пожалела о том, что согласилась с нами работать...

- Не-ет, что вы... Если честно, мне это даже приятно - заниматься чем-то нужным... а не болтаться на улице просто так...

- Не искать приключений...

- Не искать приключений, - повторила как-то убито. Она имела ввиду совсем не то, на что намекал Кропотов. Он имел ввиду ее недавний вояж в супермаркет... А она - другое, о чем милиционер не мог и предполагать - очень интимное, обидное и, на взгляд девчонки, позорное...

На миг она сделалась такой потерянной и печальной, что Кропотов насторожился:

- У тебя что-то случилось, какая-то беда?

- Да нет, - поспешно и раздраженно ответила она, пытливо взглянула на собеседника и быстро отвела глаза.

- Тебя все-таки что-то очень беспокоит... Если не хочешь - не говори, конечно, но...

- Ничего меня не беспокоит.

- Честно?

Посмотрела на Кропотова, быстро отвела взгляд.

- Нет, не честно.

- Света, я не тяну тебя за язык, но вижу, что в душе у тебя

сидит какая-то крепкая заноза...

- Сидит.

- Ну и...

- Просто.... Понимаете... - хотела уже выплеснуть все, что было на душе, но сказала другое, - понимаете, в другой раз просто жить не хочется!

И глаза ее наполнились слезами.

- Ну, ты мне это брось, подружка...

Кропотов пристально посмотрел на внезапно расстроившуюся девчонку и поймал себя на мысли о том, что, по сути, ничегошеньки толком о ней не знает. Занятый своими делами, он не соизволил подробней поинтересоваться, кто ее родители, как она живет, чем дышит. Понятно, что дома внимание к ней нулевое, но что у нее за родители? Сейчас мать не работает, «бутылки собирает». Но не всю жизнь же она бутылки собирала... А отец? Есть он где-то?

Подумал, что в ближайшие дни обязательно познакомится с ее матерью.

- Что вы на меня так смотрите?

- Как?

- А вот так... - девочка собрала морщинки на переносице, вытянула в трубочку губы.

- Артистка!.. - добродушно рассмеялся Кропотов и тут же стал серьезным. - Просто подумал, что мы, в общем-то, уже немного знакомы, но я так мало знаю о тебе.

- А что вам надо обо мне знать? Биография у меня совсем короткая: родилась, ходила в садик, теперь - в школу.

- Если не секрет, в какой класс?

- Перешла в седьмой... тринадцать лет... Что еще? В какую школу? Какие оценки получаю? Разные: тройки, четверки, пятерки и другие.

- А каких больше?

- «Других»! В какую школу хожу? Это что, для протокола?

Она нервничала, слова бросала, словно отстреливалась.

- Да успокойся ты... не для никакого протокола - просто так...

- Так что вам еще от меня нужно? Папы, сказала, у меня нет...

- Разошлись?

- Нет, - качнула она головой и как-то очень бережно произнесла: - они любили друг друга и никогда бы не разошлись... папа погиб...

- Чечня?..

- Нет, он был летчик... Самолет его разбился...

Кропотов кашлянул.

- Извини...

- Давно?

- Два года назад... Мама тоже летала... Стюардессой была...

- Стюардессой?! - произнес Кропотов и как-то по-новому посмотрел на свою собеседницу, более уважительно, что ли.

На какое-то время они замолчали, каждый из них думая о своем. Кропотов о том, как порой жизнь ломает судьбы людей и о том, что не будет выпускать из виду эту отважную с надломленной психикой девчонку, которой очень не хватает поддержки со стороны взрослых.

- А теперь... - губы у Светы дернулись. - Жить не хочется, честное слово!

- Ну, что ты, Света... Чем смогу я тебе помочь...

- Что вы можете?!..

- Успокойся, ну что ты опять...

- Остановите машину, я выйду!

- Еще далеко до дома.

- Все равно - я пойду пешком!

- Успокойся, Света. Мне кажется, я тебя понимаю, ты согласилась на мою задумку сгоряча и... передумала, хотя стараешься и не подавать виду.

- Я не передумала.

- Передумала, но стараешься сдержать слово...

- Ничего я не стараюсь... Вы не понимаете меня... у меня совсем другое...

Кропотов пристально посмотрел на нее и осторожно спросил:

- Может, я смогу чем-то помочь... Может, тебе деньги нужны?

Он полез в карман, но она приостановила его руку.

- Нет-нет, бабки мне не нужны..., мне тут никто не сможет помочь...

- Ты, подружка, говоришь загадками...

- Закроем тему, - как-то совсем по-взрослому предложила Света и выражение лица ее сделалось непроницательным и жестким. И в одном мгновенье она сделалась лет на пять старше, а то и на все десять...

- Как хочешь... - Кропотов оторвал руки от руля и развел их в стороны.

Машина какое-то время ехала без управления, но ровно. Свету это заинтересовало и она снова стала обыкновенной девчонкой:

- Во здорово - сама едет!

- Ты не пробовала водить машину?
- Не-а... никогда...
- Если захочешь, как-нибудь поучу.
- Очень даже захочу.

Глаза у девчонки снова загорелись и она деланно-деловито спросила:

- Так когда мы завтра встречаемся?

11

Было поздно, и Кропотов старался поскорее уснуть, но это ему не удавалось. Слишком большой был прошедший день и слишком нелегкий груз забот взгромоздил он на свои плечи. Да и ответственность взял на себя немалую. За судьбу юной знакомой. И решал, вводить ли в курс дела своего шефа майора Захарова.

Можно, конечно, да и нужно бы доложить непосредственному, так сказать, начальнику, но можно и, пожалуй, лучше не докладывать. Потом, понятно, упрекнет за самостоятельность, если дело сорвется или закончится не так, как надо. Не только упрекнет – накажет. К наказаниям, порицанием-то он, Кропотов, давно привык. Порицают чаще, чем поощряют. Как любит говорить Захаров, хорошая успешная работа – нормальное положение вещей. И если все пройдет как надо, в лучшем случае Захаров пожмет руку и скажет «Молодец, вот тебе новое задание...»

Кропотов – бывший беркутовец. Из славного отряда отважных ребят он был удален за непростительную глупость. С группой ребят, одетых в гражданское, он сидел в кафе. Сидели, балагурили, потягивая пиво и держа на прицеле компанию за соседним столиком, к которой должен был присоединиться разыскиваемый субъект. Того все не было и было похоже, что он вообще не появится. И уже собирались покинуть заведение, как от наблюдаемой компании отклеился один, похоже, главный из них и рявкнул:

- Эй, воробушки, кончай чирикать, не даете музон слушать!

Надо бы прикинуться лохом, оскорбление пропустить мимо ушей, но Кропотов, нарушая прописанное поведение, выстрелил фразой, за которую потом и поплатился:

- Мы не воробушки – мы беркуты!..

И произошло то, что и должно было произойти – короткая и жесткая схватка между «беркутами» и «воробушками», которые других считали «воробушками». «Воробушкам» досталось на орехи, а его, заносчивого беркутовца отчислили

за несоответствие профессиональным качествам... И в оперы его взяли с испытательным сроком. Потому и решил свое новое начальство пока не ставить в известность о своих неординарных действиях.

Не спалось еще и потому, что Кропотов, ощущал свою вину перед юной помощницей. «Я не должен ее вовлекать в наши дела!» Замечал, что ее что-то беспокоит, пытался выяснить, чтобы по возможности помочь. Он понимал, что девочка находится в том трудном возрасте, когда возникает много вопросов, на которые не находит ответа.

На другой день дежурство на привокзальной площади тоже не дало никаких результатов. По дороге домой Кропотов попросил быть с ним более откровенной, может, он сумеет ей что-то разъяснить, помочь разобраться в чем-то. Она снисходительно ухмыльнулась.

- Вон на стене надпись: «Комуняку на гиляку!»... Я не понимаю, почему сейчас так не любят коммунистов?.. Мой дед тоже был коммунистом, и бабушка, и папа... Дедушка воевал, был раненый ... Берлин брал... А что он такого плохого сделал - не пойму... А бабушка моя крановщицей работала, дома строила... Тоже была членом партии ... За что их теперь не любят... коммунистов?

- Не все не любят...

- А кто?

- Да те, кто ничего не делал... ни домов не строил... Ни... Берлин не брал...

- А эти... комсомольцы тоже плохими были?

- Почему же?.. Города строили... Заводы... Новые земли обживали...

- А почему их не стало? Куда они делись?

- Это их дели...

- Кто?

- Ну... те, кто ни городов не строил... ни заводов...

- А еще пионеры были... Они... что были все предатели, как Павлик Морозов?

- Павлик Морозов - это придуманный персонаж... надо было среди простых людей врагов создавать...

- А зачем?

- Слушай, Светочка, ты задаешь столько вопросов... я же не твой учитель... Ты говорила, что хочешь поступать потом в институт культуры... Тебе, чувствую, надо поступать в педагогический, на исторический факультет... А насчет твоих "почему да почему?" есть хорошая народная поговорка: плохая овца все стадо портит...

- А при чем тут...

- Не все коммунисты были плохими, поголовное большинство из них были простыми работающими прекрасными людьми... И патриотами... Сейчас они тоже есть... Только их незаметно... Они просто работают. Сейчас много поменялось и далеко не в лучшую сторону

- А почему?

- Ой, Светочка, тут так просто не ответишь...

- Ну, ладно, не надо, а то я вас замучила своими вопросами... Завтра приходите?

На следующий вечер не обошлось без курьеза: местные «ночные бабочки» ее приняли, как и должно быть, за малолетнюю проститутку. Конечно, по сравнению с ними затасканными и вульгарными, подсадная утка опера выглядела на порядок выше, была, так сказать, более конкурентоспособная. И если бы не его вмешательство (он сказал, кто такой) «уточке» пришлось бы не сладко.

Подходил к ней и развязный молодой человек, с раскосыми глазами, кореец, что ли, похоже, ведавший женщинами легкого поведения.

Кропотов слышал, как его подопечная громко сказала:

- Я жду папу!

- А я разве не могу быть твоим папой?

- Нет! - отрезала она, отвернувшись от приставалы и отошла от него.

Если бы узкоглазый приставал и дальше, что-то предлагал, пытался бы притронуться, Кропотов тут же бы вмешался. Кореец не был похож на маньяка. И вскоре, закурив сигарету, последовал дальше.

- Что он у тебя спрашивал? - поинтересовался Кропотов, когда они ехали в машине домой.

- Спросил, нужны ли мне деньги?

- А ты - ему?

- Я сказала, что не нужны, а потом, что жду... папу... Он отшил. - Вздохнула нелегко. - Все меня принимают за малолетнюю проститутку. Мне это неприятно...

- Но ты же сама так... вырядилась. Думаю, это наша ошибка. Нужно менять прикид, имидж.

- А кого мне играть?

- Просто скромную девочку, немножко грустную, кем-то покинутую или отвергнутую. Девочку, каких сейчас много... из простой даже неблагополучной семьи... Или косить под девочку-сорванца...

- Первая роль мне больше нравится, ее легче играть, потому что ее и играть не надо - это я...

- Тем лучше, Света. Не надо никого играть. И не надо ни

какого макияжа. Будь такой, какой ты была в тот вечер, когда «бомбила» супермаркет...

Она насупила брови:

- Дмитрий Архипович... не надо о супермаркете... мне стыдно, честное слово, стыдно...

- Ну, хорошо, хорошо. Значит, завтра ты приходишь такой, какая ты есть.

На следующий вечер явилась такой, какая была на самом деле: ничем особенно неприметная, в обыкновенных шортах, обычных кроссовках, не очень причесанная, но привлекательная своей юностью и не детской грустью в глазах. И Кропотову было непонятно: то ли она сейчас играет заданную роль или она такова на самом деле. Еще ему показалось, что она выглядит сегодня гораздо старше, лет так на четырнадцать-пятнадцать.

Наблюдая за ней из машины, поймал себя на неожиданной мысли: он любит девчонкой. Чем-то она ему очень приятна. И тут же отогнал от себя эту неуместную и непривычную для себя мысль. У него давно уже не было такого, чтобы кто-то нравился. Ну, были приятные девушки, женщины, но чтобы так любоваться - что в ней так притягивает? Непосредственность, незащищенность, какая-то потерянность в этом огромном, суетном и жестоком мире?

«Дитя третьего тысячелетия, - подумал грустно, - что ее ждет впереди?»

И еще поймал себя на мысли, что девчонку эту ему потечески жалко, и что ему далеко небезразлична ее дальнейшая судьба.

И в который раз подумал о том, что зря, наверное, затеял он эту аферу с подсадной уткой, что это не так уж и безопасно. Да и не дело мучить, травмировать детское неокрепшее сознание. Надо бы прекращать этот ничего не дающий рискованный спектакль.

Достал из «бардачка» пачку сигарет «Космос», не переставая наблюдать за подопечной, прикурил и на какой-то миг потерял ее из вида - прохожих стало больше. Потом снова увидел ее стройную трогательную своей незащищенностью фигурку - она шла с каким-то интеллигентного вида мужчиной, шла спокойно, неторопливо. Мужчина был в светлой ветровке и очках. Он жестикулировал и приятно улыбался.

Кропотов спешно покинул машину и последовал за ними. Они подошли к сияющему хромом «Мерседесу». Света нервно оглянулась, как бы ища глазами Кропотова. Она не должна была садиться в машину - так было условлено. И

она бы, наверное, не села, но тут вдруг открылась задняя дверь, девочку прямо-таки вдернули в машину и «мерс» рванул с места так резко, что чуть не встал на дыбы.

Кропотов, доставая пистолет, рванулся за автомобилем, больше по инерции движения и мыслей, чем по обдуманному решению. В следующее мгновение кинулся в своей машине, не обращая внимания на красный цвет светофора, проскочил перекресток и, держа в поле зрения быстро удаляющийся «мерс», сообщил по рации номер, цвет автомобиля и место его нахождения службе ГАИ.

– Всем постам... всем постам... – твердил он в уже отключенную рацию – белый Мерседес, белый Мерседес...

Затем позвонил своему коллеге Мише Чижу: пусть берет наряд милиции и следует за ним.

Не доезжая до центра, «Мерседес» нырнул в переулок, перескочил через мост, который горожане называли «горбатым» и исчез из поля зрения. Почти наугад Кропотов направил машину в узкую улочку и вдали, на перекрестке, снова увидел, выезжавший на Московский проспект, «главную дорогу» преследуемый им автомобиль. На выезде из города гаишники, конечно же, задержат похитителей. Если, разумеется, те настолько глупы, чтобы ломиться напролом – через пост ГАИ.

Те не были глупы. С Московского проспекта они буквально через несколько сот метров свернули вправо, в одну из улиц и... Кропотов только и видел их... Мотался-мотался по улицам и переулкам, но белого «Мерседеса» нигде не видел. Понимал, что его, сыщика, обвели вокруг пальца.

Случались у Кропотова проколы, но чтобы так фразернуться... Мельком мысленно в который раз осудил себя, что уже давно пользуется бандитским лексиконом. С кем поведешься, того и наберешься...

Что теперь? Куда теперь? И что будет с девочкой?

На миг приостановил машину, чтобы собраться с мыслями. Поставив локти на руль, сжал руками голову:

– Что же я наделал! Такой прокол... Что же я натворил? Как это у меня получилось?... – клял он себя вслух.

Чувствовал себя страшно виноватым перед доверившейся ему девочкой. И перед ее матерью. Да и перед своим начальством. Да что там начальство – что будет с девочкой? Как ее теперь разыскать? Куда ехать?

Он еще не знал, куда ехать, но стронул машину с места – надо что-то предпринимать.

Ожил телефон. Голос коллеги Саши Чижа:

- Архипыч, ты где?
- Да вот, в каком-то переулке... Солнечный называется. Это рядом с Московским проспектом, в районе Горбатого моста. Давай у моста встретимся. Наряд отпусти. У меня прокол. Страшный прокол...

12

Горе-сыщик понимал, что теперь придется все доложить начальству. Вот уж Захаров возликует: ага, все самодеятельностью занимаешься!.. Вот до чего доводит твоя самодеятельность!..

Бичевать себя было некогда. Внимательно выслушав коллегу, Чиж, не привыкший много рассуждать, сочувственно кивнул и лишь спросил:

- Так куда мы сейчас?

- Только не в контору...

- Оно понятно... Надо все-таки к гаишникам, на окружную.

Поехали на окружную. Подрулили к посту ГАИ. Один из милиционеров с автоматом на груди проверял документы у дальнобойщика, другой покуривал, прислонившись к стене будки. Гаишники были не знакомые и пришлось предъявить документы.

- Понятно, - отклеился от будки один из них. - Что-то надо?

- О белом «Мерседесе» сообщение слышал?

- Слышать-то слышал, но мой «Кенвух», - постовой показал на радиотелефон, торчавший из карманчика бронежилета, - барахлит, батарейки сели и я не разобрал номер...

- Но белый «мерс» проезжал?

- Да проскочил какой-то... только чуть раньше, еще до оповещения розыска...

- Ну, ладно, спасибо и на том.

Хотел спросить, куда он поехал, «мерс», но ясно, что не обратно в город. Спросил, на какой скорости ехал.

- Да тут они все дисциплинированные - там знак висит, не больше сорока - все придерживаются.

- А не заметил случайно, кто был в машине?

- Стекла-то затонированы...

Кропотов вспомнил, что и тот «Мерседес», в который вдернули Свету, был с затонированными стеклами.

- Поскакали дальше, - сказал Кропотов, когда сел в машину. - Прогавили гаишники! Белый «мерс» проезжал, но, говорит, проезжал до оповещения розыска... А до этого

сказал, что его «Кенвуд» барахлит, номера, мол, не разобрал – батарейки сели. Р-работнички... Только бы бабки грести...

Он говорил и говорил, потому что чувствовал себя виноватым, а Чиж молчал, кивал головой и только раз сказал:

- Жми на всю катушку – авось, догоним!

- Догнать-то мы в любом случае уже вряд ли догоним, «мерс» проскочил, говорит гаишник, минут двадцать назад, а за двадцать минут на такой машине можно уже быть и в Чугуеве.

- Там тоже патруль – спросим, – хотя...

- Вряд ли они попрут прямо через Чугуев.

- Конечно.

- Я бы куда-нибудь свернул, на проселочную.

- Скорее всего они так и сделали. Только вот где они могли свернуть? Перед Чугуевым есть отводок дороги направо, хорошей, асфальтированной. Она ведет в Покровку. Туда мало ездят и там не пасутся гаишники.

По обоюдному согласию было решено свернуть на эту дорогу. Тут машин почти не было. На обочине по ходу стоял с открытым капотом разукрашенный, как пасхальное яйцо, горбатый «запорожец». Хозяин его с засученными по локоть рукавами копался в карбюраторе.

Приостановились. Кропотов, не выходя из машины, спросил, не проезжал, ли здесь белый «Мерседес»...

- Кажется, проскочил такой...

- Номера нее помнишь?

- Да как-то не обратил внимания.

- А вы из Покровки?

- Да, а что?

- У вас там есть белые «Мерседесы»?

- Белых нет, а вообще «Мерседес» есть, хотите купить? У меня зятек занимается ремонтом и продажей машин, могу познакомить.

- Да нет, спасибо, мне пока своего «Шевроле» хватает. Давно проскочил «мерс»?

- Минут пятнадцать назад.

- Быстро ехал?

- Да как пуля проскочил.

- Это они, – уверенно проговорил Чиж. – Куда же они могли нырнуть? Ты эти места знаешь?

- Бывал не раз. Тут у моего одного приятеля дачка была, рыбу ловили в Донце.

- Теперь, говорят, в Донце рыба совсем не ловится...

Говорили о рыбалке, а думали о том, куда могли направить свои стопы похитители девочки. Судьба ее была на совести

Кропотова. И как бы он не хотел все сделать сам, самому, он понимал, не удастся вызволить девчонку, которую он невольно подставил. Потому и решил доложить все-таки Захарову о своей оплошности. Набрал номер телефона Захарова.

- Товарищ майор, это Кропотов, я тут... кажется, дров наломал. -Виноват - жуть...

- Виноват - будешь отвечать. Ты где и что там у тебя?

Не останавливая машину, стал было докладывать о том, что случилось, но Захаров с трудом сдерживая рвущийся наружу гнев, с металлом в голосе приглушенно произнес:

- Приезжай сейчас же - поговорим!.. - и завершил приказ таким заковыристым многоэтажным матом, что даже у Чижика при этом челюсть отвисла бы от изумления.

13

- Так как это все вышло? - глаза-буравчики Захарова впились в непутевого коллегу.

- Да... понимаете, хотел же... как лучше...

- А получилось, как всегда?..

- Еще хуже, товарищ майор... Я не знаю, как это вышло...

- Не знаешь - не надо заниматься самодеятельностью! Мало того, что ни на шаг не продвинулись в деле с Кузнецовой - сами устроили новое похищение... Ты-то хоть понимаешь, что натворил?

- Понимаю, готов понести наказание...

Захаров в сердцах махнул рукой:

- Ай, что там наказание... Что мы начальству скажем? Что делать будем? Что ты матери девочки скажешь? Какими глазами будешь смотреть на нее?

- Виноват я - слов нет...

- Виноват-виноват... ты где работаешь - в государственных органах или в частном сыскном агентстве? Молчишь? Да за такие штучки тебя под суд надо отдать! Молчишь?

- Я ночи спать не буду, но девочку найду.

- Один не найдешь... будем докладывать начальству о нашем чрезвычайном... о нашем чэпэ... Найди фотографии девочки. Объявим розыск... Ты же пиши объяснительную... свяжись с родителями девочки...

Кропотов и раньше собирался познакомиться с матерью Светы, но планировал это сделать после того как его юная помощница поможет ему выйти на след похитителей девочек-подростков. Тогда бы он пришел, чтобы выразить

благодарность, а сейчас... Предстоит явка с повинной, что ли? Как вести себя? Или отложить разговор на «потом»? Но не сегодня-завтра мать девочки сама обратится в милицию...

Из раздумий вывел гневный голос Захарова:

- Что ты стоишь как замороженный?! Напакостил - действуй!

Еще не решив, что будет говорить матери похищенной девочки, в коридоре набрал номер их домашнего телефона.

На том конце провода почти сразу же откликнулся встревоженный женский голос:

- Да-да, я слушаю!

Кропотов как можно спокойнее поздоровался и сказал, что он из милиции.:

- Моя доченька в милиции?

Нет, не в милиции, но нам нужно встретиться и поговорить. Меня зовут Дмитрий Архипович. Капитан Кропотов. Вы - мама? Вас как?

-Л-лариса...

- А по отчеству?

- Можно без отчества... Так где моя дочь? Что с ней случилось?

- Успокойтесь, Лариса, ничего страшного...

- Да как «ничего страшного»? Ее всю ночь не было дома! Я обзвонила всех ее подруг, бабушке звонила, собиралась в милицию звонить, а тут вы сами...

- Скажите, пожалуйста, ваш адрес, Лариса.

- Я могу сама приехать к вам... прямо сейчас.

- Не беспокойтесь, я сам приеду. Так где вы живете?

Кропотов слукавил, задавая этот вопрос - он знал, где жила пропавшая девочка, но пока не хотел выкладывать перед ее матерью все карты. К тому же горе-сыщик еще и не решил - как это все сделать деликатней.

14

Металлическая дверь с медной ручкой и глазком говорила о том, что хозяйка за ней живут неплохо. Правда, когда опер переступил порог квартиры, первое впечатление мигом рассеялось, точнее - раздвоилось: убранство свидетельствовало о том, что люди здесь жили в общем-то в достатке (хорошая мебель, широкоформатный телевизор, компьютер, высоченный холодильник в кухне, красивые ковры, нарядная люстра... И вместе с тем чувствовалось, что и сюда в былое благополучие людей шагнула жестокая

нужда. Все было как бы притрушено бедностью – ковры потертые, одно кресло стояло кособоко, бархатная темно-вишневая скатерть на столе была с пропалинами, шторы подштопаны... Да и сама хозяйка выглядела не ахти как. На лице, правда, задержались следы былой красоты бывшей стюардессы, но глаза подпухшие, руки подрагивают, на ногтях остатки маникюра...

Пьет, конечно, тут же не без печали отметил про себя Кропотов... Остановил взгляд на стоящей в углу комнаты модели устремленного вверх белого лайнера – даже он был с надбитым крылом...

– Вы на таком летали? – спросил уважительно и осторожно. Хозяйка квартиры безмолвно и как-то убито кивнула.

– С-садитесь, пожалуйста... – сказала хриплым от волнения голосом. Так что... С моей девочкой?..

– Вы тоже присядьте...

Продолжительная напряженная пауза.

– Что? Где она? Она жива?..

– Она жива. Не знаю, как мне вам все это объяснить...

Понимаете, во всем этом виноват я и только я...

– Мне от этого не легче, где дочь?

– Точно я не знаю... она пропала...

– Как пропала?

Кропотову очень не хотелось говорить о том, как они познакомились со Светой. Не хотелось, чтобы мать знала о случае в супермаркете. И вместе с тем понимал, что ради дела надо было говорить правду.

И сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказал все как было, начиная с необычного знакомства со Светой и заканчивая ее нелепой пропажей.

– Понимаете, Лариса, я на сто процентов был уверен, что она не пострадает. Я же предусмотрительно снабдил ее маячком, но он, к сожалению, молчит.

– Господи, – схватила за голову женщина, – что же вы натвори-и-ли! Как вы смели!?..

– Лариса, успокойтесь, я жутко виноват... И в нашей работе, к сожалению, случаются проколы... Мы найдем вашу дочь, я обещаю вам, честное слово, найдем. Мы уже подняли всю милицию, объявили всеобщий розыск... Только и вы нам помогите – дайте несколько фотографий Светы...

– Господи, где же она может быть и что с моей доченькой?!

Женщина залилась слезами и все повторяла: Господи, господи, господи!.. За что же нам такое наказание!?..

– Лариса... Лариса... – Кропотов не знал, как успокоить охваченную горем и отчаянием женщину. Все-таки... как вас

по отчеству?..

- М-Михайловна... Да и не обязательно меня по отчеству...

- Смахнув тыльной стороной ладони слезы, она приподняла голову и, глядя в никуда, как-то убито пролепетала: - раньше меня все всегда называли Ларисой, теперь - Ларкой... Господи, да что ж это за жизнь... а тут еще Светка пропала... Как это пропала, для вас вещь она, что ли? Где она?

- Лариса Михайловна... я понимаю ваше горе и постараюсь в ближайшее время сделать все, что могу и даже то, чего не могу, честное слово, поверьте мне...

- Света вам уже один раз поверила!

Он молча проглотил таблетку, мысленно не без горечи сказав себе: поделом...

- Ну ладно, - как бы подвела итог своим эмоциям мать девочки. Кончиками пальцев почти неуловимо прикоснулась к носу, проверяя, в порядке ли он, приподнялась и, собрав все внутренние силы, взяла себя в руки, казалось, снова стала стюардессой, приветливой, уверенной в себе и холодновато спокойной, насколько это позволяла ситуация.

- Фотографии, значит? Сейчас...

Прошла по комнате, как по салону лайнера. Видно было, что ей стоило немалых усилий держаться спокойней. Видимо, прежняя летная работа приучила ее владеть собой даже тогда, когда положение было критическое.

- Вот, пожалуйста... - она протянула гостю альбом, - выберите, какие нужно...

Отобрал три фотографии.

- Спасибо, Лариса Михайловна, я вам их обязательно верну.

- Может быть, что-то еще нужно? - Может быть, я могу чем-нибудь помочь?

Если вдруг позвонит кто-то незнакомый и что-то скажет о девочке... сразу звоните мне... вот мои координаты... Если речь пойдет о выкупе, соглашайтесь на любые условия и сразу мне звоните, договорились?

Когда за Кропотовым захлопнулась дверь, мать пропавшей девочки, порывисто вздохнув, прямо у порога опустилась на корточки, обхватила руками голову и, уткнувшись в колени, дала волю слезам.

Как ни странно, но в центре Европы, каким является по географическим понятиям Украина, находятся еще и места, которые с полной уверенностью можно назвать глухими. Их

очень мало, но они есть. В одно их таких мест и держал путь, разыскиваемый милицией белый «Мерседес». Номер, между прочим, на нем был предусмотрительно сменен...

В такие глухие места при советской власти любили забираться после всяких мероприятий партийные боссы. Тут можно было вести себя так, как хотелось душе: пить до беспамятства, орать песни, дурачиться, предаваться любовным утехам.

Дом, куда увезли бесшабашную девчонку, назывался «Лесная избушка». Избушка-то состояла из двух этажей, да еще двух под землей. Здесь было все для отдыха... Живописное озеро, в котором водилась уйма рыбы, лодки простые и моторные, на берегу песок, какого не найдешь и на черноморском побережье – завезенный, конечно... Великолепная сауна, у которой под самым потолком имелось окошко, из него свисал желоб, наподобие детской горки – накупался, напарился и по этой горке прямо в озеро – бултых! Зимой это было особым кайфом.

Здесь скучали поросшие травой тенистые корты.

Здесь было все, только людей почти никогда не было: слишком далеко от города, а после собраний-совещаний власть державшие спешили расслабиться поскорее и направляли свои стопы в ближайший ресторан, на дверях которого в этот вечер вывешивали табличку: «не работаем». Отдыхаем, стало быть...

Спрятанная от посторонних глаз так называемая «Лесная избушка» одно время, а именно в годы обретения страной независимости, не принадлежала никому. Партийным властям было не до нее, новая власть пока еще не положила на сию лесную изюминку свой хищный глаз. А потом, когда все стали распродавать налево и направо, так сказать, начали приватизировать, почти за бесценок на одном из аукционов этот, спрятанный в лесу объект, приобрел один старичок из криминального мира.

У него было все: чуть ли не безграничная власть над всем и всеми в полутора миллионном городе, прекрасный особняк в центре, с часовенькой во дворе, за городом эта «лесная избушка» в три этажа, похожая на крепость... В глухом бору, на берегу живописного озера... Есть еще и «хатынка» на берегу Черного моря, неподалеку от бывшей дачи Сталина, яхта, полдюжины машин, прислуга и охрана. О деньгах и говорить нечего, их у него было столько, сколько многим другим и не снилось. Было даже относительно сносное здоровье. Только вот не было самого «пустячка» – счастья! Об этом мало кто знал или вообще никто не знал и не

догадывался, кроме одного маленького человечка – Фросеньки, стареющей женщины-карлика, которая была и прислугой и немножко другом, с ней он иногда советовался, посвящал в свои обширные дела и, случалось, откровенничал. С ней легко было говорить, она мало, где бывала, умела держать рот на замке и была неглупой, если не сказать большего – мудрой.

Пожалуй, только она знала, что он, человек, у которого почти все было, которому многие откровенно завидовали, на самом деле был глубоко несчастным. И страшно одиноким. У него не было ни жены, ни детей, ни настоящих друзей. В дружбу он вообще не верил. Не было семьи и потому, что большую часть жизни он провел в местах не столь отдаленных. К тому же был вором в законе, которым, как известно, по своим законам не позволялось иметь семьи, да и времени особенно у него не было на создание семейного очага, воспитанию детей – всю свою жизнь он посвятил одному далеко непростому и рискованному делу – добыче золота. Деньги, деньги и только деньги были его самой главной и жаркой страстью. Шутники придумали, что не в деньгах счастье. А еще одни остряки прибавили к этому еще смешной довесочек: не в деньгах счастье, а в их количестве. Количества у него предостаточно, а счастья, удовлетворения жизнью, как не было так и сейчас нет.

Секрет тут в другом «пустячке» – в возрасте... Врет, лукавит известный и стареющий грузинский певец, когда вешает слушателям лапшу на уши: «Мои года – мое богатство...»

Какое к черту богатство – тяжелейшее бремя и горечь! Особенно когда ты один как перст, хотя вокруг тебя столько крутится всяких людишек, которые делают вид что почитают и любят тебя. Никому ты в этом мире не нужен, как вообще никто никому в этом мире не нужен. Каждый только за себя и только для себя. И самое большое богатство, как уже давненько стал понимать он, лежит на поверхности, открытое любому глазу, то, за что не нужно грызть друг другу горло и вырывать из пасти, оно у каждого с рождения – молодость! А он ее прогавил... Все думал: потом, потом, потом... И вот вдруг оглянулся: «потом» уже осталось позади. Он и сам не заметил, как стал старым.

Однажды на пляже его назвали впервые «дедулей». Он чуть было не взвыл от вскользь брошенного хорошенькой девушкой этого обидного слова. И потом целый день вертелось в голове: дедуля, дедуля, дедуля... А он, дедуля, еще и на девочек поглядывал как молодой. Он был крепкий

дедуля и все еще мог. И не отказывал себе в любовных утехах, когда было желание и время. Дела, правда, поглощали все время. С годами он говорил себе, что надо меньше заниматься делами, больше отдыхать, развлекаться, оттягиваться, как сейчас говорят. Но не очень получалось оттягиваться: дела перевешивали. Опять мысленно говорил себе: ладно, сделаю вот это, решу эту проблему и расслаблюсь. Шло время и вот однажды он сделал для себя неожиданное и страшное, можно сказать, убийственное открытие: он уже не в состоянии по-настоящему расслабиться, в смысле, в компании прекрасного пола, он уже не представлял никакого пола, он уже ничего не мог!

Никакие врачи, самые лучшие доктора-профессора не могли ему помочь. Никакие самые дорогие заморские лекарства, типа «Виагры», «Золотых драконов» не могли из него сделать мужчину. Никакие знахари со своими травами, никакие лекари, народные целители и экстрасенсы не могли вернуть ему мужскую силу. Никакие деньги...

Да, вздыхал он теперь бессонными ночами, если бы молодость знала и если бы старость могла...

Молодость может мечтать. Старость – только вспоминать.

Много он в жизни совершил ошибок, многие ошибки ему не давали спокойно спать, но больше всего эти, интимные, о которых он никогда никому не рассказывал. А однажды поведал-таки преданной, как собака, Фросеньке.

Она пеклась о здоровье своего хозяина. Поила разными травами, доставала различные пищевые добавки, оборудовала спортивную комнату, уставленную самыми современными и дорогими тренажерами, доставляла ему подруг, обладавших самыми изысканными ласками, сама делала ему массаж, в том числе и эротический.

А старость брала свое: тело дряхлело, душа все больше вяла, бодрость улетучивалась, вкус жизни ослабевал.

И тогда верная Фросенька подкинула всемогущему своему покровителю и вместе с тем уже ничего немогущему, в интимном смысле, одну идею, своеобразный эликсир жизни. Им пользовались в свое время многие великие и могущественные, но в интимном деле уже ничего немогущие: библейский царь Соломон и реальный правитель Мао Дзе Дун. Они обкладывали себя горячими телами молоденьких девушек и обретали жизненную силу...

Он, владелец «Лесной избушки», последовал их примеру: он тоже и всемогущий, и ничего немогущий. Только это надо делать так, чтобы, кроме тебя и твоего верного раба Фроси, не знала ни одна душа. И потом эти девочки тоже не должны

никому ничего не рассказывать. Он, владелец «Лесной избушки», весьма и весьма заботился о своем престиже. Ведь для властей он давно уже ни какой не криминальный авторитет, теперь он – успешный бизнесмен.

16

С начальством Кропотову видеться не хотелось. И звонить – тоже. Позвонил он сам, майор Захаров.

– Что там у тебя?

– Да пока ничего... Был у матери девочки... Взял ее фотографии...

– Ну, давай, действуй... – и, ругнувшись, в сердцах выпалил: – Меня же к подполковнику представили... А теперь не видать мне полковничьих погон, как своих ушей, коллега. Я все сказал, капитан Кропотов. Пока – капитан...

Кропотов согласно кивнул. Да, за такие промашки могут и в звании понизить. Но не это, разумеется, самое страшное. Самое страшное – что там с девочкой? Где она, куда ее увезли? След потерялся в сосновом лесу за Донцом. Там тысячи дорог и дорожек...

Кропотов не все сказал своему непосредственному строгому начальнику. Не сказал о том, что не такой уж он лох, Кропотов, чтобы так безмозгло подставлять чужого ребенка. Он снабдил свою юную внештатную помощницу потайным жучком-маячком – вставил его в заколку, которой Света скрепляла на затылке волосы. Света не знала о подменной им заколке. Кропотов не хотел ей говорить об этом тайном приборе, чтобы девочка меньше переживала. Он же не рассчитывал, что ее вот так: хватить и увезут. Подстраховывался на всякий случай, но не думал, что им придется воспользоваться. Однако маячок молчал. Или вышел из строя. Или Света потеряла заколку.

Заколку она не потеряла – похитители ее изъяли, как только девчонка оказалась в их машине. Света отбивалась от них руками и ногами, кричала: «пустите меня, пустите!», но ей зажали рот, а потом заклеили губы смрадной липкой лентой. Вдобавок ко всему дали что-то понюхать, и через мгновение она уснула крепким сном.

Очнулась в небольшой уютной комнате с высокими окнами, на которых висели красивые дымчатые шторы. Она не сразу поняла, да и не могла знать, где она.

Спустив ноги с кровати, огромной, с овальной спинкой, увидела напротив в кресле маленькую, очень маленькую женщину. Сначала даже подумала, что это не живой человек,

а большая кукла. Но «кукла» шевельнулась и, улыбнувшись, спросила:

- Как ты себя чувствуешь, девулька?

«Девулька», как загнанный зверек, обежала глазами комнату. В ней было все аккуратно и красиво...

- Где я? Кто вы?

- Меня зовут тетя Фрося, а тебя как?

- Где я? Куда меня привезли?..

Пленница соскользнула с края кровати и побежала к двери, но маленькая женщина пропела нежным тоненьким голосом:

- Успокойся, милая и присядь - дверь закрыта.

Все равно дошла до двери и толкнула ее - та не поддавалась.

На глаза навернулись слезы.

- Выпусти меня сейчас же, я буду кричать!

«Кукла Фрося», так пленница мысленно ее назвала, невозмутимо сказала:

- А вот это, дорогуша, напрасно - все равно тут тебя никто не услышит. Разве что Всевышний... Присядь, успокойся, давай поговорим. Ты кушать хочешь?

- Не хочу.

- Ну, ладно, когда захочешь - скажешь. А ты что любишь кушать?

- Я не хочу кушать! - тверже с раздражением почти крикнула девчонка.

- Да ты присядь, пожалуйста. Здесь никто ничего плохого тебе не сделает. Здесь тебе будет хорошо, очень хорошо. Будешь кушать, что хочешь и сколько хочешь. И оденем мы тебя получше... И денежек дадим... потом...

- Зачем меня сюда привезли? Мне надо домой... тетенька...

- Фрося... - услужливо подсказала «кукла».

- Тетенька Фрося, отпустите меня, пожалуйста...

- Потом отпустим...

- Когда «потом?»

- Ну... через некоторое время...

- Какое-такое «некоторое время»? Дома меня мама ждет...

- Ничего, подождет...

- Как это «подождет»? Да она там с ума сойдет, что меня нет... Господи, да что же это... Какое вы имеете право?!

Залилась слезами.

Карлик дала возможность пленнице поплакать, чтоб та облегчила душу и хоть немного смирилась со своим положением. Потом осторожно погладила ее по голове. Девочка вздрогнула, словно от удара током.

- Не троньте меня!

- Ой, какая, однако, ты, однако, недотрога... Трудненько тебе здесь придется...

- Я не хочу быть здесь! Пустите меня!.. - снова ринулась к двери и, вспомнив, что она заперта, пустилась перед ней на колени и сдавленно застонала от своей беспомощности.

- Ну ладно, раз тебе так хочется плакать - поплачь... слезы облегчают душу... Только я бы на твоём месте не плакала, а радовалась... Ты ж, я вижу, живешь не очень-то богато... А тут ты неплохо зарабатываешь...

- А что я должна делать?

- Потом узнаешь...

- Ничего мне не надо... никаких денег не надо, лучше выпустите меня отсюда или я выпрыгну в окно!

- А там решётка...

- Я что - в тюрьме, да?

- А разве здесь похоже на тюрьму? - карлица обвела миниатюрной ручкой комнату... Зеркальный шкаф, книжные полки, телевизор, под ним на тумбочке музыкальный центр с колонками-усилителями, из светлого дерева стенка, на которой аккуратно расставлены многочисленные игрушки, начиная от обширной компании кукол Барби, кончая гурьбой мягких зайцев, мишек, обезьян... Ближе к окну стояло тоже светлого цвета пианино. А на нем в красивой вазе букет белых роз.

- Я хочу домой, тетя!.. - тверже повторила пленница.

- И домой тебя отвезут, немножко побудешь здесь... Так как тебя зовут? Света... Такое хорошее имя: Света, Светочка... Так вот, Светочка, ласточка моя, не будь дурочкой, веди себя спокойно, будь здесь как дома. Тут тебя никто не обидит, а денежек, ну, не миллион, конечно, но хорошую сумму я тебе гарантирую. Да ты присядь, касаточка, присядь. В ногах, говорят, правды нет, да и разговаривать как-то неудобно, тем более, что ты такая большая, а я такая маленькая. Знаешь, как поет Виля Токарев: небоскребы-небоскребы, а я маленький такой...

На миг Свете даже жалко стало эту говорящую куклу: наверное, очень плохо быть такой... и не ребенком, и не взрослой... Опустилась на краешек кровати, вздохнула, опасно осведомилась:

- А-а-а... что я должна тут делать?

- Да от тебя в общем-то не так уж много будет и требоваться...

Фрося соскользнула с кресла, пройдя по комнате, остановилась у окна - там стоял на тумбочке огромный

аквариум с красивыми рыбками, сновавшими вокруг поднимавшихся вверх стаяй пузырьков воздуха. Взяла шепотку корма из рядом стоявшей коробочки-шкатулки, посыпала на воду. Рыбки сразу, словно по команде, ринулись к корму. Говорящая кукла мило расплылась в улыбке и повернулась к госте.

- Что должна делать... да в общем-то ничего. Просто будешь немного общаться с хозяином дома.

- С кем?..

- Потом узнаешь, деточка...

- Когда «потом»?

- Ну, немножко позже...

Перед глазами девочки вдруг возникла отвратительная рожа того усатого... Гаги... Она почти физически ощутила на своем лице его мокрые губы, бесстыжие сильные руки и все то, что тогда он делал с ней...

Глаза у пленницы превратились в щелки, ноздри встревожено вздрогнули:

- Меня тут что... будут... н-на-насиловать?!

- Не-ет, деточка... никто тебя насиловать не будет. Это я тебе обещаю...

- Это честно? – с недоверием и некоторым облегчением спросила.

- Честно, ей-богу... – «Кукла» истово осенила себя крестом.

- А... зачем мне... как я должна общаться?

Богатое воображение девочки на миг подсунуло ей образ лесного доброго чудовища из сказки «Аленький цветочек»...

- Как общаться?..

- Хозяин – очень хороший человек, богатый, ласковый и... очень одинокий. Ну, посидишь у него, поговоришь...

- Я должна быть сиделкой? Он – больной, да?

- Да нет, он не больной, он не очень молодой...

- Старик, да? Очень старый, да?

- Богатые не бывают старыми, он – добрый, хороший, ласковый, правда, он с некоторыми странностями, но ты привыкнешь. Советую быть благоразумной.

- Б-благоразумной... – механически рассеянно и убито повторила пленница.

Как пойманная птица, съежилась и в который раз затравленно посмотрела по сторонам, потом опять – на эту странную говорящую «куклу» с рыбьими глазами и елейным голосом, с болезненной надеждой – на зарешеченное окно... Сдавленно воскликнула:

- Я не хочу быть здесь! Я хочу домой!

Кинулась к двери, толкнула ее, дернула на себя...

принялась бить кулаками...

- Угомонись, деточка! - ласково пропела «кукла». - Я же тебе русским языком сказала: дверь закрыта.

- Ну... ну хоть позвонить-то я могу?

- Нет, дорогуша, звонить ты тут никому не будешь.

- Тогда позвоните вы...

«Кукла» расплылась в обворожительной улыбке:

- Это исключено.

Света всплеснула руками.

- Господи, да что же это такое, да что же вы за люди?!

- Светочка, ты напрасно расстраиваешься, дядюшка Паша очень хороший человек, вот увидишь...

- Тетя Фрося, я хочу, чтобы вы позвонили маме, она же там... места себе не находит...

- Ладно, - неопределенно и неохотно проговорила карлик, - может, и позвоню, какой у вас номер?

Пленница сказала.

- А ты с дядюшкой Пашей будь ласковой, - строго наказала карлик.

17

Дядюшка Паша оказался не дядюшкой, а старым дряхлым старцем с седой щетиной на костлявом морщинистом лице, которое излучало неописуемую нежность и доброжелательность.

- Проходи, проходи, не бойся, будь как дома, - пропел он таким же как у лилипутки елейным голоском и гостеприимно провел рукой перед собой. Пальцы его при этом мелко подрагивали - казалось, он рассыпал перед юной невольницей золотой песок или изумруды.

Старец сидел в невысоком обширном кресле, вытянув ноги в красивых, обрамленных мехом домашних туфлях и бархатном темно-вишневом халате. На голове его покоился какой-то замысловатый чепец, и хозяин покоев был немного похож на доброго волшебника из детских сказок. Глаза его чуть слезились, были узкие, как щелки. И только уже они, эти узкие, как щелки, глаза вселили в девочку какой-то холодящий душу и тело страх. Глаза были как буравчики. Сморщенный, подрагивающий рот старца изображал милейшую улыбку, а суженные до щелок глаза, словно буравили тебя, пробегая колючим холодком по всему телу.

Он взгляда хозяина «лесной избушки» пленница вздрогнула, потом ее передернуло еще раз и еще.

- Да ты не бойся, - повторил тот ласковей и расплылся в

щедрой улыбке, обнажая два рядка неожиданно ослепительно белых зубов. Их белизна и новизна никак не подходили его старческому облику. Они явно были искусственными, мертвыми. – Садись за столик, угощайся, солнышко. Или садись вон там, на диванчик, можешь включить телек. Вот пульт, держи...

Принудительной гостье не хотелось ни садиться на указанный диван, ни смотреть телевизор, но ей был протянут пульт и она приняла его, машинально.

– Ты меня боишься, солнышко?

Девочка молчала, казалось, у нее отнялся язык. И телевизор она не включала, сидела без движения, поводя по сторонам глазами и не упуская боковым зрением из виду ласкового старика. Успела отметить, что комната богато обставлена, вся в коврах, они были на полу, и на стенах. Старинная красивая мебель. Камин. И еще – в комнате было множество зеркал, они были зачем-то даже на потолке. И в комнате преобладали красные цвета: и шторы, и ковры, и покрывало на огромной кровати, и полдюжины подушек – все было красного или розового цвета.

– Не надо меня бояться. Тебя зовут Света?

Пленница не шевельнулась, ей было страшно.

– Я хочу домой, – промолвила пересохшими от волнения губами.

– Поедешь и домой, не беспокойся, только сперва немножко погостишь у меня, ладно?

– Я хочу домой, – губы у девочки дрогнули.

– Я тебе обещаю, что ты уедешь домой, через... через некоторое время... и с хорошими подарками...

– Не нужны мне ваши подарки! Я хочу домой!

– Ну, успокойся же, ласточка, солнышко... – старец подошел к девочке и положил ей на плечо руку.

Она отдернула ее, словно рука старика была наэлектризована.

– Ну, ты такая дикарочка... Это мне нравится... Значит так... Сейчас ты покупаешься, переоденешься в чистое, покушаешь, познакомишься с подружкой твоего же возраста, а потом... придешь ко мне – мы еще поговорим.

– Я не хочу ни о чем говорить с вами, я хочу домой!

– Ну, заладила: домой-домой, поедешь и домой, но только не сейчас.

– А позвонить хотя бы я могу? Где у вас телефон?

– Телефонов здесь нет, дорогая... Я люблю тишину, покой... Не люблю, когда звонки всякие беспокоят – я тут отдыхаю. И ты будешь отдыхать...

- Я хочу домой! - пленница закрыла руками лицо и зарыдала.

- Ну, дурочка, тебя же никто не обижает, иди-иди, - старец мягко подтолкнул ее к выходу из комнаты, - иди, приведи себя в порядок и не глуми.

Ванных комнат таких она никогда в своей жизни не видела. Комната была огромная, вся в белом и голубом кафеле. Ванна вовсе не похожа на обыкновенную ванну - целый бассейн. Сияющие никелем краны, на полочках целая батарея различных флаконов с разноцветной жидкостью. Вода была голубая. И пахло в ванной комнате не как обычно, сыростью и несвежим бельем, а необыкновенно приятно - казалось, ты вошла, оказалось вдруг в цветущем весеннем саду на берегу моря.

Как в сказке, мелькнуло в голове. И впервые, попав сюда, натянуто улыбнулась и подумала, что, может, и в самом деле не надо ерепениться, может, этот странный старик и в самом деле очень добрый человек. Но тут же вспомнила про ту девочку Аллу, о которой рассказывал Кропотов. Ее тоже сначала похитили, а потом... а потом нашли убитой...

Мурашки пробежали по коже, вся сжалась.

- Ты что, замерзла? - спросила лилипутка, стоявшая тенью за спиной пленницы. - Раздевайся... купайся...

- Я не замерзла, мне домой надо...

- Поедешь и домой... Давай купайся, а я пойду, поговорю с твоей мамой - главное не переживай, все у тебя будет хорошо. И у твоей мамы, вот увидишь, солнышко.

Фрося ласково притронулась к плечу невольницы. Та вздрогнула, словно к ней прикоснулись горячим утюгом.

- Да какая же ты вся нервная, успокойся, раздевайся и купайся!..

- А вы выйдете! - почти приказала пленница, мельком решив: а почему бы и не искупаться в такой шикарной ванной, почему бы не почувствовать себя хоть раз в жизни принцессой? Может, даже перед смертью...

Лилипутка повиновалась - исчезла.

Пленница, оглянувшись, никто ли на нее не смотрит, никого ли тут больше нет, стала неторопливо раздеваться: сбросила рваные шорты, кофточку-разлетайку, под которой больше ничего не было, стянула трусики и, еще раз оглянувшись, посмотрела на себя в одно из зеркал. У них дома в ванной висело засиженное мухами и тараканами маленькое зеркало, в котором с трудом видишь лицо, а тут такое огромное и чистое. Взглянула на себя и приоткрыла рот от удивления: она никогда не видела себя в зеркало во

весь рост обнаженной... Боже, какая она... уже взрослая... грудки, как мячики с розовыми пупырышками... а там уже... пушок появился... и под мышками темнеет...

Она разглядывала себя, как постороннюю. И впервые в жизни подумала о себе, как о посторонней: а ты ни-че-го...

Она думала, что так пристально себя рассматривает только сама. И восторгается своим расцветающим телом.

Юную пленницу пристально разглядывал, сидя у телевизора, и хозяин дома – в ванной комнате была установлена камера наблюдения.

Старый маразматик смотрел на экран с изображением на нем прекрасного обнаженного юного создания и аппетитно потирал руки.

18

В эти напряженные до предела дни Кропотов, что бы ни делал, куда бы ни шел, о чем бы ни думал, перед его глазами постоянно возникали картины, связанные с похищением своей подопечной – Светы. Картины возникали одна ужаснее другой: какие-то отморозки, накачанные наркотиками или алкоголем, изощренно измываются над ней, быть может, уже даже умертвили, извлекают из ее тела органы...

Иногда эти картины возникали в воображении так явственно, что он яростно тряс головой и от своей беспомощности скрежетал зубами. И конечно же, в тысячный раз проклинал себя за то, что взбрело в голову использовать зеленую девчонку, как подсадную утку.

Все эти дни он с надеждой ждал, что вот-вот раздастся звонок и чей-то незнакомый голос сообщит, что девочка по имени Света жива и что если он хочет заполучить ее живой и невредимой, пусть приготовит кругленькую сумму...

Никаких звонков не было. Ни матери Светы, ни ему. Что делать дальше? Где искать?

Снова и снова он ездил на кольцевую дорогу, на то самое место, где был найден труп Аллы Кузнецовой. Оставляя машину в стороне от места преступления, еще и еще раз исследовал посадку, исходил ее вдоль и поперек в надежде найти что-нибудь подозрительное. Какую-нибудь, зацепку. И ничего не найдя, садился в сторонке с тайной надеждой, что, может быть, появится-таки виновник преступления – у преступников есть эта странная, трудно объяснимая тяга к тем местам, где они сотворили страшное и непоправимое.

В эти дни Кропотов заметил, что стал разговаривать сам с собой. «Сволочь ты, сволочь... – говорил он себе, – как ты

мог такое допустить... какое ты имел право свои сыскные заботы взваливать на хрупкое юное создание?!» Подумал: если вдруг все обойдется, ты будешь обязан девочке всю жизнь, до дней своих последних... И мысленно решал, что если все обойдется, то когда она окончит школу, непременно поможет поступить ей в институт культуры – пусть сбудется ее мечта – стать актрисой.

В эти дни он, горе-сыщик, даже к Богу обратился. Никогда до этого он всерьез не воспринимал веру в Бога. Так уж был воспитан, как и многие, «Рожденные в СССР». А тут поймал себя на мысли, что вечером, засыпая, взмолился: «Господи, если ты есть, сделай, пожалуйста, так, чтобы девочка по имени Света была жива... и здорова. Если ты это сделаешь, Всевышний, я поверю, что ты есть... И всегда буду тебе молиться. И ходить в церковь....Нет, это не сделка... Это просьба грешного твоего раба. Помогите, пожалуйста... Я больше никогда не буду задействовать в своей работе детей. Клянусь. Только помогите... Пусть позвонит кто-то мне или ее матери и что-то сообщит о девочке... прошу тебя, Господи... И наперед благодарю тебя, Господи!»

Если бы до этого печального события с девочкой Светой Кропотову кто-то сказал, что он когда-то обратится к Богу, он бы ни за что не поверил. Но когда ты понимаешь, что ты бессилен и беспомощен, то готов обратиться за помощью к кому бы то ни было, даже к самому Господу Богу. Если он есть. Если бы он был!..

Он никогда еще себя не чувствовал таким беспомощным как сейчас.

19

Одежду затворницы Фрося забрала и положила на пуфик все свежее и новое. Ажурный розовый лифчик, который едва-едва прикрывал наметившуюся грудь... бикини, которые мальчишки называют «попа хочешь кушать»... ворсистый халат с капюшоном... мягкие домашние туфли, обрамленные белым мехом, такие нежные, что затворница прежде, чем надеть их, взяла один и погладила себя по щеке. Все, здесь, конечно, супер...

Затравлено огляделась, вспомнила слова дворничихи: крепка тюрьма да никто ей не рад.

Вся настороже, прошла в выделенную ей комнату. Там стояли две кровати, а в кресле сидела, закинув ногу на ногу, девочка с монгольскими скулами, темными распущенными волосами, черноглазая, симпатичная такая. В руках она

держала журнал «Плейбой».

При виде ее, девчонки своих лет, настроение у пленницы чуть поднялось.

- Ты... кто? – спросила.

«Монголка», так окрестила ее Света, поднялась с кресла и, держа журнал, протянула руку:

- Давай знакомиться – Эля...

- С-Света, – несколько растерянно промолвила вошедшая.
- Ты здесь живешь?

- Живу.

- Тебя тоже... силой привезли?

- Нет, не силой. Я ошивалась на вокзале... на площади... Отца у меня нет, мамаха в тюрьме, а бабка... – Эля махнула рукой, – пьет с утра до вечера, а потом с вечера до утра. Где деньги берет, не знаю. Вместо того, чтобы еду приготовить, все пропивает. Я ходила голодная, чуть уже не начала просить... но стыдно... А тут подходит один, прилично одетый, с добрыми глазами, спрашивает: тебе, девочка, деньги нужны? Сперва не знала, что ответить, а потом... терять-то мне нечего... Нужны, говорю. И сама спрашиваю: работа есть, да? Он: есть... Я и обрадовалась, и испугалась, и лепечу не своим голосом: хорошо, я согласна что-то делать, но... вспомнила как пишут в объявлениях... только, говорю, интим не предлагать...

Замолчала, проглотила слюну.

- Ну?!..

Он сказал, что никакого интима... и показал на машину: поехали, мол! И привезли сюда...

- Смелая ты...

- Смелая – не смелая, а села в машину... Тачка такая красивая да и

дядька приятный, не злой. Думала, что скажут сделать – сделаю. Может, машину помыть, может, в гараже убрать или в доме... Мне все равно – лишь бы бабки заплатили. И он мне дал сразу же целых десять баксов, представляешь?

Глаза у «монголки» горели азартом, вид у нее был беспечный и даже самодовольный.

- И давно ты здесь? – спросила новая невольница.

- Да уже больше месяца... – А ты как сюда попала?

Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказала. Спросила, что же тут надо делать.

- Да, в общем-то, ничего не надо делать... так... – «монголка» замялась, – немножко общаться с дядюшкой и все...

- Как это... «общаться»? Он насилует, да?

- Не-ет, не насилует. Да даже если бы и это... что тут страшного... Меня... когда мне было еще девять лет... мальчишки... двое их было... - Эля как-то нехорошо засмеялась, - но это не смертельно...

Помолчали, разглядывая друг друга, привыкая друг к другу.

- А отсюда убежать можно? - осведомилась новенькая невольница.

- И не думай! Тут кругом охрана, собаки злые и забор высокий.

- Так сюда что, забирают навсегда?

- Ну, кто сколько, наверное, захочет. Мне здесь, честное слово, клево, во всяком случае, лучше, чем дома. Накоплю деньжат и потом... у меня уже почти сто баксов! Будешь хорошо вести - не обидят.

- А если я скажу, что мне не нужны деньги, меня отпустят?

- Отпустят, сколько-то времени побудешь и отпустят.

- А сколько времени тут надо быть?

- Не знаю...

- А до тебя тут кто-то был?

- Была еще одна девочка, красивая такая...

- А ее не Алла звали?

- Алла... а ты откуда знаешь? - Эля насторожилась.

- Знаю... - неопределенно обронила ее новая знакомая. Думала: рассказывать о судьбе Аллы Кузнецовой или не надо? Если бы быть уверенной, что «монголка» не растреплется этой «кукле» или дядюшке, как там его... Решила пока повременить.

- Так откуда ты ее знаешь? - не отставала Эля.

- Да-а!.. - Света махнула рукой и увидев на столе накрытую салфеткой еду - она-то ее давно увидела, но сперва решила не притрагиваться, а теперь... есть-то хочется... спросила: Это что - еда?

- Да, садись, хавай, здесь так вкусно кормят!

- Так все-таки, что здесь надо делать?

- А-а, - потом сама узнаешь... - отмахнулась «монголка»... Ешь давай!

Еда действительно была вкусная: салат из помидоров, огурцов, политый сметаной, еще салат - рыбный, жареная картошка с огромной отбивной, пирог с ягодами и большущая тарелка с фруктами.

В другой раз накинута бы на эту вкуснятину, уминала бы ее за обе щеки - за ушами бы трещало, однако сейчас еда не лезла в глотку. Горло сдавливало беспокойство и страх: что дальше будет и как отсюда вырваться?

До вечера следующего дня пленницу никто не трогал, только заходила эта маленькая женщина и елеиным голосом сказала, чтобы она, Света, не переживала, ее матери позвонили и сказали, чтобы она не беспокоилась.

- А что мама сказала?

- Просила, чтобы передали тебе привет...

- Вы меня обманываете... тетя Фрося... вы не звонили маме...

- Какой мне интерес тебя обманывать?

- А что вы сказали, где я?

- Сказала то, что надо, - вдруг жестко ответила говорящая кукла и вспыхнула? - Я должна еще перед тобой отчитываться?! Вечером в гости пойдешь!

- В какие гости, к кому?

- К кому, к кому... - к дядюшке Паше! Будешь развлекать хозяина...

- Как развлекать?

- Эля покажет...

20

Весь этот день невольница обследовала место своего неожиданного заточения, надеясь найти какую-нибудь лазейку, ведущую на свободу. И куда бы она ни шла, ни тыкалась, как слепой щенок, всюду встречали преграды: или накрепко запертые двери, калитки, или бессловесные мрачные охранники, или на вид добрые псы, которые при приближении к ним утробно предупредительно рычали, показывая белые острые клыки.

Когда стемнело, зашла Фрося.

- Пошли, - коротко сказала.

Пленница, как загипнотизированная, последовала за мелкой семенящей «говорящей куклой».

Ноги стали ватными, когда переступила покои хозяина дома.

Фрося легонько подтолкнула девочку в спину:

- Иди-иди...

- Проходи, посиди с нами, - раздался, кажется, ниоткуда ласковый старческий голос.

В комнате было полутемно, слабо разливался розовый свет, по стенам плавали разноцветные блики, мягко звучала приятная нежная музыка. Владелец покоев полулежал на широченной кровати, покрытой ярким покрывалом, рядом с ним - полу-раздетая Эля.

Махнул лилипутке рукой:

- Иди!

Та повернулась и направилась к двери. За ней ринулась было и перепуганная на смерть пленница, но Фрося ее остановила.

-Нет-нет, ты остаешься!

- Да ты не бойся, солнышко, - пропел сишный старческий голос, иди, иди к нам! Раздевайся...

- Да раздевайся, чего ты выёгиваешься? - Эля криво усмехнулась и, запустив руки за спину, расстегнула бюстгальтер - он тут же опал, обнажая ее небольшую смуглую грудь с непривычно неожиданно большими темными ореолами вокруг сосков. И как-то демонстративно смело прилегла рядом со старцем. - Ну, чего ты, иди к нам, раздевайся и иди к нам...

Как бы показывая, зачем надо идти, она провела рукой до груди старика, заросшей курчавыми седыми волосами.

- Да ты не бойся, - снова пропел убеленный сединами хозяин покоев, - иди к нам, я ничего плохого тебе не сделаю. Или тебе стыдно предстать перед нами голенькой? Так мы тебя уже видели... Вон посмотри...

Взял с тумбочки пульт, нажал на кнопку и в углу комнаты вспыхнул огромный голубой экран, подрожал немного, ярче освещая покои. И в следующее мгновение на экране появилось изображение ванной, а возле нее, обнаженная она, пленница.

- Как вам не стыдно! - Она кинулась к двери, бухнулась об нее, но та не поддавалась. Присела на корточки и дала волю слезам.

Плакала долго и горько. Потом ощутила на плече чью-то теплую руку - Эля. Она была в одних бикини:

- Ну, чего ты выёгиваешься, пошли! - подруга по несчастью потянула ее за руку.

Как заколдованная, новенькая невольница двинулась за ней.

- Идем, полежишь немножко с нами и все, я буду делать дядюшке массаж... а ты просто побудешь рядом.

- У тебя будет много денег, Светик! - проскрипел голос старика.

Та углом зрения видела, как он бесстыдно сбрасывал с себя халат.

- Я хочу домой, пустите меня! - в отчаянии закричала пленница и попыталась снова броситься к двери, но холодная рука старика цепко схватила ее за локоть:

- Не дури! Не то я разгневаюсь!..

- Пустите меня, пустите! Пуст-ти-те-е-е!..

Старик хотел втащить ее силой на свое ложе, но пленница так яростно упиралась, что тот даже воскликнул в сердцах:

- Маленькая, а такая сильная! Ну, ладно...

Рванул ее к себе, грубо сорвал с нее легкую кофточку и... взвыл от боли - острые зубки девчонки впились в его руку.

- Ах, ты, звереныш... еще кусаться - вот тебе... вот тебе... - на девчонку обрушился град ударов. - Мало того, что ты не хочешь по... пообщаться с несчастным стариком, со мной, так ты еще и на ментов работаешь... Жучек в приколку вдела... Ах ты, сцикушка!

Разъяренный старик бил непокорную девчонку костлявыми кулаками, топтал ногами. И, может, убил бы ее, если бы дверь комнаты вдруг не отворилась и на пороге не показалась бы с подносом в руке Фрося.

- Извините, вот ананасовый сок, горячий шоколад... свежее печенье... немножко вина...

Старик прохрипел:

- Поставь на столик и сгинь отсюда, стерва! А эту... - он показал глазами на новенькую невольницу, - в чулан! К крысам!..

В чулане, в полутемной комнате с подслеповатым зарешеченным окошком под потолком затворница провела тревожную ночь. Усевшись на корточках в углу, она боялась уснуть. Стоило закрыть глаза, как слышались шорохи, скрип дверей, писк мышей или крыс. А может, ей это не казалось, а было на самом деле. И шевелиться тоже боялась.

Чтобы не было страшно, она пыталась думать о чем-то хорошем. Но в последнее время так мало было в ее жизни хорошего. Заставила себя думать о Таньке - все-таки подруга. Но вместо нее на ум пришел этот... Санька... Наверное, потому, что когда рассказала ей, что этого придурка, который чуть не отобрал у нее деньги, она, Света, где-то видела... Танька загадочно улыбнулась и сказала, что если тебе кажется, что ты его уже видела, значит, он тебе понравился...

Ерунда какая... понравился... Да разве такие могут нравиться...

Под утро она задремала и тут взвизгнула дверь и на пороге появилась лилипутка.

- Выходи и в другой раз веди себя разумней...

Раньше, когда отец и мать работали в аэропорту, Света жила совершенно другой жизнью... Утро встречала с

улыбкой, радовалась каждому новому дню, особенно возвращению из очередного рейса отца или матери, которые никогда не забывали что-то привезти. В своей форме они всегда выглядели немного парадно. И каждый день, когда родители были дома, был для Светы праздник.

Раньше было много радостей, была и мечта...

Потом внезапно все оборвалось. Казалось, она летела на ярко раскрашенном воздушном шаре среди белых облаков, которые по ходу гладила ладошкой, улыбалась голубому небу, которое было так близко... И вдруг чудо-шар лопнул и все они полетели в трым-тарарам... в нынешнюю жизнь, совсем не похожую на прошлую.

И если раньше она жила настоящим, то теперь, оказавшись в заточении, жила прошлым и будущим – мечтами. Да еще – снами. Самое приятное теперь было у нее – это сон. Снились очень хорошие сны. И даже с продолжениями, как сериалы.

Снился живой папа. Возвращаясь из рейса, он всегда звонил в дверь, хотя имел ключ. Звонок у него был особенный: краткие три дзинь-дзинь-дзинь... Он знал морзянку, а краткие три дзинь-зинь – означало букву «с» и «звучало радисткой мелодией как: са-мо-лет». Стало быть, прилетел – открывайте! Держите гостинцы!..

В последнем сне отец привез ее мечту – «Принцессу Русалку», которой она любовалась в магазине. Света поставила свою новую подругу на спинку дивана, а она упала. Поставила снова и Русалка снова упала... Потом Света положила ее рядом с собой на подушку и они вместе уснули сладким сном.

Мать снилась реже. Наверное, потому, что видела ее каждый день. И снилась тоже всегда хорошо. В своей форме... Красивая, элегантная...

Снились и плохие сны. Опять привиделся Санька... Ехал, дурак, на крыше электрички... Как будто держится за провода, как за вожжи и что-то восторженно орет, ненормальный...

Усилием воли прогнала мысли о Саньке – о нем ли сейчас надо думать...

Думала о матери. И засыпала с мыслями о ней. Но приснился почему-то этот... Что бегают по крышам электричек... Он сидел на высоком каменном заборе, озорно улыбался и энергично махал ей кепкой: сюда, мол, иди, быстрее. Когда подбежала, он протянул навстречу руку. Она схватилась за нее и... проснулась...

Перед завтраком подошла к лилипутке и, сложив на груди

руки, жалостливо взмолилась:

- Отпустите меня, тетя Фрося... Я же все равно убегу отсюда...

- Хм, убежишь... Не смеши мои тапочки...

Пленница посмотрела на ее тапочки... нисколько не смешные...

22

Сладкие сны снами, а с утра начиналась переполненная тревогой, унижительная жизнь под строгим надзором лилипутки.

Днем подруги по несчастью гуляли возле дома на площадке, уставленной плетеными столиками, стульями, качающимися скамейками и прочими удобствами для отдыха и развлечений. Света увлекла подругу на задний двор, куда только что, наполняя воздух неприятным запахом, заехала уборочная машина.

Эля брезгливо ухмыльнулась.

- Ты чё, мусорку не видела?

- Не видела... - рассеянно произнесла та.

Света оказалась здесь потому, что у нее вдруг возникла авантюрная мысль...

Маленький подъемный кран блестящими клещами ловко прихватывал один за другим контейнеры с отходами, а потом с утробным грохотом обрушивал их в бункер мусоровоза...

И пленница мысленно увидела себя как... там... далеко... за этим высоким забором... на вечно дымящемся смрадном пустыре, над которым кружится воронье, вместе с мусором выпадает из бункера и она!..

Надо только незаметно забраться в контейнер... зарыться в эти дурно пахнувшие черные пакеты с отбросами, потерпеть какое-то время и... Ты будешь на воле! Противно, конечно, на время стать частью мусора... Но еще отвратительней видеть каждый день этого наодеколоненного до тошноты старикана с масляным взглядом, скрипучим голосом и холодными змеиными руками...

- Свет... Да пошли отсюда - воняет...

Они покинули неприглядное место, направились к площадке отдыха, где были новые силовые тренажеры, шведская лестница, теннисный стол, качающиеся скамейки под навесом, и даже парочка полосатых гамаков, в один из которых сразу же плюхнулась Эля и принялась качаться. Ее подруга присела на краешек другого гамака и, упершись о

землю носками кроссовок, прищурившись, пристально смотрела вдаль. В голове пленницы зрела еще одна рискованная и отчаянная идея... В каком-то фильме видела как из тюрьмы бежал преступник... Незаметно он забрался под кузов грузовика, который что-то привозил в зону, и таким образом выехал за ворота тюрьмы. Когда Света смотрела на машину, вывозившую мусор, ей вдруг вспомнился тот фильм... И молнией блеснула эта отчаянная мысль... В машине под бункером для отходов располагался каркас, похоже, для запасного колеса... Если незаметно забраться под кузов...

В эту ночь вместо сериала о побеге ей приснился мусоровоз и контейнеры с дурно пахнущими отходами. Приснился даже соседний двор, дома, где она жила. Там стояли три контейнера под номерами: 1,2,3... А под номерами какой-то чудик дописал: первое блюдо, второе, третье... Для бомжей, надо понимать... Вот она подкрадывается к машине... пытается забраться в каркас для запяски и никак это у нее не получается: руки и ноги с железок все время соскальзывают и она брякается наземь. И снова неистово лезет...

И снова ничего не получается...

Тогда забирается в один из мусорных баков, прикрывается шелестящими липкими пакетами... Рука нащупывает что-то мягкое, влажное и живое – голубь... щенок или кошка... Да нет – это что-то... с тонким, как проволока, мокрым и липким хвостом... Крыса!.. Бр-р-р!..

Вскрикнув, Света проснулась в холодном поту.

– Ты чё, подружка? – устала на нее Эля.

– Я-а? Да ни чё... Наснилось всякое...

23

Машина для вывоза мусора приезжала не каждый день. Свете даже пришло в голову, что она больше никогда не приедет. Но через несколько дней мусоровоз снова вплыл в ворота. Выждав удобный момент, пленница, изловчившись, проскользнула под кузов, обезьяной влезла в забрызганный грязью каркас, изогнувшись в нем колесом и, затаив дыхание, принялась ждать, когда с грохотом высылется в бункер последний контейнер и машина наконец тронется с места...

Время шло мучительно медленно. Пленница боялась, что вот-вот ее позовет Эля или кинется разыскивать лилипутка. Наконец что-то еще раз грохнуло над головой, машина, утробно заскрежетав, вздрогнула, затряслась и земля

медленно стала уходить назад, а потом все быстрее и быстрее. Беглянка зажмурила глаза.

Она не знала, сколько ехала и куда ехала. Куда угодно, только подальше от этого страшного дома... Под ногами мелькал асфальт, сначала он был гладкий, потом в латках и ямах, потом снова гладкий. Поняла, что выехали на трассу. Слева одна за другой обгоняли легковушки. Порой они тянулись, как привязанные.

Больше всего боялась, что руки не выдержат, что она сорвется и угодит под колеса следом идущей машины.... При этих мыслях еще крепче зажмурилась, плотнее прижималась спиной к спасительному железному каркасу. Когда догоняла легковушка, было не так страшно. А когда настигал грохочущий и дышащий бензиновым жаром КАМАЗ или рычащая, объятая пылью фура, сердце уходило в пятки...

Машина ехала и ехала, нигде не останавливаясь. Спина затекла, ноги и руки стали деревянными. Молила Бога: скорее какой-нибудь светофор, что ли. Или гаишники бы остановили... Закричать бы, чтобы услышал шофер, но услышит ли, а если и услышит, то что будет?..

Асфальт закончился, колеса запрыгали по бульвару и по тому запаху, который вдохнула, поняла, что это то место, куда свозится мусор. Тряхнув пару раз на колдобинах, машина остановилась и в тот же миг беглянка мешком свалилась на землю и, не выпрямляясь, на четвереньках, по-собачьи быстро-быстро стала удаляться от мусоровоза. Порывисто дыша и лихорадочно всхлипывая, ничего не видя перед собой, не оглядываясь, карабкалась по какому-то хламу, проваливалась в зловонные ямы, вновь карабкалась, приподнималась, бежала, падала, и вновь бежала.

Обессиленная, упала, закрыв лицо руками. Какое-то время лежала без движения, потом, переведя дыхание, как загнанный зверек, осторожно и опасно осмотрелась.

Вокруг были горы мусора. На вершине холма орудовал палкой какой-то человек, то тут то там деловито копались вороны... Неподалеку рыскали собаки. Найдя что-то, громко хрустели и чавкали...

Первая мысль у беглянки была: где я?..

Вышла на дорогу... Туда-сюда бегут легковушки, снуют, приседая, зеленые маршрутки...

Идти пешком не было сил. Села в одну из маршруток. Водитель, бросив на нее весьма опрятную девчонку критический взгляд, качнул головой, но не потребовал оплатить проезд и не высадил. Рядом сидевшая девушка,

брезгливо взглянув на соседку, поспешно отодвинулась от нее. Потом, сморщив нос, встала и прошла вперед. Света думала что будет выходить... Нет, не вышла. Ей просто неприятно было сидеть с неопрятной бродяжкой ...

Все еще не веря, что на свободе, Света пожалела, что нет телефона. Надо бы позвонить матери... Чтоб не волновалась... И Кропотову... Но что она ему скажет? Это он во всем виноват... Но ему потом... А сейчас скорее домой... К матери... К маме... К мамочке...

Поймала себя на мысли, что никогда еще так не хотелось увидеть свою мать, как сейчас... И никогда еще не чувствовала себя перед ней такой виноватой... Мама... Мамочка...

На конечной остановке увидела Саньку и неожиданно для себя обрадовалась ему.

- Сань...

- Ой, привет, где это ты пропала?

- Пропала... потом расскажу... Не знаю, как идти домой ... в таком виде я...

Он не обратил внимания на ее вид. Кажется, он был искренне рад встрече. Мелькнула мысль, что Саньке она потом все расскажет. Не лучшей своей подруге, Тане, а вот этому придурку... Почему-то... Да, наверное, не почему-то, а потому, что чувствовала, он не из тех, кто делает печальные глаза, а в душе радуется, когда тебе плохо. И не радуется вместе с тобой, когда тебе хорошо.

- Позвони сначала...

- Да у меня мобилки нет...

- А Санька зачем?..

Лучезарно засветившись своей жизнерадостной улыбкой, он извлек из кармана телефон.

- Действуй!

Дрожащим пальцем поклевала нужные кнопки и вся обратилась в слух.

Долго-долго звучали продолжительные гудки, затем чужой бесцветный голос сообщил: «Абонент не отвечает».

- Еще набери!

Набрала еще.

Снова продолжительные гудки и через паузу тот же пресный голос... «Абонент не отвечает»...

- Просто поехали и все.

- У меня ни копыя...

- А Санька зачем?.. - друг хлопнул себя по карману, словно у него там был не несчастная пятерка, а тугой кошелек с баксами.

Ехали в метро. Ей очень хотелось рассказать Саньке о своих злоключениях. Но шум в вагоне и волнение не позволили ей распахнуть свою душу перед неунывающим другом. Спасибо, он, видимо, понимая ее состояние, не докучал расспросами. Только на одной из остановок протянул телефон?

- Попробуй еще...

Попробовала - тот же результат.

Не расспрашивал и по дороге к ее дому. Видно, ему было достаточно

того, что рядом с ним была она. У подъезда бросил короткое «Пока», но никуда не пошел. Держа большие пальцы рук в петлях потрепанных джинсов, а поигрывая по карманам, он стоял, провожая девчонку долгим пристальным взглядом до тех пор, пока она не скрылась в подъезде...

4

Войдя в подъезд, Света вдруг услышала топот ног, крик, тревожные возгласы. Нажала на кнопку лифта, но кнопка не отозвалась, не зажглась. Лифт, как всегда в последнее время, не работал. Торопливо стала подниматься по лестнице. Голоса сверху яснее:

- Чего смотрите?! Вытаскивайте ее!

- Она живая?

- Живая - не живая, надо вытащить!

- В милицию надо сообщить...

- Уже позвонили... и в МЧС - тоже...

Толпа растерянных соседок...

- А вот ее дочка...

- Да что дочка, надо вытаскивать... Пока спасатели приедут, она дуба даст... если еще не дала...

- А как вытаскивать?.. Она же вся там...

- Как-как - за ноги...

Света не сразу поняла, в чем дело. Кучка людей расступилась, пропуская ее к мусоропроводу, из люка которого торчали чьи-то босые ноги... Мама - да-а?..

Откуда-то возник Санька.

- Чё зырите? Эй ты, рыжая, держи ее за эту ногу, а я - за эту... и давай осторожненько... потянем... репку!..

Кинулась помогать и Света, но она не столько тянула мать из смердной утробы мусоропровода, сколько поправляла на ней одежду, прикрывая срамные места.

- Ма-ма... ма-ам... Ой, ма-ма-а... Ты жива?... Что с тобой?..

Растрепанная, с мутными глазами, удивленно и растерянно, глядящими в никуда, та неуверенно встала на ноги...

- Где я?..
- Дома, мама, дома...
- Светик, это ты?
- Я, мама, я-а...
- А ну разойдись, что здесь происходит?
- Участковый милиционер...
- Да уже все в порядке...
- Кто здесь - кого? Кто вызывал?
- Да все в порядке...
- Опять ложный вызов, что ли...
- Ложный...
- А гражданка что, пьяная?
- Да здесь была компания пьяная...

Участковый, не узрев в происходящем серьезных нарушений порядка, сказал, чтобы жильцы расходились по своим квартирам, вяло козырнул и удалился. Света, обняв за талию мать, с трудом помогая на ступеньках лестницы переставлять непослушные ноги, повела домой, на следующий этаж. С другой стороны поддерживал Санька.

Кто-то злобно бросил вслед:

- Такую мать я бы и на порог не пустила - пускай бы валялась где-нибудь в канаве... а они...

Сгорая за мать от стыда, люто злясь на нее, до боли закусив губу, чтобы не разрыдаться, Света втащила ее в квартиру. И только сейчас заметив Саньку, сорвала на нем стыд и злость:

- А ты чего здесь околачиваешься? Вали отсюда!..

Санька, ошарашено выпучив глаза, пожал плечами и попятился к выходу, бросив на ходу:

- Звони, если чё...

До позднего вечера приводила мать в порядок: купала, передела во все чистое, пыталась напоить чаем и уложить спать. Она противилась заботе дочки, бормотала что-то невнятное, отстраняла чашку.

- Что это? Ча-ай?.. Пивка бы... Или водки... Гага... Где ты, гад?.. Тащи пива!..

25

Проснулась мать Светы чуть свет. Глаза ее с синими кругами были закрыты, одна рука с кровати опала и что-то шарилла на полу.

- Тебе чё, мам?

Та с трудом расклеила веки.

- Пива...

- Пива нет, мама...

Порожними глазами смотрела на дежурившую возле нее дочь, пытаясь понять, она это или нет...

- Ты - это ты, Светик!?! Ты?... Господи... - Обхватила, обежала всю дрожащими руками. Трясаясь от волнения и похмелья, прижала к себе и все повторяла: - Господи... Господи... Господи... Как хорошо, что ты пришла... А меня прости... Я вчера выпила... Наверно, много... И не помню, что там было... Прости меня, доченька... Я дура... Я больше никогда не буду... пить, Честное слово...

- Хорошо, хорошо, мама...

- А-а... А где ты была, доченька? Ты здорова?..

- Все нормально, мама, я здорова... Потом все расскажу...

Хотелось рассказать, что сотворили с ней вчера... И не могла - сердце сжимала обида на все то, что происходило, слезы застилали глаза...

Опять подумала, что надо бы позвонить Кропотову. И не могла. Не хотела.

Вечером он позвонил сам. Был несказанно рад, что она дома и просил как можно скорее встретиться. Она сказала, что пока не может, много всяких забот - мать болеет... И вообще...

- Я вам сама позвоню, - пообещала, не имея никакого желания видаться с этим ментом, который ее так здорово подставил.

Позвонил Санька. Предлагал встретиться. Она сказала, что не может. Сказала это против своей воли, потому что с ним-то встретиться у нее было желание. Почему - не понимала. Недобро подумала: прилипала какой-то... И еще привычное - придурок... И чувствовала, что думает так не от души. Придурок - не то...

Свете сейчас как никогда нужен был человек, с которым можно было бы поговорить. Обо всем. Таким человеком сначала была для нее мать, потом Танька, потом этот мент Кропотов, а теперь не было никого. Разве что вот этот...

Опять звонит... Хотела рассердиться, сказать, что ей не до него, но, к своему удивлению, сказала, что ладно, выйдет к этому...

Она никак не могла подобрать ему точного названия... Нет, не придурок... Дурашка!.. Тоже не то...

И вдруг пришло в голову - легкий парень! Именно - легкий. Он, казалось, жил очень легко. Казалось, у него не было в жизни никаких проблем. Казалось, ему все удавалось.

Казалось, что все у него шло, как по маслу... Жизнь ему улыбалась, а он улыбался ей. С ним было легко. Многие жалуются на одиночество, а у него масса знакомых. Когда она шла с ним по улице, он со многими здоровался. И с ним здоровались. Здоровались с улыбкой. Вспомнился тот милиционер-артист... Бывшая учительница... Есть люди, при виде которых невольно хочется улыбнуться. Такими для Светы всегда были отец и мать. Она и не заметила, как к таким людям теперь относился и Санька. Ну, как не улыбнуться, когда он при встрече еще издали так искренне тебе улыбается. Да и не только тебе, самой жизни!

На днях задала ему каверзный вопрос:

- Сань, вот смотрю на тебя и не могу понять... Жизнь у тебя ... ну не очень, а живешь, как будто все в тебя в шоколаде...

Ответил он не сразу.

- А я не могу понять тех пацанов, у которых есть и отец и мать, а они хнычут: им и то не то, и то не так... Понимаешь, ведь это же великое счастье, когда есть отец и мать! А все остальное...

Махнул рукой и светло улыбнулся.

26

Мать опять уснула. Света ходила по комнатам на цыпочках. Несколько раз останавливалась у окна и выглядывала на улицу. Сама себе говорила, что смотрит во двор просто так. Говорила потому, что против воли снова хотела увидеть во дворе этого... Легкого... И увидела... Вот типчик... Подпирает плечом изрезанный надписями старый тополь. Ноги крест-накрест и руки тоже. И улыбка человека, которому везет.

Переждав какое-то время, вышла. Везунчик (так мысленно она вдруг назвала его) сразу к ней:

- Как мать?

- Наглotalась каких-то таблеток и спит...

- Лечить ее надо... Подожди...

Санька приостановился возле старушки, раздававшей прохожим какие-то бумажки. Многие проходили мимо. А Санька взял, мельком взглянул и сунул в карман.

- Что это?

- Да какая-то рекламка...

- Какая?

- Распродажи мебели... итальянской...

- Собираешься купить?

- Может куплю... если получу наследство...

- Наследство? Какое?

- Отцу у меня за границей... - Виновато усмехнулся. - Вру... Тебе почему-то не могу врать...

Она спросила, зачем он взял бумажку, которая ему не нужна.

- Просто так... Понимаешь, бабульку жалко... Стоит на солнце... Протягивает каждому, а они и не смотрят... Она ж работает!.. Ей надо быстрее раздать, а люди проходят... А что стоит взять? И ей приятно и мне, что хоть в чем-то помог ей... Пустяк, конечно, но что стоит...

И просиял особенной своей улыбкой человека, которому в жизни везет. Помолчав, добавил, что старушка эта похожа на его тетю Шуру, его вторую мать. А еще точнее - первую, главную. Света сказала, что не понимает: первая... главная... Он сказал, что как-нибудь расскажет о тете Шуре. У него было отличное настроение. Наверное, потому, что шел с девчонкой, которая ему нравилась (девчонка это чувствовала!).

Когда проходили по скверу, он вдруг свернул на газон, разбежался и сделал сальто. Из кармана выпала... Граната!.. Зеленая... В резные кубики...

- Лимонка!?!..

- Не бойся, она не настоящая...

- А зачем она тебе, ты что маленький - с игрушками ходить?

- Если честно, она для защиты... нападут, выну гранату - не подходи, подорву!

Он подбросил гранату на ладони, пристально посмотрел на подружку.

- Что нравится?

- Ага.

- Держи... чтоб никто не посмел обидеть...

- А тебе?

- Обойдусь... Моя тетя Шура свисток в кармане носила, а теперь соль... Говорит, если нападут - кину в лицо и буду свистеть, звать на помощь...

Помолчал, в раздумье проговорил:

- А мамку твою лечить надо...

- А бабки где?

- Я асфальт пойду укладывать, уже договорился - там неплохо платят.

- Это вредно.

- В жизни все вредно... - по-взрослому изрек он.

- Особенно ездить на крышах электричек... - сказала она

и попросила: – Сань, брось ты эту хрень...

– Зачем? – он непонимающе пожал плечами и засиял как новый полтинник. – Это же так клево! Мчишься – ветер в ушах... А когда по мосту несешься, все трясется, гудит и дрожит и нервы твои, как струна!.. А в метро... Там еще круче... Не ветер – смерч... И то свет, то темень... Как в жизни... Лампочки мелькают, как звезды на небе... Все ревет, трясется... И ты немножко – тоже, конечно... и кричишь и дрожишь... от кайфа...

– Да какой же это кайф?

Он одарил приятельницу сочувственным взглядом:

– Вам, девчонкам, не понять...

– Конечно, не понять, это же глупо и страшно опасно!

– А тебе-то что... – Он посмотрел на нее, будто увидел впервые – ему никто никогда не говорил, что это опасно... Разве что тетя Шура...

– Какой-то ты безбашенный...

– Какой есть...

– Тебе бы в космонавты...

– А я, между прочим, и мечтаю... когда-нибудь слетать в космос... Махнуть бы на Марс... А-а?!.. В Америке, говорят, уже записывают желающих... Еще подрасту, в летное училище пойду, потом – в космонавты...

– Сейчас все в юристы идут да в банкиры, а ты... потом, чтоб в космонавты – учиться надо хорошо, ты как учишься?

– Не хуже других... Я физику знаю и люблю ее... – стрельнул мечтательным взглядом и тише бережно сказал, будто самому себе: – И тебя, между прочим – тоже...

– Во дурак... У тебя чё – крыша поехала, а, марсианин?..

«Марсианин» ничего не ответил. Потом сказал обычное:

– Ладно, давай!

Резко повернувшись, сделал несколько стремительно быстрых шагов, широко взмахнул руками и снова взлетел в воздух – сделал сальто. Потом еще одно и еще...

Она смотрела ему вслед и едва слышно шептала: «Вочкнутый... во дурашка...»

Но в этих словах не было ни капли осуждения, скорее – восторг и тихое ликование...

Как он сказал про физику... и про нее... Ей никто еще такого не говорил... Если бы услышала Танька – уписалась бы от зависти!..

Ликование ее притушили мысли о матери: бедная мамочка... как же она так опустилась... до чего дошла... И неужели самой нельзя прекратить пить? Неужели ее действительно нужно лечить? Разве это так трудно – не пить

и все!..

Мрачные мысли о матери перекрывало плохо скрываемое даже от самой себя тихое девчоночье ликование... Как это он сказал... «И тебя – тоже...» Дурачок, конечно, дурашка, но...

Это «но» было наполнено сладостной неопределенностью и обещанием чего-то нового и необыкновенно прекрасного. И скорее поняла, чем подумала, что в жизни печаль и радость ходят рядом...

В этот день решила позвонить Кропотову.

27

Позвонить – позвонила, но встречаться не пожелала. Принципиально. Так подставил ее!.. Он не стал требовать. Только после долгой паузы сказал:

– Я страшно виноват перед тобой, Светочка... Ты уж меня извини...

– Да ладно... Только не называйте меня Светочкой, просто Света ... или... Светка... Так лучше...

– Хорошо... Света... И вот еще что... Если надумаешь встретиться, звони... В общем, если ты не сильно на меня в обиде, что я тебя подставил... ты все-таки мне позвони...

Обида – обидой, но через время сама ощутила вину перед этим человеком, который и выручил ее, там, у супермаркета и вверг в беду. Конечно, можно было бы, как говорит Санька, плюнуть и растереть... Да, этот милиционер ее подвел и еще как... Но росшая в семье авиаторов, где незримо жило повышенное чувство ответственности, заставило ее еще раз позвонить Кропотову и договориться о встрече. Он только спросил, где и когда можно увидеться и сказал, что готов подъехать прямо сейчас.

Через полчаса они уже беседовали в его машине.

Торопливо и сбивчиво рассказала все, что могла рассказать и о том, где приблизительно находится место ее бывшего заточения. Кропотов попросил подробнее описать внешность тех, кого она видела, с кем общалась.

– Так примерно, где это? Какое строение... забор, что-то приметное...

– Где-то в лесу...

– В каком сосновом или лиственном?.. А дом какой, точнее?

– Большой, огромный...

– Деревянный, кирпичный? Какого цвета?..

– Кирпичный, три этажа... Наверху флюгер в форме петуха...

– Спасибо, Света...

Кропотов слушал с напряженным вниманием, запоминая каждую деталь, временами перепрашивая и уточняя данные, которые девчонка смогла сообщить. Сказал, что сегодня же займется этим делом вплотную.

- Пожалуй, попрошу вертушку...

- Какую вертушку?

- Ну, вертолет...

- Ой, возьмите и меня с собой...

- Э не-ет... мы уж как-нибудь теперь и сами справимся...

Она что-то еще хотела добавить, но Кропотов, поблагодарив неожиданную помощницу за подробную информацию, показал глазами в сторону ее дома:

- А теперь топай... вон у подъезда тебя уже караулит твой Грэй...

поеду, а то как бы мне он ... ребра не переломал...

Хотела спросить, кто это такой Грэй, что это за группа. И не спросила.

Только сказала, хмуря брови:

- И никакой он не мой... Нужны мне эти Грэи...

От «Грэя» пахло свежим асфальтом и неиссякаемой бодростью.

- Как мать?

- Приходит в себя...

Протянул деньги, две синеньких полсотни:

- Дали аванс... купи какое-нибудь лекарство матери... я знаю, есть что-то от этого... - он щелкнул себя под скулой.

- Спасибо... не надо...

Но Санька молча сжал ее руку, в которую положил деньги, сжал так дружески, что отказаться было просто нельзя.

- А ты как?.. - спросил он, чтобы изменить неловкую тему.

- Да ничё... - она пожала плечами и хотела провести носком кроссовки по асфальту, но удержалась, подспудно ощутив, что это движение будет истолковано другом не в ее пользу. И еще мельком подумала, что раньше никогда не контролировала свои движения, а сейчас вдруг...

Разговор не шел. Но не потому, что им больше нечего было друг другу сказать, а скорее потому, что много было чего сказать, но не всегда легко говорить то, что думаешь...

Света в последнее время много думала о матери. Санька - о своих родителях, которых не знал. Где они, кто они, какие они?..

Как ни странно, а может быть и вовсе не странно, но о своей родной матери, которую никогда в жизни не видел, Санька думал реже, чем об отце, которого тоже никогда не видел, тоже не знал, как его зовут, где он и есть ли он вообще.

Есть, конечно... О родной матери думал реже и потому, что своей родной матерью он считал тетю Шуру, которую и называл мамой.

Он любил ее безмерно и даже заступался за нее. Как-то, когда ему было лет пять, во дворе кто-то из мальчишек задал ему каверзный вопрос:

- А почему твоя мать такая старенькая?

Он затравленно глянул в одну, другую сторону и, недолго думая, выдал неожиданное даже для самого себя:

- Когда я был маленьким, она была молодая!..

И обвел ребят рыцарским взглядом – чего, мол, вы еще от меня хотите, у меня есть мать, а то, что она не молодая, так это не ваше собачье дело! Она – моя мама!

А вот если бы спросили об отце – что бы он ответил?.. Некоторые ребята без отцов придумывали своих отцов, наделяя их романтическими профессиями: капитанами дальнего плавания, разведчиками, которым много лет приходится жить в чужих странах, крупными бизнесменами, дела которых за границей...

Он же о своем отце ничего не придумывал. Ему было все равно, кем он был – лишь бы был... И когда случалось смотреть телевизор, с особым интересом и тайной надеждой, что что-то узнает о своем отце, смотрел передачи «Жди меня» и особенно новую – «Блудный отец». Хотя в душе не причислял своего родного отца к этим, блудным...

Как об этом кому-то рассказать, да и надо ли?.. Этой девчонке можно было бы рассказать, но... зачем? И как она воспримет то, о чем хотелось бы ей поведать?

У девчонки тоже было желание подробнее рассказать о своей жизни, излить душу. Таньке – нельзя... Она только порадуетя, что жизнь ее подружки вошла в пике – так бы об этом сказал Светин отец.

- Так я пошел... – напомнил о себе Санька.

- Давай... спасибо тебе...

- А-а... – отмахнулся он, – пустяки...

28

Вечером кто-то позвонил. Судя по лицу матери, звонок был не из приятных – в уголках губ ее появилась болезненно-презрительная улыбка.

- И у тебя хватает совести меня приглашать?..

- Кто это, мам? Куда тебя зовут? – обеспокоено спросила Света.

Мать отмахнулась и с металлом в голосе произнесла,

чеканя каждое слово:

- Ни на какой твой юбилей ни завтра, ни послезавтра я не пойду... И вообще, забудь номер моего телефона... Скотина... Я бы сказала тебе еще пару теплых слов, но рядом дочь... Празднуй, гад!

- Кто это, мам?

- Да одно чмо... Гарсевани... Этот Гага... Представляешь, после всего того, что он... Ну, знаешь... он набрался наглости пригласить меня на свой юбилей... В «Урарту»... Видите ли, ему, этому чмо, исполняется полтинник. И он хочет отпраздновать сие событие на высшем уровне – приглашает всех своих друзей, и сегодняшних, и бывших. Извиняется, скотина... Умоляет простить... Да разве можно такое простить... Чурка вонючая... Будь проклят тот день, когда я познакомилась с этим отморозком...

Перед глазами у Светы предстала недавняя страшная картина: разверзнутое смрадное жерло мусоропровода и торчащие из него босые ноги матери... в одной туфле-лодочке...

Промелькнул в сознании и тот жуткий вечер, когда мать отмечала свое устройство на работу в киоск подземного перехода и этот... усатый...

Тряхнула головой, прогоняя нежеланные и болезненные мысли. Посмотрела на мать, сидевшую с отрешенным лицом. До боли закусила губу...

Вечером набрала в «Гугле» ресторан «Урарту».

Располагался он на окраине города...

Еще издалека было видно, что жизнь здесь кипела... На всех подъездах к ресторану и прямо на тротуарах похозяйски расположился целый парк сияющих хромом дорогих авто.

Территория ресторана раскинулась чуть ли не на весь квартал: само двухэтажное здание, с открытыми верандами и цветниками на них, разноцветные шатры с гуляющей публикой, бассейн с плавающими лебедями... громяющая музыка... шарящие по облакам цветные лазерные лучи...

У входа в заведение стоял с приклеенной улыбкой и настороженным взглядом высокий молодой парень при бабочке. Ноги на ширине крутых плеч, руки спрятаны за спиной.

- А ты куда, девулька? – преграждая вход, осведомился он довольно вежливо и игриво.

- К Гарсевани... на юбилей...

«Девулька» одарила охрану деланной улыбкой человека, который в этом мире что-то значит. И дабы убедить, что она

не просто околачивается здесь, а пришла по важному делу, показала коробку, перевязанную красной лентой. – Подарок вот несу...

– Ну давай, топай... Они там, возле бассейна...

– Я знаю...

Возле бассейна под огромным шатром цвета моря за длинным столом, заставленным бутылками с напитками и различными яствами, праздновала веселая компания: в основном бородачи и усачи с веселыми лоснящимися от пота лицами. В центре восседал багровый от выпитого и предстоящего удовольствия еще больше раздавшийся Гага. Он был в блестящей белоснежной сорочке, распахнутой чуть не до пупа, на волосатой груди его сверкали два массивных креста, серебряный и золотой, видимо, демонстрируя состоятельность хозяина и, главное, его неукоснительную преданность Всевышнему. А рядом с юбиляром сидел безбородый и безусый старик, которого, как показалось Свете, она где-то видела. Широко улыбаясь, он обнажил не по возрасту молодые и ослепительно белые, не живого цвета зубы... Ба-а... да это же сам... дядюшка Паша... Подавшись к юбиляру, хотел ему что-то сказать, но виновник торжества, завидев знакомую девчонку, замер на миг, потом медленно стал подниматься из-за стола, животом задев за край и свалив бокал, воскликнул:

– В-ах, кого я вижу... Какие люди!.. Ласточка ты моя... Да-а-а... А мамка где?..

– Мамка потом придет... А я вам тут подарок принесла... Вот вам... от мамки и от меня...

При этих словах «Ласточка» раскрыла коробку, извлекла из нее лимонку, мгновенье подержала в руке, прикидывая, куда бы ее лучше бросить...

– Граната!... – истошно завопил кто-то.

Девчонка неловко размахнулась и что силы швырнула гранату в самый центр стола.

Лимонка, со звоном сделав несколько прыжков, сбила бутылку с шампанским и покатила по залитой вином скатерти, еще подпрыгнула и застыла возле длинной тарелки с фаршированным судаком, во рту которого торчала веточка зелени. На мгновенье все сидевшие за праздничным столом тоже замерли. Потом, словно по команде, попадали на пол, закрывая лицо руками. За ними последовал и в край растерявшийся Гарсевани. Он упал, пряча голову в сдернутую со стола, залитую вином, скатерть.

В следующее мгновенье раздался бы невероятной силы взрыв...

Следующего мгновенья не было. Взрыва не последовало. Света лишь на миг представила, что лимонка взорвалась... Она хотела, чтобы граната взорвалась. Чтобы вдребезги, в пух и прах разнесла в клочья ненавистных ей ублюдков... Но граната не взорвалась...

Все, еще только что сидевшие за столом, лежали на полу в ожидании взрыва. Тишина была такая, что было слышно, как в порожнем бокале звенела муха. Тишину нарушил детский голос:

- Не бойтесь... господа! - чуть хрипло от волнения, негромко, но внятно произнесла девчонка. - Граната... Она не настоящая... Это муляж!...

Господа завозились, торопливо стали подниматься с пола. Отряхиваясь и матерясь на все лады и на всех языках.

- Мерзавка!

- Гаденьш!

- Звереньш!..

- Задержите ее!

- Где охрана?

- Кто ее сюда пустил?!

- В мили-и-цию ее, га-а-а-дину-у!...

И пронзительный, срывающийся на хрип, женский голос:

- И где берутся такие вы-ы-родки-и!..

Два дюжих лба при бабочках, мелькая белыми манжетами, подхватили нарушительницу торжества под руки, но юбиляр, перекрикивая гостей, с брезгливым великодушием промычал:

- Нэ надэ... Пусть сибэ идет... террористка сраная...

29

Однако свободно покинуть ресторан юной «террористке» не удалось. Буквально через минуту, пугая прохожих синими мигалками и тревожными квакающими звукам, к увеселительному заведению подкатило сразу несколько милицейских машин. Из них высыпали блюстители порядка, придерживая на боку дубинки и звеня наручниками. Еще секунда и юная правонарушительница сидела в милицейской машине, сжатая с двух сторон крепкими парнями, от одного из которых несло немойтой пепельницей, а от другого застоялым пивным перегаром.

- Допрыгалась, бродяжка? - спросил тот, что вонял пепельницей.

Бродяжка ничего не ответила. Она думала о том, что напрасно поссорилась с Кропотовым. Вспомнила его слова:

если тебе будет очень трудно, ты все-таки мне позвони...

И как только приехали в милицию, тоном бывалой преступницы жестко заявила дежурному:

- Мне надо позвонить!
- Обойдешься...
- Я имею право на один звонок!
- Ишь ты – грамотная... Ну и поколение пошло...
- Не хуже вашего!

- Если б ты, пигалица, была постарше, – дежурный лейтенант окинул задержанную с ног до головы сально мстительным взглядом. – Я бы с тобой поговорил... – Не стеснясь, глядя девчонке прямо в глаза, облегчая душу, матом добавил: – ...твою ма-ать...

А бродяжка, презрительно глядя блюстителю порядка в глаза, жестко парировала:

- ...свою – дешевле обойдется...

Милиционеры, опешив, озадачено переглянулись.

- Продвинутая... – не то с осуждением, не то с непонятым восхищением заключил тот, от которого несло пивом. Тот, что вонял пепельницей, покачал головой. А дежурный неохотно протянул трубку,

- Ладно, звони своей мамочке... обрадуй ее... Только коротко... полминуты на разговор!..

Трубку взяла не мамочка – Кропотов.

- Это я...
- Слышу... Как у тебя дела, Света?
- Дела скоро будут у прокурора...
- Что-то натворила?

- Бросила игрушку на стол, а они, говнюки, перепугались... И вызвали милицию...

- Какую игрушку?.. На какой стол?.. Кто они?.. И при чем тут милиция?.. Ты где?..

- Кончай разговор, соплячка...
- Кто там? Где ты?..
- В милиции... На Салтовке...
- Хватит, давай трубку!.. Сержант, в обезьянник ее!
- Стойте! Это не она... бросила гранату...

Все взглянули на только что влетевшего в дежурку русоволосого парнишку с серьгой в мочке уха и с веселой и задорной улыбкой...

- Это я бросил! Меня зовут Александр... фамилия Безродных... можете записать...

- Ну, давай и этого в обезьянник – потом разберемся!

... Этот киношный эпизод Свете на ходу представился, о смелом и благородном поступке парня, о котором она не

хотела думать, а он сам ей время от времени надумывался.

30

Ей казалось, что целая вечность прошла с тех пор, как она позвонила Кропотову, и как он влетел в милицию, собранный, с поджатыми губами и стреляющим взглядом. Свою подопечную увидел сразу, как только вошел в дежурное отделение. Он даже не кивнул, будто и не видел ее. Дежурному ткнул удостоверение, долго и настойчиво что-то доказывал, чем-то возмущался, снова что-то говорил. Досадливо качнув головой, достал телефон и с кем-то говорил. Звонил еще кому-то. Потом с просветленным лицом передал телефон дежурному. Тот, хмуро глядя в сторону, взял аппарат, назвал себя и когда стал кого-то слушать, привстал из-за стола.

– Ясно, тов... полковник... будет выполнено...

Недовольный, сел. Также нахмурившись, с кривой усмешкой что-то писал в журнале, потом, повернув его к Кропотову, небрежно буркнул:

– Распишитесь тут и... забирайте ее... Баба с воза, кобыле легче...

... В машине какое-то время молчали. Свете хотелось взять руку Кропотова, прижаться к его плечу и ехать так куда угодно и сколько угодно. Порой, а сейчас тем более, ей казалось, что в этом человеке есть что-то от ее отца. А порой видела в нем и не только отцовское... Кажется, наступал момент, когда она подспудно начинала ощущать, что ей нужен кто-то сильнее ее. Хотя бы такой как этот... дурашка Санька. Или как этот опер...

– Так что с тем... – она не знала, как назвать того старика... с елеиным голосом и мертвыми зубами...

– Старого маразматика? Пока не поймали...

– А дом нашли?

– Дом нашли... но не застали никакого старика... с фарфоровыми зубами... И никакой лилипутки... Только сторожа...

Глаза Кропотова притушились печалью.

– Опоздали... Вертушку мне не дали – дорого... А на нашем транспорте далеко не уедешь... понимаешь... – Кропотов посмотрел на свою подопечную нежно и виновато, – понимаешь, милый мой дружок... Это только в детективных романах и сериалах в конце концов преступника ловят и ему воздается по заслугам... А в жизни...

Кропотов выжал мучительную беспомощность.

- Всякая мразь годами совершает преступления и живет на воле. Опера тщетно бьются как рыба об лед. А они, эти подонки, часто живут среди нас, мы с ними здороваемся, а то и пожимаем руки, а бывает по простоте душевной и помогаем... Вот на днях... - Кропотов виновато улыбнулся, - одна мадам... рецидивистка, обобрав квартиру, спускалась по лестнице. Тащила две огромных сумки с ворованными вещами. Навстречу поднимались мальчишки. Так они по ее просьбе помогли донести украденные вещи до троллейбусной остановки... Понимаешь, дружок, преступники часто выглядят вполне порядочными людьми. Вот как этот нелюдь Чикотило... С ангельской внешностью, сахарной улыбкой и нутром изверга...

- Тот старикан тоже не был похож на изверга, - сказала Света и глаза ее мстительно прищурились. Похоже, ее озарила рискованная идея, о которой она и хотела бы поведать и не решается.

- Дмитрий Архипович...

- Слушай, давай называй меня так, как ты меня мысленно зовешь...

- Мысленно - Димой...

- Дима слушает...

- Идея у меня родилась... Мама знает этого Гагу, знает его координаты, а Гага знает того старого маразматика... Я могу...

Кропотов мягко сказал:

- Нет, дружок, тебя я больше вовлекать в наши дела не буду.

- Но я... я же могу...

- Мы тоже можем... Во всяком случае, стараемся...

Накануне вечером он копался в криминальной литературе, надеясь где-то выудить что-то похожее на сложившуюся ситуацию. И ничего даже близкого не находил. Нашел, правда, одну фразу детектива американского писателя Дэшила Хэммита о нераскрытых преступлениях. Прочитал ее и раз, и другой. Как бы мысленно оправдываясь перед кем-то за свое топтание на месте в расследовании, подчеркнул написанное: «То, что преступник рано или поздно попадает в руки правосудия, является одним из наиболее живущих мифов сегодняшней жизни. Картотека наших детективных агентств прямо-таки ломится от не расследованных дел...»

- А как вам удалось меня выручить?

- Я еще не выручил, только забрал... ты же из нашего микрорайона... Я поговорю с коллегами...

- Так мы едем в... нашу... твою милицию?..

- Нет, мы едем домой... К тебе, Света...

- Но заходить к нам не надо...

- А я и не собираюсь... Тем более, что вон, неподалеку от вашего подъезда, опять дежурит этот... который, чувствую, может сделать из меня отбивную... Твой Грэй...

- Да ладно вам... - деланно обиделась Света и неожиданно для самой себя спросила: - Дима, а кто такой Грэй, что это за группа? Я что-то ней слышала...

Их взгляды встретились и тут же оттолкнулись, как это бывает при встрече взглядами незнакомых людей. А точнее, как взгляды двух поколений, одного, которое что-то читало, другого, кто чтение книг не считает обязательным и приятным. Девчонке было неловко за то, что она не знает, кто это такой, Грэй. Взрослому не по себе стало потому, что говорят они, выходит, на разных языках.

- Ну... это не группа... Это герой одного хорошего романа, - хотел добавить «который любили подростки моего поколения», но смолчал, дабы не углублять разницу в обладании информацией...

- «Алые паруса»? - переспросила Света и по интонации ее голоса, и по лицу было видно, что название ее привлекло.

- Эта книга есть в любой библиотеке... Пока?

- Пока!

- Хотя постой... я вот тебе... возьми... - Кропотов протянул девочке целлофановый пакет с надписью «Восторг». - Тебе из-за меня столько пришлось... Пусть это... Эта будет твоим более надежным другом...

- Что это?

Света заглянула в пакет - коробка... а в ней - «Принцесса Русалочка»...

31

Только вышла из машины и хотела подойти к Саньке, как к нему подвалила компания разнузданных ребят, похоже - его дружки.

- Привет-привет!..

Ритуальные объятия... Оценивающие взгляды на девчонку, которая направлялась вроде бы к Саньке, но остановилась в нерешительности. Решительней оказался он сам.

- Ладно, я пошел... - сказал он друзьям.

- Сань, постой... - остановил его парень грозно напускного вида по кличке Дракон - он всегда носил

футболку с Драконом на груди. – Слышь, вечером мы на Леваду... хотим скоростной «Хюндай» обуздать! Харьков-Киев... Секешь – 260 кэмэ!

– Я – пасс...

– Чё так?.. Женишься, что ль? – один из компании стрельнул взглядом на стоявшую в сторонке девчонку.

Лицо у Саньки сделалось сурово-ледяным. Дракон, заикнувшийся о женитьбе, поднял перед собой руки ладонями вперед:

– Айм сорри... Айм сорри... А чё «пасс»?.. Или айда промчимся по туннелю...

Санька качнул головой и с непонятной другу тоской в голосе протянул:

– Не-ет...

– Чё – нет?

– Да так...

– Н-не догоняю тебя, Санек... Ты... и...

– Да завязал я с этим, понимаешь?..

– А чё так?.. – Непонимающе и с некоторым презрением окинул товарища по острым ощущениям с ног до головы, прищурился, потом с вызовом и легкой насмешкой спросил.

– Очко заиграло, да-а?..

Санька вздрогнул. Лицо сделалось ледяным.

– Чё ты сказал?... Я трус, да? – В его глазах вспыхнули чертики. Он шагнул к оскорбившему его и в жгут скрутил тому футболку на груди. – Ну ты, дебилоид, возьми свои слова обратно!

– Да ладно... – протянул тот и покосился на рядом стоящую девчонку: какому мальчишке хочется выглядеть побежденным...

– Возьми свои слова обратно! – жестче повторил Санька.

– Перестаньте, мальчишки! – зачужив недоброе, осадила их Света и, шагнув к ним, вклинила свое остренькое плечо меж бойцами. – Прощу вас, пацаны!

Сердце какого мальчишки не отзовется на просьбу девчонки...

Санька отпустил руку, даже пригладил на груди соперника его помятую футболку с рисунком грозного хищника.

Не стал петушиться и коллега по острым ощущениям, только снова спросил:

– А чё так, Санек?

Санек не ответил. Только прищурено посмотрел вдаль.

– Чё-чё... через плечо... Бережно добавил: – Тетю Шуру жалко...

Выражение лица у него сделалось вдруг мягким и нежным, какое бывает у людей, когда они смотрят на щенка или игривого пушистого котенка. ...

- Тетя Шура увидела нас по телевизору... и сказала... что у нее, кроме меня... никого нет... догоняешь?

Все трое молча обменялись, кажется, понимающими взглядами. В этот момент ребята усиленно пытались понять что-то простое и очень важное в жизни...

Что-то пыталась понять в свою очередь и Света. В Саньке.

Чем больше она узнавала его, тем больше он становился ей непонятней. Она вдруг вспомнила, как однажды увидела Саньку за странным занятием. Она шла сквером и в глубине его возле березы увидела Саньку. Он был совершенно не похож на себя. Всегда веселый и беспечный, уверенный в себе и сильный... А тогда в лице его была сама незащитность и беспомощность... А в глазах мольба и надежда. Он стоял на коленях и, глядя в небо, осенял себя широким бережным крестом... И что-то самозабвенно шептал... Губы его при этом мелко дрожали...

Она подкралась ближе и услышала его взволнованный и проникновенный голос:

- Господи, если ты есть, пожалуйста... помоги мне... Помоги мне найти отца... Господи... Где бы он ни был: в нашей стране... за границей... на воле или в тюрьме... Помоги, пожалуйста, мне его найти... Господи, мне так хочется увидеть отца, а он же есть, я знаю! Если найдешь, я буду за это благодарить тебя, Господи, всю жизнь. А тебе, Господь Бог, желаю быть бессмертным, счастливым, всемогущим и всемогущим!

Она хотела кашлянуть, выдать себя, но вместо этого, затаив дыханье, попятилась назад. Очутившись снова на тропе, присела на корточки и долго-долго смотрела прямо перед собой, все еще видя в своем воображении друга за таким странным занятием.

... Эй! - Санька щелкнул пальцами перед ее глазами, - Ты где?..

- Здесь... - виновато отозвалась Света.

- Давай отойдем...

- Давай...

- Как мать? - поинтересовался Санька, когда они остались вдвоем.

- Да вот уже несколько дней не пьет.

- Она бросит... я верю... она сильная... и красивая... - задумчиво промолвил Санька и окинул подругу пристальным

взглядом.

- Ты чё на меня так... смотришь?..

- Хотел спросить...

- Чё-о?..

Глаза в глаза и - в стороны.

Он неловко попытался ее обнять, пропуская руку по еще не обозначившейся талии. Вздогнула, точно ее ударило током и отступила на шаг.

- Во звереныш... дотронуться нельзя...

- Нельзя... - напомнила: - Ты хотел меня о чем-то спросить...

- Хотел... Скажи, у тебя... с мальчишками... уже что-то было?

Больше всего она боялась этого вопроса. Не сразу, с отчаянным вызовом, спросила, глядя прямо в глаза:

- А если бы было, то что - не стал бы... водиться со мной?

Казалось, еще мгновение, она повернется и уйдет. Убежит. Навсегда! Она уже сделала шаг в сторону, но он поймал ее за руку.

- Не трогай меня!

Не сразу, но мягко отпустил.

- Дурочка ты... Как ты не можешь понять... что ты мне... нужна ты мне, Светка... понимаешь - нужна... - Непривычно болезненно поднял глаза к небу. - Господи, если ты есть, скажи, как надо жить? Я не знаю... Когда врешь - верят, когда говоришь правду - не верят... Свет, я не знаю, как надо жить... Не знаю, как надо говорить... чтоб ты поверила, что ты мне просто нужна, понимаешь?!

- Зачем я тебе нужна?..

Ответил он не сразу.

- Будешь мне как сестренка... У меня ж никого, кроме тети Шуры... И потом, понимаешь... я в кадеты решил пойти... Надоело болтаться... Если примут, конечно...

- А чё именно в кадеты?

- Там и крыша над головой, и кормежка хорошая, и научусь тому, чего хочу ... И воровать не буду...

- А ты что - воровал?

- А кто у нас не ворует?..

Она хотела сказать: я, например!.. Но промолчала: хвастаться тем, что ты не ворует - это все равно, что гордиться тем, что ты... живешь...

- Кто не ворует? - еще раз с вызовом и болезненной горечью переспросил Санька.

- Мама моя не ворует!

- А ты знаешь?

- Знаю,
- Откуда?

Не сразу, мстительно щуря глаза, четко произнесла::

- Если бы воровала, мы бы так х...хреново не жили...

Санька натянуто согласно кивнул. И, думая о своем жизненно важном решении стать военным, доверительно продолжил:

- Чего - в кадеты... Должен же кто-то Родину защищать...

Подруга будущего защитника Родины коротко взглянула на него и чуть не съязвила: «Патриот, что ли?» Однако придержала язык - лицо у Саньки было серьезным и даже отважным. Видно было - парень не рисовался. Он лишь снова улыбнулся своей привычной улыбкой - человека, которому в жизни везет. Потом слегка помрачнел.

- Правда, не все мне там нравится... Показывали по телевизору кадетов-первоклашек... Корреспондентка спросила, кем он будет. Генералом! Оно понятно... Что будет делать? Защищать родину от врагов. Ясно... И тут спрашивает: от кого именно? Так он, вдруг выдал: от русских! Какие мы враги, Светка? Я не понимаю...

- Я тоже, - пожала она плечами.

Они одновременно посмотрели друг другу в глаза и поспешно отвели взгляды, будто опасаясь, что прочтут мысли друг друга.

- Давай помолчим, - предложила она, хотя ей было сейчас, как никогда, интересно и приятно слушать раскрывшего душу Саньку. Приятно и потому, что думают они примерно одинаково. А это, как в последнее время поняла Света, многого стоит...

«Будущий защитник Родины» покорно кивнул. И они надолго замолчали, мысленно говоря друг с другом. Это был язык чувств и приятных открытий.

Она вдруг поняла, что дружить можно не только с девочками, но и с мальчишками, если они... тебе чем-то интересны, искренни и готовы поддержать тебя в трудную минуту. А именно эту черточку, преданность, стремление быть полезным она и уловила (или хотела видеть!) в этом неунывающем и, похоже, целеустремленном мальчишке.

32

На другой день при встрече с ним, напомнила, что он обещал ей что-то показать.

- Пошли... - улыбнулся он. - Свой родной дом покажу... И познакомлю с тетей Шурой.

Привел к роддому, старому из красного кирпича трехэтажному зданию, под окнами которого дежурили счастливые отцы. Завел с тыльной стороны.

- Видишь?

- Что?

Глухая стена роддома исписана различными надписями. Рядом с танком под красным знаменем, сияющим бойцом и знакомой надписью «Спасибо деду за Победу!». Черной краской начертана другая «благодарность»: «Спасибо Руху за разруху!», «Не брат ты мне, сволочь бандеровская!»

И самая крупная и злорадная надпись:

«НУ, ЧЁ, НАЖРАЛИСЬ СВОБОДЫ И КАПИТАЛИЗМА?»

- Да ты не туда смотришь... Вон ниша, видишь... Окошко в стене...

- Ну-у...

- Что над ним написано?

- «Окно в жизнь»... Так что?..

- Тринадцать лет назад женщина, которая меня родила, ночью принесла сюда и оставила... В этом окошке...

- Твоя мать?

- Да.

Глаза у Света - как фары...

- Ка-кая сво-олочь...

- Нет, Светка, не сволочь. Я люблю ее, хотя никогда не видел.

- Но она же бросила тебя!..

- Нет... Не бросила... Она оставила меня здесь, зная, что я не пропаду. Мало ли что бывает в жизни...

- Не понимаю, как можно любить такую мать, которая...

- ...Не выбросила меня на помойку?.. И не спустила в унитаз?.. Как, знаю, это сегодня делают некоторые. А своей матери я благодарен, я - живу! Вот он я - живой, здоровый и веселый! Жить-то как хорошо! А мама у меня есть - тетя Шура! Это она первой увидела меня в окошке... И взяла на руки...

Они молча смотрели на счастливо зияющую пустоту в нише со странной надписью «Окно в жизнь».

- А вот и моя мама... Мама Шура... Она у меня необыкновенная...

К ним поспешно шла пожилая женщина в светлой в горошек косынке, фланелевом больничном халате и простых домашних шлепанцах... Единственно, чем, быть может, она отличалась от всех других сегодняшних ее сверстниц - лицо светилось солнечной, как у Саньки, улыбкой. Улыбкой человека, которому в жизни везет.

- Моя... мама Шура...

- Света...- почему-то вдруг сильно взволновавшись и смутившись, проговорила, пожимая протянутую руку «мамы Шуры». Рука у нее была мягкой и теплой. Как и ее взгляд.

И лицо девчонки, пожалуй, впервые за последнее время тоже озарила искренняя солнечная улыбка. Такая же, как у Саньки. И его «мамы Шуры». Как у людей, которым в жизни везет...

- Может, заглянемте к нам... чайку попьем...- несколько стеснительно предложила «мама Шура», похоже, радуясь, что у ее «сына», кажется, появилась симпатия... Стало быть, взрослеет парень... Не зря идет в кадеты...

Будущий воин вскинул вопросительный взгляд на свою Симпатию. Взгляд его не столько предлагал, сколько говорил: «Не будем заходить, ладно?»

- Как-нибудь в другой раз, хорошо?.. - виновато проговорила Света и, кивнув в сторону троллейбусной остановки, добавила: - Я маму жду...

Когда шли к остановке, Санька спросил:

- А как твоя мать? «Водка лейся, земля падай»?

Света болезненно улыбнулась и неопределенно пожала плечами. Потом пресно произнесла:

- Вон, идет... Извини... Я пойду...

33

Мать она увидела еще издалека. Она вышла из троллейбуса последней. На миг приостановилась, больше по привычке, чем по необходимости, поправила прическу, которая, к удивлению Светы, была в порядке, однако ноги матери... Она шла, усиленно стараясь идти ровно, шла, казалось, не по твердому асфальту, а по зыбкому мосту. Завидев спешащую навстречу дочь, рассеянно и вяло улыбнулась.

- А ты... доченька... Я сегодня вовремя... видишь?..

- Вижу, мама...- Взяла ее под руку.

- Не надо, я сама...

- Хорошо, мама... иди сама...

Пошли рядом. Молча. Перед подъездом мать, собираясь с силами, еще больше стараясь идти ровно, звучно чиркнула каблуком об асфальт, на миг потеряла равновесие, может, и упала бы, если б Света ее не подхватила. Пытаясь держаться с достоинством, что выглядело у выпившей женщины несколько нелепо, приветливо кивнула сидевшим на скамейке бабушкам и, опираясь на дочь, вошла в подъезд.

Света слышала, как одна из них сказала вслед:

- Панькается Светка с ней, сдала бы в дурку...

- Какую дурку?

- Ну, в этот... дурдом... в психушку... Куда же еще ее, алкашку...

На скамейке злорадно захихикали. Света, нажав на кнопку лифта,

коротко бросила матери:

- Подожди. Я сейчас!

Вернулась к бабкам и, прищулив глаза, выпалила:

- Вот что, милые бабульки... Если вы о моей матери скажите еще хоть одно плохое слово...

- Так что будет?...

- Я... я... я сама вас всех упеку в дурдом!..

Убегая к лифту, услышала едкое:

- Бос-сота!..

- Оторва!..

- Звереньш!.. И где такие берутся?..

- От осинки не родятся апельсинки...

Света хотела еще раз вернуться и что-то ответить, такое же едкое, но мать уже неуверенно шагнула в лифт и дверь захлопнулась. Поднимаясь на свой этаж, Света пыталась понять, почему соседки так неприязненно относятся к ее матери. Да, она пьет. Но пьют многие. Дворник из соседнего подъезда вообще никогда не просыхает... И ничего... Бабки с ним учтиво здороваются. Здороваются даже с бомжом, ночующим в подвале... А на мать смотрят с презрением и каким-то трудно непонятым ликованием, будто говорят: так тебе и надо!... Почему?

Давно ли вот эти самые бабульки с лицами праведниц смотрели на ее мать с благоговением, здоровались с поклоном, будто перед ними была не просто соседка по подъезду, а церковный батюшка. А теперь... в дурдом... Не могла понять, где же они настоящие, эти бабушки с умиленными лицами: те, что не так давно заискивающе улыбались и говорили с почтением: «Наша Ларочка идет...» или эти, что про дурдом?..

Когда вошли в квартиру, мать какое-то время стояла в коридоре, то ли приходя в себя, то ли пытаясь сказать что-то важное и не в состоянии это сделать. Глаза ее были прикрыты, губы закушены.

- Тебе трудно, мама... я вижу... Давай я чайку...

- Давай...

Прошла в комнату, опустилась на краешек стула.

- Доченька... Мне сейчас... - скривившись, покрутила

головой, – не очень... хорошо... Но, я больше не буду... пить... Не веришь?

– Верю, мама...

– Я знаю, что ты не веришь...

– Сколько раз ты обещала... – слезы в голосе. – Мне стыдно за тебя, мама!.. – И с отчаянием: – Мама, если ты не бросишь пить, я уйду из дому!

Мать будто бы отрезвела. Долго молчала, потом горько улыбнулась.

– Помнишь... как отец бросил курить? Когда у меня начало пошаливать сердце... И врач сказал, что даже самая малая доза никотина мне во вред... Как отец поступил? Взял пачку сигарет, сжал ее в комок и кинул в мусорное ведро. Все, сказал он, т-точка... И больше мы н-никогда не видели его с сигаретой. У него была в-воля...

– А у тебя, мама?..

Мать встала с дивана, взяла со столика только что початую бутылку вина, прищурив глаза, стрельнула в нее ледяным взглядом и, слегка пошатываясь, молча пошла на кухню. Света думала, что мать будет там продолжать пить, чтоб не на глазах у дочери, но по продолжительному булькающему и глухо урчащему звуку поняла: мать не в стакан наливает и не из горла пьет, а выливает вино в раковину.

В комнату вернулась с порожней бутылкой. Приподняла ее перед собой, перевернула вверх дном.

– Все, доченька, т-точка... Ты веришь мне?.. Молчишь? Знаю, что не веришь – ладно... Я пошла в душ...

Долго плескалась там, потом молча обсушивала волосы феном, с непонятно решительным видом также молча легла на кровать и, закрыв глаза, попросила полежать рядом:

– Дай руку, д-доченька... вот так...под щеку...

Т а к в детстве засыпала она, Света, подложив под щеку нежную руку матери. Ее рука всегда хорошо пахла, пахла самым родным материнским запахом, который не сравнить ни с какими французскими ароматами.

Мать, наверное, приняла успокоительное – уснула быстро.

Дочь – тоже. Рядом с матерью всегда уютней и спокойней. Даже с выпившей.

К утру Свете приснился чудесный сон.

Она лежит на диване и смотрит телевизор. В комнату беззвучно входит-вплывает женщина в светло-синей форме стюардессы... Элегантная, с чуть приподнятой головой. На аккуратной копне ее солнечно светлых волос чудом держится лихая пилотка с золотой птичкой.

Света хочет спросить: «Вы к кому?» Но в следующее

мгновение в прекрасной незнакомке, конечно же, узнает свою мать.

- Господи, какая ты... - восторженно всплескивает в ладошки. - Тебя снова взяли стюардессой?

- Да, солнышко, поздравь... Я снова буду летать...

- Mamочка, родная... если б ты знала, как я рада за тебя! Бросилась ей в объятия и... проснулась.

...Мать по-прежнему лежала на кровати и во сне что-то невнятно бормотала.

Болезненно и долго Света смотрела на мать. Вздохнув порывисто, осторожно, чтобы не разбудить, уголком одеяла бережно прикрыла ей плечо. И едва заметно улыбнулась. Сну, который только что приснился и наполнил ее трепетной надеждой.

34

Санька явно подкарауливал ее. И этого не скрывал. Сегодня он был несколько иной, что-то серьезное, взрослое в нем появилось.

- Я тебя возле дома ждал...

- А я в библиотеке была...

- В библиотеке? - деланно уважительно переспросил он и присвистнул: вот, мол, мы какие - книжки читаем... И напел: «А что это за девочка? А где она живет? А вдруг она не курит? А вдруг она не пьет?..» - И от себя добавил: - А только книжки читает...

- Дурак ты... - оборвала она.

- Да ладно, не обижайся... читательница... Давай вместе...

- Мне лучше одной...

Остановилась возле пустой скамейки, села и демонстративно открыла книгу. Он присел рядом. Когда она переворачивала страницы, он придвинулся ближе и тоже стал читать. Или делал вид, что читает.

- А кто такая Ассоль? - спросил вдруг Санька, глядясь в книгу.

Света чуть не сказала: нужно читать, а не глазеть по сторонам. Но он не глазел по сторонам, он смотрел на нее, то на ее колено в садинах, то на ее пальцы, тонкие и длинные, неловко переворачивавшие страницы книги, то на ее пушистые чуть припаленные ресницы.

- Ассоль? - насмешливо переспросила Света. - Горе луковое... да это же главная героиня ...

Их взгляды встретились. Задержались на миг, который показался им чуть ли не вечностью. Испытав непривычную

неловкость, отвели друг от друга взгляды.

- Главная ... Во как! - искренне изумился Санька. И более чем внимательно, посмотрел на подружку, будто видя ее в первый раз. Потом быстро перевел взгляд в сторону, влево, вправо, устремил взор в небо. И, словно оправдываясь, непохоже на себя растерянно пробормотал:

- Солнце... такое яркое!..

- Да, - поспешно подтвердила Света, - яркое...

- Очень яркое...

- Очень...

Вновь посмотрели друг другу в глаза - оказывается, это так интересно - смотреть друг другу в глаза!..

И продолжали говорить о солнце. Что оно яркое... Очень яркое... Очень-очень яркое...

Проходивший мимо старик, увидев ребят с раскрытой книгой, задержал на них любопытный взгляд. И умиленно улыбнулся. Наверное, потому, что не так часто видел подростков, читающих книги. Да еще на улице... Да еще вдвоем...

А, скорее всего, улыбнулся тому, что уж больно приятно было видеть мальчишек с такими лицами - сдержанно восторженными и осененными внутренним светом...

Ось хліб, дивись!
Чудесний,
справжній хліб –
Ти ж так давно уже його не бачив!
Та ти мовчиш –
ти наче враз осліп...
Татусю, тату!
Я... Ні, я не плачу...
Окраєць хліба
житнього
лежить
На латаній,
старенькій скатертині...
Неправда, ні!
Ти мусиш, мусиш жити!
Біжать хвилини,
вперті і невпинні...
Ти мусиш жити!
У темряві нічній
За обрієм спалахують заграви,
Неначе грім, гримить далекий бій –
То ж наші ген зі сходу сунуть лави,
Ти ж так чекав – і ось вони ідуть,
Ідуть до нас, несуть життя і волю!..

В очах застигла смертна каламуть,
І ти мовчиш,
а час іде поволі,
Пульс слабшає – аж ось і зовсім зник...
Так,
дивний день удався у нас сьогодні!
Це перший день у нас,
за цілий рік,
Що ми з тобою
зовсім
не голодні.

II

З сусідкою тебе ми сповили
У півниками вишиту ряднину -
І так тебе од мене увезли,
Бо грошей не було
на домовину.

III

На небо обережно виповзав
Скривавлений загравами світанок:
У сполохах над Харковом вставав
Лютневий каламутно-сірий ранок,
І вулицями, повними імлі,
По радіснім, нарешті вільнім місті
Неслися танки і солдати йшли –
Пливли на шапках зірки променисті,
І так здалося – наче ти стояв
Зі мною поруч – плакав і сміявся,
І до солдатів руки простягав,
Бо ж так чекав – і врешті
дочекався!..
1947

* * *

Памяти Г.В.Татаринцевой

Ах, девичьи ножки, солдатские битые ноги:
Из туфельек школьных – в тяжёлый кирзовый сапог!
Вы сами избрали суровые ваши дороги,
Вы сами шагнули в огонь – за родимый порог.
В осеннюю слякоть, в морозные жгучие ночи
Вы верно служили отважной хозяйке своей:
Упрямо месили кровавое тесто обочин
Сквозь мёртвые вёрсты – обугленный строй тополей...
Вы вровень с мужчинами дерзко и твёрдо шагали,
Топча кирзачами пудовую вязкую грязь,
Ах, Галя-Галина, ах, милая «Галочка-Галя,
Солдатское солнышко» – ваша хозяйка звалась!
Откуда, скажите, в девчушке бралась эта сила,
Когда под огнём, надрываясь, хрипя, чуть жива,
Из ада сражений, бывало, бойцов выносила,
Шепча им, быть может, последние в жизни слова?
Вы шли с ней в атаку, бежали из вражьего плена,
Под грохот салютов кружили немислимый вальс...
Вас пули щадили – а нынче настигла гангрена:
Змеёй подколодной в усталое тело впилась,
Окопную стынью весёлые губы свела...

Вот так, через годы, Галину война догнала
...Походы закончились. Галя под камнем молчит –
А сердца комочек, будя мою память, стучит!

Декабрь 2009

ХАРЬКОВ, 1943

Вы знаете, каким наш город был?
Горячей грудой яростных развалин:
Домов разбитых чёрные гробы
Пустынными глазницами зияли.
Мы возвращались голодать – домой!
Ютясь по чердакам и по подвалам,
Мы счастливо довольствовались малым:
Пусть битый, пусть истерзанный – да мой!
Нас гордый ветер славы просквозил:
Мы возводили жизнь на пепелище!
В том мёрзлом неуют, в той грязи
Мы были бескорыстнее и чище.
Всеобщей породнённые бедой,
Голодные – мы так легко делились
Куском последним, скудной едой –
И как тогда сердца согласно бились!
Мы принимали славу и вину –
Всеми причастны и за всё в ответе –
Мы добивали гадину-войну,
Чтобы войны не знали наши дети.
И Город, возрождённый, восставал,
Как птица Феникс, расправляя крылья, –
И мы такие гордые слова
Вдруг для себя по-новому открыли:
Мой Город, Родина, мой Дом, моя Страна –
Такие дорогие имена!

И Город мой поныне не забыл,
Каким он гордым и счастливым был.

ПОПРАВКА НА МАГНИТНОЕ СКЛОНЕНИЕ*

*Сумская, одна из старейших улиц Харькова,
Ведет от центра города строго на север.
(из путеводителя)*

Она была немислимо трудна –
Дорога в жаркий август сорок третьего:
В ней что ни день, то горькая отметина –
А впереди ещё была война...
Пути наши солдатские – не мерены:
Грязь, бездорожье и кровавый лед...
Мы шли сквозь смерть, но иступленно верили –
Мы просто ЗНАЛИ: этот день придет!
Как ни страшна война в своей безмерности,
Как ни силён и ни опасен зверь –
Горячие знамёна нашей верности
Мы пронесли сквозь злую боль потерь.
Сквозь все грома противоборства жаркого
Всечасно слыша зов родной земли,
От стылой Волги до родного Харькова
Упрямые – мы всё-таки дошли!
Горел металл, и плавилось стекло,
По-человечьи вскрикивали лошади, –
Но знамя наше снова расцвело
Над самую большую в Европе площадью:
Встает Госпром, как цепь седых вершин,
Чадят дома гигантскими огарками –
Но гусеницы боевых машин
Уже грохочут по брусчатке Харькова!
У боя география особая:
Метёт на Запад грозная пурга –
А значит, нас Сумская крутолобая
Ведёт на Запад, к логову врага.
И, как бы с нами компасы ни спорили,
Мы твёрдо знали: здесь ошибки нет!
Нам, не впервые в мировой истории,
Вперёд,
на Запад
выправлен билет!

**Магнитное склонение – угол, образуемый плоскостями магнитного и географического меридианов данного места земного шара.*

ВАЛЬС СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Девчоночьих платиц неброские ситцы
И лёгкие пряди волос –
И майское солнце кружится, кружится
В сквозном хороводе берёз...
Родные речушки, родные пригорки –
До боли родная страна –
И добела выцветшие гимнастёрки,
Как юных висков седина...
Мы в жизни короткой всего повидали –
Порой и не сдержишь слезы:
Мы помним, что отблеск нарядных медалей –
Зарницы далёкой грозы.
Историки лживы, политики лживы, –
Так помни своё и держись!
Мы живы, ребята! Вы слышите – живы!
И вот она – мирная жизнь!

Мы живы, ребята!
Мы ВСЁ-ТАКИ живы –
И вот она, мирная жизнь!

2002

БЕССМЕРТИЕ

(фрагменты поэмы)

ЗАПЕВ

Расцветали вишни белым цветом,
Пенился хмельною брагой май –
Ожидали люди этим летом
Небывало пышный урожай.
Грудь земли дышала лёгким паром,
Ветер нёс дыхание полей,
Ароматным, сладостным угаром
Опьянял и волновал людей.
Колыхались по ночам туманы
Сонмищами призрачных теней;
Города дремали в дымке пьяной,

В ожерельях ласковых огней...
Так прекрасен, так необычаен
Был садов бушующий расцвет –
В пене белорозовых окраин
Занимался по утрам рассвет,
И гудков пронзительною песней
Новый день встречали города,
И звучала с каждым днём чудесней
Звонкая симфония труда –
Мирная симфония труда...

* * *

Как мне помнится эта осень:
В ясном небе – орудий гром,
Харьков. Юрьевская, номер восемь –
Милый, с детства памятный дом.
Сад, сирень, старый куст жасмина
И плющом увитый балкон,
И в соседнем дворе мандолина
И гитары певучий звон...
Мотыльками кружась, спускались
С пожелтевших клёнов листья –
Как нелепы тогда казались
На оконных стёклах кресты,
У ворот дежурный с повязкой,
Луч прожектора – и луна,
И взрывающаяся фугаской
Настороженная тишина!
Ночью сон, скупой и короткий,
И осенний тусклый рассвет –
И тревожные, скорбные сводки
На страницах свежих газет...
Боль утрат, позор отступленья,
Вой снарядов, рёв батарей,
Слёзы жгучие матерей,
Для которых нет искушенья...
За тебя, моя Украина,
За твои золотые поля
От Поволжья и до Берлина
Содрогалась в дыму земля!
Чтоб зерно тяжелело оловом

На бескрайней ниве твоей,
Положил упрямую голову
Не один из твоих сыновей –
Сколько их...

Распростёрты руки,
Ярко-алые струйки в пыли –
И зажатая в смертной муке
Горсть родной украинской земли...

Наши горькие вёрсты не мерены
И не считаны наши шаги –
Как и те, что в степях затеряны,
Бугорки безымянных могил.
В беспощадной свинцовой замяти –
Сквозь несущиеся года –
Эта осень останется в памяти
До последних дней –
навсегда!

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Сколько лет нам, уже седеющим,
Не взрослеющим до сих пор?
Наше детство, идя на бреющем,
Мессершмит расстрелял в упор,
И не маминым голосом ласковым
Нас учила разуму жизнь:
Наша юность рвалась фугасками,
И осколки в сердце впились...
Наша юность..

В те годы кромешные,
Что насквозь прошиты свинцом,
Мы глядели в глаза повешенным,
Мы смотрели смерти в лицо.
Не моё ли качалось тело
На обугленных тополях?
То над нами после расстрелов
Шевелилась во рвах земля,
Это мы возвращались калеками,
Пили залпом горечь разлук –
Нам взрослеть тогда было некогда,
Нам любить было недосуг...

Наши младшие братья и сёстры
Повзрослели уже давно –
Это нам с болезнями роста
Распростаться всё не дано!
Время мимо и годы мимо –
Только иней тронул виски:
Как подростки, легко ранимы,
Как мальчишки, порой дерзки,
И в походке та же поспешность, и
Щеки ветром обожжены -
Нерастроченной, горькой нежности
До сих пор ладони полны!..
Не судите нас строго, люди:
Эту боль не забыть, не избыть.
Мы до смерти такими будем –
Мы не можем иными быть!
И по-прежнему нам ночами
Будут сниться тревожные сны,
И в зелёном небе над нами
Свет ракеты, а не луны!..
... Сколько лет нам, уже седеющим,
Не взрослеющим до сих пор?
Наше детство, идя на бреющем,
Мессершмит расстрелял в упор...

ПОСТ СКРИПТУМ

Мы немало прошли по суровым и трудным дорогам :
Не зеркальный асфальт, а политая кровью земля –
И шумели ветвями над нами печально и строго
Украинской земли сторожа – тополя, тополя...
...Вырастают дома, доживают убогие хаты,
Иномарки проносятся мимо, надменно пыля,
Но как прежде стоят вдоль дорог, на часах, как солдаты,
Украинской земли сторожа – тополя, тополя...

ТОПОЛЯ...

ТУМАН НАД ГОРОДОМ

Туман над городом, туман –
И улицы текут, как реки...
Устало-серые дома
Натруженно смежают веки –
Туман над городом. Туман –
Все очертанья зыбко тают,
Как будто сумерки ума
С утратой зренья наступают.
А коль не разглядеть лица,
Пока не подойдешь поближе, –
Как будто нету подлеца,
Раз я его в упор не вижу:
Не видно крови на руках
И на лице не видно грязи,
И «мерседесы» в облаках,
Как кони, ржут у коновязи.
В текучей мгле не разобрать,
Смеркается или светает –
Но вдруг у робкого Добра
Тугие крылья вырастают:
Как будто раз и навсегда
Постыдные границы стёрты,
И мы отныне никогда
Не опозорим наших мёртвых,
Не предадим, не продадим,
Оболганным – вернём их имя...

Туман рассеется как дым, –
А мы останемся...
Какими?

ПОБЕДИТЕЛЬ

При любой неласковой погоде,
Будь то стужа, зной или гроза,
Он стоит в подземном переходе,
Теменью очков прикрыв глаза.
А у ног, томительно и тяжко,
Словно камень, тянувший ко дну, –
Старая армейская фуражка –

Та, в которой он прошел войну!
Он не слеп - но так несносно видеть
Алчности бесстыдной торжество!
Кажется, он вправе ненавидеть
Родину, что предала его, -
А ведь он убогую жалеет,
Отданную на распыл за так.
Есть ли что на свете тяжелее,
Чем холодный нищенский пятак?
Не спешите, глаз не отводите -
Пусть горит на совести тавро:
Вот стоит Хозяин,
Победитель
В переходе стылого метро!

1998

ИЮНЬ 1941

Как странен Город в тусклом ожерелье
Тревожных, синих, призрачных огней!
Трамваи поздние привычной звонкой трелью
Не будят сонных синих площадей;
Захлопнув недочитанные книжки,
Под васильками синих фонарей
Прощаются с девчонками мальчишки -
Мальчишкам
отправляться
на заре...
А на вокзалах женщины в смятенье
Вымалывают крохи у судьбы:
Ещё одно короткое мгновенье
Не вдовами, а жёнами побыть!
Нас всех война в одно, как сноп, связала:
И боль одна, и тишина одна.
И чёрный поезд, отходя с вокзала,
Свистком чуть слышным говорит: «Война!»
А Город смотрит вслед глазами синими,
И стук колёс - как будто сердца стук...
Война и Родина - два строгих женских имени,
Пароль и отзыв.
Город на посту.

1956

ХАТЫНЬ

Я навечно запомню – запомни и ты
Под Логойском, в лесу деревеньку Хатынь!

Здесь кудахтали куры и козы паслись,
Здесь текла деревенская милая жизнь,
Здесь шептались колосья и пела трава,
Расцветали и в песни сплетались слова,
И скрипели колодцы, и сладко до слез
Здесь звенели, качаясь, сережки берез,
И светились улыбки, и радость цвела –
А потом эта черная сила пришла:

Не деревня – деревни обугленный труп
Грозно тянется к небу обрубками труб,
И плывет над полесьем удушливый смрад:
Это дети горят! Это дети горят!
В этой страшной деревне, сожженной дотла,
Все звонят неумолчные колокола –
Это дети кричат в эту горькую стынь:
Не забудьте Хатынь!
Не забудьте Хатынь!

Как поверить, что были – случились! – людьми
Палачи Орадура, Хатыни, Сонгми?
Кто здесь был, тот запомнит на целую жизнь,
Что такое война, что такое фашизм.
Чтобы вновь не пылали живые костры,
Чтоб опять не безлюдели наши дворы,
Чтобы мирные ветры качали полынь –
НЕ ЗАБУДЬТЕ ХАТЫНЬ!

ПОЛТАВА – РОМА

*Римскому журналисту Пино Скачча,
автору «Исчезнувшей дивизии»*

Как бесконечна, как страшна дорога!
Скрипучий снег уходит из-под ног...
На что теперь надеяться? На Бога?
Найдет ли их в пустыне этой Бог?

Как безнадежно далеко от дома
Забросила их черная судьба!
Две вехи в памяти всего: Полтава – Рома –
Да зависть к тем, кто погребен в гробах.
Здесь им конец, на этом косогоре, -
Но если б только, прежде чем упасть,
Хоть на секунду вновь увидеть море
И теплым ветром надыхаться всласть!..
Последние шаги – как километры.
Ночь впереди, а за спиной – смерть.
Их отпоют в снегах лихие ветры
И заметет метели круговерть.
А где-то там – в Милане ли, в Бриндизи ли –
Седые мамы будут ждать года
Последних из исчезнувшей дивизии,
В чужих снегах
пропавших навсегда.

1993

ПОСЛЕДНИЙ КАДР

Значит, дожили! Всё!
Это МЫ до Рейхстага дошли!
Это НАШЕ
над дымом и копотью
плещется знамя!
Вот последние метры
чужой и постылой земли –
И последние пули
взрывают щебенку за нами!
Значит, МИР!

Это он голубиные крылья простер,
Высоту набирая,
как солнце, –
победно и круто!..
...И взметнулся, счастливый, –
и рухнул ничком репортер,
Сохранивший для нас
незабвенные эти минуты...

9 МАЯ

В коробочках хранятся ордена,
В шкафах пылятся старые мундиры,
Но снова,
 будто все еще война,
«Огонь!» – кричат во сне
 седые командиры.
Ведь кажется – полжизни позади,
И вспоминай – не вспоминай – что толку?
А память все нам сердце бередит,
Все жжет его
 не вынутым осколком.
А память
 все подсказывает нам
Лишь нам одним
 так памятные даты,
Навечно дорогие имена,
Доныне не зажившие утраты...
Сегодня мы –
 кто жив еще пока –
За тех,
 других,
 с кем все делили поровну,
Поднимем не шампанского бокал,
А горькую
 наркомовскую норму.
Нет, нам не быть
 гражданскими людьми,
Хоть смолкли пушки и тихи границы:
Как раньше
 нам в окопах снился мир,
Так нам теперь
 война
 ночами снится!
Проклятая –
 она гудит в сердцах,
Инфарктами
 гремят ее разрывы,
Но нам стоять,
 как в Бресте, -
 до конца,

Пока мы дышим
и пока мы живы.
Она для нас не кончилась, война,
И берегут
понятливые жёны
Не только боевые ордена,
Но полевые сумки -
и погоны

НЕМНОГО О ТОПОНИМИКЕ

Под гнетом памяти уже чуть-чуть сутулясь,
На ощупь проверяя имена,
Мы сердцем бродим по названьям улиц,
Как будто снова юность нам дана...
В те дни, в глухой тоске эвакуации,
На стылых вёрстах горького пути,
Мы, помню, всё боялись потеряться –
Свой дом и самых близких не найти.
А вечером, когда сгущались тени
И мир сужался, замыкаясь в круг,
Оглохшие от грозных потрясений,
Мы затевали странную игру:
Припомнить, шаг за шагом, дом за домом,
Цвет абажуров, голоса людей
И каждый тополь, сызмальства знакомый,
Да ивы, отражённые в воде...
А сердце в тишине пустой и гулкой
Толкалось в грудь, подсказывая нам
Названья тех далёких переулков
И улиц наших милых имена...
Так остро нас зовут воспоминанья
Сквозь голоса сегодняшнего дня...
Нет, не меняйте улицам названья –
Не отнимайте память у меня!

ГНЕВ

Струится полдень, злой и жаркий,
Глазницы заливают пот.
Шуршат надменно иномарки,
Презрительно тесня народ –

И пешеходы отступают,
Оплёванные свысока,
Но ненависть, ещё тупая,
Растёт, взбухает, закипает -
И бешено стучит в висках.
В машинах – яркие девицы,
Раскормленные молодцы...
О Господи, какие лица!
Куда крутой бомонд стремится?
Какими были их отцы?
А деды? Что б сказали деды?
Они извели сполна,
Какой была цена Победы, –
Кому она теперь нужна?
Пестрят в истории помарки,
Всё пишется наоборот...
Шуршат асфальтом иномарки,
Презрительно тесня народ...

2002

«БОЛЬШОЙ ВАЛЬС»

(кинотеатр «Ударник», год сорок первый)

Тревога, свет, отчаянный бедлам –
И я к тебе поспешно пробираюсь,
А на экране, в желтом свете ламп
Ещё красиво плачет Шани – Штраус
И мирно плещет голубой Дунай,
Тревогой отодвинут и уменьшен,
А музыку глушит зениток лай,
И грохот бомб, и плач, и крики женщин ...
...Я помню развороченный подвал,
Бесстыдно, как бельё, открытый взглядам –
И чей-то мир, убитый наповал
Горячими осколками снарядов...
И под ногами, где была трава,
Хрустит стекло и каменная крошка...
Ты ещё жив.

И я ещё жива –

Ведь это только первая бомбёжка!

Октябрь-ноябрь 2011

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Сегодня вновь, как в мае сорок пятого,
Пошёл печальный, тёплый, тихий дождь:
Природа плачет под вечер девятого
О тех, кого давно уж не вернёшь,
Тех, чьё давно уже истёрлось имя,
Кого давно уже никто не ждёт.
Они ушли из жизни молодыми –
Тому уже идёт который год:
Состарились их молодые вдовы,
А может, и за ними вслед ушли, –
И этот мир, далёкий, чуждый, новый
Им не узнать теперь – из-под земли!
И всё-таки – пусть вытекают годы –
Но каждый раз девятого числа
По ним заплачет к вечеру природа,
Какой бы днём погода ни была.

9 мая 2012г

ВETERAN

Равняйтесь на него – он был солдатом
В те грозные, грохочущие дни:
В огонь и дым он шёл на смерть когда-то,
Чтобы других от смерти заслонить.
Вот и теперь, опять, его работа –
На Шпрее, на Гудзоне, на Оби –
Везде и всюду, на любых широтах
Нести своё святое: «Не убий!»

ТЕМ, КТО ИДЁТ ПОСЛЕ НАС

Вот я стою на сцене:
празднично зал принаряжен,
Шторы висят на окнах,
в зале тепло и светло...
Товарищи старшекурсники!
Давайте смене расскажем,
как наше буйное племя
впервые сюда пришло.

...На стенах узоры сырости,
холод и запустение,
В души вселял уныние
ветра зловещий напев;
Здесь, в этом самом зале,
крысы бродили по сцене,
С нами слушали лекции,
на задние лапки присев...
Каждый из нас в ту пору
был непростительно молод,
Но кажется – тысячи жизней
были уже за спиной:
Маячили за плечами
бомбежки, окопы, голод –
Нелегкое взрослое мужество,
данное нам войной.
В общем, мы были такими же
мальчишками и девчонками,
только одеты похуже
да лицами побледней.
Но многим из нас
на родителей
пришли тогда похоронки –
так уж оно случается
со многими на войне.
И мы на Южном вокзале
разгружали ночами уголь,
чтоб накормить – хоть не досыта –
братьев своих и сестер.
Вы только поймите правильно:
это беда, не заслуга,
а наши и ваши заслуги –
это другой разговор.
Любимым преподавателям
мы несли не цветы, а поленья,
чтобы за время экзамена
они не замерзли совсем, –
И все-таки мы учились
«без унынья и лени»,
мы постигали Слово
в его первозданной красе!
Славная наша смена!

Пусть вам живется весело,
Но помните: где-то тлеет
затоптанный нами пожар!
Работайте дерзко и радостно
на нашей планете песенной.
Мы вам кладем на ладони
шершавый земной шар.
Несите его бережно:
мы все за него в ответе,
Но если опять тревогу
нам затрубит трубач,
Мы вместе – в одной шеренге –
беду нашу общую встретим
И вместе на небо выкатим
солнца задорный мяч!
И помните: если снова
на милой нашей планете
У нас или у соседей
фашист раздует пожар –
Мы вместе – а может, с нами
подросшие наши дети –
Снова, как в сорок пятом,
врагу нанесём удар!

Дмитрий РАКОТИН
НЕ ЗАМАНИТ ПОЭТА
ХИТРАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТА

* * *

Вьются пряди тумана.
Впереди – холода.
Льётся с неба, как манна,
Дармовая вода.

Не сдаваясь простуде,
Почитайте Жорж Санд!
Да и Кристи – от будней –
Золотой депрессант.

Поиск берега тайны
Открываем сезон.
Если вдруг заплутаем,
То спасёт Робинзон.

Если нудно, голгофно,
Чтоб не сбрендить с ума, –
Ждут бессмертные Гофман,
Конан-Дойль и Дюма,

Пристли, Грин, и Чапыгин,
Ардаматский и Чейз...
Есть прекрасные книги.
И прекрасно – что есть!

* * *

Я не дружу с Интернетом.
Смысла не вижу я в этом.
Да и ему я – не тайна –
Нужен, как крылья комбайну.

Нет, не заманит поэта
Хитрая сеть Интернета!
Так что поэту – поэтово,
А Интернету – Интернетово...

* * *

Ни денег нету, ни друзей.
Работы не предвидится.
«Ты мудозвон и ротозей», –
Фортуна криво лыбится.

Сижу, страдаю наяву.
И ручка пишет гелево.
Ах, почему я не живу
Во времена Тургенева!

* * *

А ты, апрель, плохой товарищ,
По существу – погодный ад:
Давно спокойным не бываешь,
Тебя вконец испортил март!

То ты теплеющий и кроткий,
А то – качающий права –
Идёшь надменною походкой
И сеешь дождь из рукава.

То ветром обжигашь сзади,
То солнцем гладишь по челу.
Раз сто меняешься ты за день.
Хоть сам-то знаешь – почему?

Порой не в меру ты застенчив,
Порой кипишь, всё затеня...
Но уж в пути – разумный сменщик –
Он сменит глупого тебя...

* * *

Всходит утро, события суля.
Веет поле свежо и заречно.
До чего ж ты красива, заря,
И как вся красота, скоротечна.

Соловьи, заливаясь в кустах,
Не фальшивят, не портят эфира.
И горит на фасольных листьях
Чистота первозданного мира.

* * *

Тут закат потускнел и потух.
Всё в печалях и злых переменах.
И не снится ромашковый луг
В этих трезвых продуманных стенах.

Сплошь кидалы, торговцы, ОМОН,
Суета и о прошлом досада,
И не бродит хмельная гармонь
Мимо нашего бедного сада.

На базарах торгуют хурмой,
Чупа-чупсами, килькой, тенями.
Это всё называем страной,
Той, которую мы потеряли.

Позабыли, и солнце, и Крым,
В толкотне, маете горемычной.
И вдыхаем Отечества дым,
Что валит из турецкой шашлычной.

* * *

Подражание А.А. Вознесенскому

Скачут на белом
Тени постельно!
Жмёт очумело
Девушка – стерва.

Словно по хорде,
Мчится проворно
На супер - «Хонде»
Супер - оторва!
Надсадноголосен,
Шум уже близко.
Это ведь осень -
Мотоциклистка!
Вихри растерянно
Ржут, как поддаты...
Рыжая стервина,
Мчишься куда ты ?!..

* * *

Видно, век такой настал -
глупый и бесцельный.
«Золотым батоном» стал
президент «бесценный».
Спас он вовремя живот -
убежал, икая.
И в Москве теперь живёт
вроде попугая.
Прихватил с собой «майна»,
вклады - безделушки...
На фига ему страна,
где стреляют пушки?!
Лучше - «лекции» на «бис»,
мять в Сочах песочек.
Жрать батоны...
- Не жлобись!
Дай
и нам
кусочек!..

* * *

Зимний кинотеатр «Россия»...
Не помню уж, кого ожидая,
бродил я вокруг него.
Главный вход -

чист и светел,
оживляем
падающим снежком.
А за кинотеатром –
очень безлюдно,
очень сумрачно,
очень грязно...
И почему,
почему
врезалось в память:
мусорные баки,
на них
нагло без кавычек
коряво
написано
белыми буквами:
РОССИЯ,
а над баками –
как
в кошмарном
замедленном сне –
чёрными-чёрными клубами –
неимоверный
шабаш
снующих
орущих
галдящих
вопящих
ворон...

* * *

Б. А. Слуцкому

Знаете, а группа продлённого дня –
вовсе не фигня.
Это какой-то кусочек свободы,
о чём я понял
только через многие годы.
В группе продлённого дня
было легко, непротивно.
Но чувства не очень интересовали меня,
тогда я кайф ощущал инстинктивно.

Как сейчас говорят – подкоркой.
Мы тогда даже занимались уборкой.
Нет, мы не боялись, не тяготились работы.
Но главное – ощущение свободы,
которого никогда не было на уроках,
и дело не в лени, не в детских пороках.

Мы бродили, как ветер в степях,
и ловили тарантулов на пустырях.
Школа была далеко от дома.
Дорога назад – до камешка знакома.
Я тратил время направо, налево
вдохновенно,
как поэты пишут стихи.
Иногда мы с товарищем, делая круги,
покупали пирожные с кремом.

Может быть, просто тогда
я очень счастливым был,
и дни летели легко, как с горы ребягня.
Может быть, потому я и не забыл
грушу
продлённого
дня.

* * *

На заводе релейном
Я вкушал благодать.
Там не лили елей нам,
Заставляли пахать.
Там без дела не кисли
В трепотне о былом.
Там работал я кистью,
А случалось – кайлом.
Но, хоть будни жестоки.
Я не кланялся им.
И тревожили строки
Появлением своим.
В вихре века бедовом
Среди разных бодяг, –

Нагляделся я вдоволь
На жизньё работяг.
И раб. класс был понятен
И осмыслен уже,
Только мало симпатий
Вызывал он в душе.
Жизнь, как тесная клетка,
В сонме пасмурных дней.
Потому надо крепко
Думу думать о ней.
Окна пели, как соты.
Мир искрился в росе.
Но, шагая с работы,
Были хмурыми все.
Солнце падало ниже
В золотой краснотал.
Жаль, что Климова книжек
Я тогда не читал.

* * *

Я люблю вечернюю страну.
В час, когда смолкает сонный улей,
Солнце превращается в луну
И плывёт по запахам петуний.

Льётся свет ночной, как благодать.
Крыш не видно больше и балконов.
Ничего не нужно объяснять,
Мир живёт по собственным законам.

В тишине дремотой веет путь
И его шагами не буди ты.
Даже ангел хочет отдохнуть,
До утра спускается с орбиты.

Я люблю вечернюю звезду
В тихий час, когда печаль безбрежна,
Ведь она за так, а не за мзду
Всем заблудшим светит, как надежда.

Я люблю вечернюю страну.
В час, когда смолкает сонный улей,
Солнце превращается в луну,
Голова хмелеет от раздумий.

* * *

Тихо сгинула зима.
Ярко, душно.
Так и жизнь пройдёт сама,
если нужно.
Всё равно уйдёт в гранит
со грехами,
Так не дымом пусть горит,
а стихами...

Инна МЕЛЬНИЦКАЯ

КАК ЭТО ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАНИЛОВКЕ

(наверное, мне года четыре)

Это самое давнее мое сочинение, которое я ещё помню. Не буду врать, что я помнила его всю жизнь: просто оно случайно сохранилось у Яночки – дорогого мне человека, папиной воспитанницы, детдомовки, коммунарки – той, которая обмыла папу, когда он умер, обернула его рядом в красную шашечку, а потом увела меня с собой – и может быть, сохранила мне жизнь. А ещё – сберегла листочек с этими корявыми печатными буквами:

В Даниловке перепела
Перекликаются так звонко!
В Большом Садку визжит пила
Пронзительно и тонко,
Хромой Васыль телят пасёт,
А дед Хома сома несёт!

(Истинная правда: красноносый дед Хома умудрился поймать сома, который терроризировал всю деревню тем, что бессовестно таскал зазевавшихся уток. Навсегда запомнилось, как злодея на палке волокли по улице, и хвост чудовища волочился по земле.)

А следующий шедевр я помнила сама – и как было его не запомнить: ведь это было мое первое публичное выступление!

ПЕСНЯ О ПОЛЯРНИКАХ

Мелодия – правой рукой! – автора; аккомпанемент – левая рука! – Зои Абрамовны Архон, красивой учительницы, преподававшей в школе ритмику и пение и утверждавшей, что автору непременно предстоит стать гениальным поэтом и композитором. Увы – *ergare humanum est!* Приходится с прискорбием признать: ни в одной вышеупомянутых ипостасей вышеупомянутый гений не состоялся!

Итак:

В море на скале высокой
Ярко светится маяк.
Зол, коварен враг далекий –
Береги страну, моряк!

Над морем, холодным и льдистым,
Советских прожекторов свет!
Героям учёным, герою радисту
Лети, мой горячий привет!

Дальше было ещё что-то, в такой же мере гениальное – по-моему, куплета два, и всё это было исполнено тонким голосом на утреннике, после чего автор был делегирован встречать папанинцев на площади Розы Люксембург, с тем, чтобы лично вручить лично Папанину своё гениальное творение, свёрнутое трубочкой и перевязанное ленточкой (цвет ленточки в памяти не сохранился). Герои ехали в открытых машинах по улице Свердлова, через мост; мимо центрального универмага; автора, трепещущего от важности момента, держала на всякий случай за руку классная руководительница – и тут случился непредвиденный конфуз. Оба – и поэт, и учёный – оказались ростом несколько несоизмеримы величию своей миссии: один никак не мог допрыгнуть, другой, наклонившись с ползущей на первой скорости машины, никак не мог дотянуться до подарка, и торжественное вручение так и не состоялось бы, если бы не какой-то мужчина, вынырнувший из толпы, который, подхватив под мышки, поднял автора на надлежащую высоту и тем спас положение).

Несколько позже, уже в зрелом восьмилетнем возрасте, автор каким-то образом удостоился чести быть напечатанным в «Пионерской правде» – только что именно тогда увидело свет в этом почтенном издании, память не сохранила. Помнится только, что после этого на имя юного дарования из Москвы пришло письмо от какой-то организации по работе с особо одарёнными детьми. Помнится, что конверт был красивый, но как долго потом продолжалась переписка, и в чём она заключалась, ей-Богу, не помню. И вообще из творческой деятельности этого периода почему-то запомнились только мелкие пасквили, которые автору заказывали на своих одноклассников и – что греха таить – своих учителей старшая сестра автора Муся и её подружки Люся Дьякова и Ира Порфирьева. Это было нечто вроде «Арвид Буданский – жираф африканский».

Или:

Сёмка Геллер – что пропеллер,
Вся их разница лишь в том,
Что пропеллер улетаёт,
А Семёна вызывает
И сурово распекает
То директор, то учком.

Ну, и другие, тому подобные шедевры.

Кстати, Арвид был высокий и красивый, не то латыш, не то поляк, по которому сохли почти все девчонки Мусинога класса, а Сёмка, по которому сохла одна Люся, был небольшого росточка, кудрявый, русый и отчаянно шустрый – за что, естественно, и распекали.

Вот, пожалуй, и всё, что можно рассказать об этом периоде. А что касается вроде бы не детского слова «распекает», так следует принять во внимание, что в моём одиноком, безнадзорном детстве я читала без разбора всё, до чего могла дотянуться в Муськином шкафчике и в папиных бездонных книжных шкафах. Стоит ли удивляться, что мне попадались даже такие слова, как, скажем, «трансцендентальный»? Не очень понятно, конечно, – но зато как красиво!

Дальше, к сожалению, следует большой, ничем не восполнимый, пробел. Это совсем не значит, что я на какое-то время перестала сочинять стихи. Совсем наоборот! Правда, и Муся, и Люся Дьякова к тому времени уже окончили нашу милую «двадцать первую» (я до сих пор уверена, что лучшей школы в мире не было и нет), и у меня не стало больше заказов на зловредные частушки. Нас, мелюзгу, перевели в другую школу. Мы несколько подросли, и некоторые мальчишки в нашем классе даже стали носить настоящие длинные брюки. И стихи начали сочиняться совсем другие. Во-первых, на стенке класса появилась классная газета. Рисовал газету Вадька Уваров (у него, между прочим, отец был художником – только он куда-то делся), и в каждом номере газеты обязательно появлялись мои свежие стихи. Я их не сохраняла; они уходили с каждой состарившейся газетой, когда вешали новую. Мне тогда и в голову не приходило, что когда-нибудь я о них пожалею. Стихи сыпались из меня как горох – так чего, спрашивается, их жалеть?

Вот тогда вошла в мою жизнь Надежда Владимировна Держирукова. Надежда Владимировна преподавала у нас русский язык и литературу. Небольшая, смуглая, с горячими карими глазами в глубоких, тёмных глазницах, она как-то мило, мягко картавила и совсем необычно преподавала. Весь фокус заключался в том, что она, в общем-то, не навязывала нам ГОТОВЫХ знаний – ну, разве что такие обязательные, как, скажем, «правило девятки». Знание человеческое безгранично, и раз процесс познания бесконечен и безостановочен, за ним все равно не угонишься. Поэтому она прежде всего учила нас думать! Вызывая к доске, она не

требовала, чтобы мы пересказывали то, что написано в учебнике: её интересовало, КАК ТЫ ОТНОСИШЬСЯ К ТОМУ, ЧТО ТАМ НАПИСАНО. Конечно, случалось, что отвечающий нёс дикую ахинею – любую ахинею она выслушивала внимательно и уважительно, но ты обязан был убедительно обосновать своё мнение.

Периодически у нас бывали контрольные – диктанты, пересказы, сочинения или контрольные упражнения на употребление НЕ и НИ, чередование гласных и тому подобное. Я, как правило, в этом не участвовала. Мне Надежда Владимировна строго говорила: «А ты садись на заднюю парту и пиши стихи». Я повиновалась. Урок заканчивался, звенел звонок, все сдавали свои работы, и я вместе со всеми сдавала свой листок с очередным творением – и самым удивительным было то, что никто этому не удивлялся. На следующем уроке обычно шёл разбор ошибок; иногда при этом Надежда Владимировна читала классу мои стихи, иногда её просили об этом ребята. Почему-то мне и в голову не приходило попросить своё детище обратно: я просто сдавала их, как обычную контрольную – и у меня ничего не оставалось. Наверное, Надежда Владимировна сохраняла их, и наверное, если бы она не умерла от голодной «ленинградской гипертонии», передо мной сейчас лежала бы целая пачка тех «контрольных экспромтов», тех наивных откровений, которыми я, по сути, была обязана ей. Но нет больше моей любимой учительницы, и всё, что у меня осталось в памяти, это начало последней экзаменационной работы – сочинения на вольную тему «Люблю я пышное природы увяданье...»

Нежный пурпур заката залил облака,
Свет вечерний, скользя, догорает...
Посмотри: всюду осени щедрой рука
Золотую листву рассыпает.
Под широкою, мягкою кистью луча
Небосклон весь пылает румянцем,
И деревьев листва словно жар горяча,
Загораясь осенним багрянцем...

Этими строчками встретила меня на пороге Надежда Владимировна, когда я вернулась в Харьков, этими строчками – в память о ней – я закончу этот коротенький, немудрёный рассказ о том, как когда-то, давным-давно, мне случилось заглянуть в Зазеркалье.

... И ДРУГИЕ МОИ УЧИТЕЛЯ И УЧИТЕЛИ

Моей первой школьной учительницей была Мария Павловна Чмелёва. Наверное, она была хорошей учительницей: плохих учителей в замечательной (на полном серьёзе!) школе «Металлист» просто не могло быть. Но на меня она в первый же день произвела гнетущее впечатление – и это ощущение сохранилось надолго. Во-первых, она была ужасно большая, ужасно громоздкая – а я, когда нас выстраивали по росту, была самой последней в нашем нулёвочном классе. У неё был большой, мясистый нос, весь в чёрную крапинку – я такого никогда не видела! Голос у неё был тоже большой, какой-то толстый и громкий, и вообще её было очень много – и когда ВСЁ ЭТО вваливалось в класс, мне хотелось съжаться до размеров самого мелкого насекомого – не от страха, нет – а от чувства НЕСОРАЗМЕРНОСТИ и НЕСОВМЕСТИМОСТИ.. Я и так чувствовала себя не в своей тарелке: с самого начала учебного года я болела и пришла в класс, когда все уже пообвыкли и перезнакомились друг с другом и со школьными правилами, а для меня всё было внове, непривычно и неудобно. Школа, коридорами которой я привычно бродила до того, вдруг обернулась для меня новой – неизвестной! – стороной.

Ещё одним, что меня озадачивало, была проблема НЕСОВПАДЕНИЯ в языке. Я уже знала, что в принципе языки бывают разные: у папы было много книг на разных языках – но то были языки иноСТРАННЫЕ – на них говорили в других странах! Там были другие буквы, другие, непохожие слова. Мне просто не приходило в голову, что у нас, в ОДНОЙ стране, могут жить разные языки. Почему-то у нас с папой никогда не возникало разговора об этом, и я считала, что просто каждый говорит как-то по-своему: кто шепелявит, кто картавит, кто немножко другими словами, как тётя Настя в Даниловке – но всё понятно, и я так могу. А вот в папиных книжках, напечатанных НАШИМИ буквами, – там язык был вроде бы немножко другой, в моём представлении одинаковый для всех, и я считала, что ПИСАТЬ надо как пишут взрослые, именно этим языком – всё равно, печатными буквами, или письменными. Словом, говори, как привык, а пиши, как в книжках.

И вот тут я потерпела крах. Не помню точно, как это было: то ли Мария Павловна продиктовала нам эти роковые строчки, то ли написала на доске – так или иначе, у неё это выглядело так:

Дзичить бджола. Дзюрчить вода.

Я удивилась. Мне даже стало неловко: такая большая, а не знает, как это должно быть НАПИСАНО! И старательно – я же грамотная девочка, много книг читала! – вывела:

Жужжит пчела. Журчит вода.

Правда, меня немножко беспокоило, как она это воспримет – не обидится ли? Но случилось неожиданное. Она собрала наши тетрадки, унесла их домой для проверки, а на следующий день принесла и раздала нам. В моей тетрадке крупным почерком, красными чернилами было выведено: НЕЗАДОВОЛЬНО!

Я спросили соседку по парте, что это значит. Соседка сказала. Если бы вы знали, как мне стало НЕСПРАВЕДЛИВО! И как я была счастлива, когда через неделю снова заболела: значит, можно будет долго не ходить в эту окаянную нулёвку! И папа понял: он всегда рано или поздно всё понимал правильно. И мы решили: ладно, пусть я пойду на следующий год прямо в первый класс – всё равно я ещё буду маленькая!

Правда, в первом классе я опять почему-то попала к Марии Павловне. Радости в этом было мало: первое впечатление не остывало.

Мария Павловна жила рядом со школой, в полуподвальном помещении. Насколько мне помнится, на окнах почему-то не было занавесок – или, может быть, были, только она их днём не задёргивала, но мне никогда не хотелось заглянуть: мне казалось, что там вся мебель, все предметы домашнего обихода должны быть такими же громоздкими и некрасивыми, как она сама.

Наверное, я несправедлива к ней, но я до сих пор ничего не могу с собой поделать.

Следующая моя учительница, Мария Ивановна Бисова, наоборот, была вся сдобная, вся в улыбках, и голос у неё был сладкий, и помнится она почему-то в коротком красном сарафанчике, с голыми, очень белыми, очень сдобными руками и плечами. На переменках она обязательно обнимала кого-нибудь из ребят за плечи и так, очень назидательно, гуляла с ним (или с ней) по залу.

Больше – в тот период – она не запомнилась ничем. Может быть, потому, что в учёбе в тот год я не узнала ничего нового. Читать и писать я уже умела, считать, в пределах требуемого по программе, – тоже, а борьба с кляксами мне представлялась выше моих сил.

Всё интересное, новое, начиналось потом.

КУРІПОНЬКА

Потом два языка раскладываются на разные полочки, и к нам приходит худенькая, хрупкая, вся какая-то востренькая, близорукая Надія Семенівна. Она приходит преподавать нам «мову». Мне кажется, это слово круглое и коричневое – и ей не идёт, потому что она тоненькая и прямая, как часовая стрелка или большое «і з крапкою». У неё острые коготки, которыми она то и дело почёсывает завитую русую головку, прицельно прищуренные близорукие карие глаза и тонкие, высокие каблучки. Вслед за ней в класс, неведомо как и откуда, проникает и намертво приклеивается меткая кличка Куріпонька. И походка у неё такая: ходит она мелкими, чёткими шажками, дробно, мелко цокая острыми каблучками – «дріботить»! И голос у нее тоже кажется острым и каким-то ломким, и слова чёткие, как стук каблучков.

К тому времени я уже свободно, незаметно для себя, перемещалась из одного языка в другой и с одинаковой лёгкостью читала Трублаини и Гайдара, Копыленко и Фраермана, и книги их были, пожалуй, равно любимы. Может быть, именно поэтому, хотя в памяти не тускнеет образ самой Куріпоньки – голос её, внешность, жесты и мимика, но содержание её уроков стёрлось начисто – наверное, нового для меня в них было мало. Остались только магическое заклинание правила девятки: «де ти, цуцик, зуби скалив, жупан чорний, шапка рвана» – и ещё почему-то «де ти з'іси цю чашу жиру».

Запомнился, правда, один обидный эпизод. Куріпочка вызвала меня читать «Сломіхінський бій». Как сейчас, помню: отрывок начинался на левой странице «Читанки», под картинкой, изображающей атаку конницы. Читала я вроде бы хорошо: меня даже действительно агитировали в драмкружок – так что я встала и уверенно, с выражением, прочла: «Гармати ревінням вкривали місцевість».

– Сідай, – оборвала меня Куріпочка. – Незадовільно!»

Я в полном недоумении села

До сих пор не могу простить окаянным лексикографам этой обиды. Дело в том, что в украинском языке когда-то существовало два варианта звука Г, и было для них две буквы: просто Г и Г с чубчиком на конце перекладинки. Последняя произносилась гортанно и твёрдо, как в русском языке, и встречалась в немногих словах – например, и слове ганок. Потом, за малой надобностью, «Г с чубчиком» исчезла с книжных страниц, но еще позже ревнители национальной старины восстановили её в правах, но не восстановили в

алфавите. Честно говоря, я по сей день не знаю, как надо читать эту злосчастную букву в слове «гармата» – «с чубчиком» или без, за что и схлопотала тогда двойку. Сами судите – где справедливость? Писали бы уже эту злосчастную кучку слов с чубчиком, если уж так это им важно – или читали бы эту чёртову букву везде одинаково! А так это было одно расстройство. И, как в тот раз, горькая обида

ВАЛЕНТОН И ЭГМОНТ

Почему-то большинство учителей в младших классах обычно женского пола. – наверное потому, что на этом этапе учительница ещё в какой-то мере и мамозаменительница. Наша школа не была исключением из общего правила. Но из всех учительниц мы особенно любили свою учительницу пения и ритмики, Зою Абрамовну Архон,. Во-первых, в ней всё было красиво: тёмные, горячие глаза, мягкий грудной голос и необычная фамилия. Во-вторых, нам, непоседливой мелюзге, после долгого сидения за партой было так славно под веселую музыку ходить по сияющему паркету и что-то ритмически изображать, дружно скандируя: «Ой, був собі журавель та й журавочка, накосили січня повні ясельця...». И вдруг Зоя Абрамовна куда-то делась, и вместо неё, совсем неожиданно, появился совсем необычный учитель – молодой, подчёркнуто прямой, подчёркнуто аккуратный, весь какой-то длинный и узкий – узкие, длинные кисти рук, длинные, тонкие пальцы, узкие, длинные носки до блеска начищенных туфель – и при всём при этом неожиданный, сногшибательный аромат духов! Звали нового учителя Валентин Александрович, но мы между собой прозвали его Валентоном, потому что в нагрудном кармане пиджака он всегда носил металлическую штучку, которую в первый же день показал нам, и сказал, что называется она КамерТОН. Если камертон побеспокоить, он издаёт долгий, чистый звук. Валентон сообщил нам, что эта штука показывает певцу, в какой тональности он должен петь. Мы тогда не очень это поняли, но штучку зауважали и Валентина назвали Валентоном. Запах духов висел в воздухе долго, как звук камертона: если вдруг в коридоре возникал нежный аромат, дежурный оповещал нас: «Тихо! По местам! Валентон идёт!» И если где-то, в совсем неожиданном месте ноздри вдруг щекотал восхитительный запах – можешь быть уверен: тут недавно прошёл Валентон.

Не могу сказать, чтобы он нам сразу понравился, но безусловно необычностью своей он как-то озадачивал и возбуждал интерес. И уроки его с самого начала были

необычны. Помнится, в первый же день он повёл нас в зал, усадил вокруг рояля и сказал: «Вот представьте себе, что вам пришло письмо на испанском языке – вы его поймёте? Нет? А на немецком? Тоже нет?»

И тут правильная девочка Туся Сливинская сказала: «А я попробую со словарём». «А без словаря никак?» Тут уже и Туся замотала головой.

И тогда Валентон торжественно заявил: «А я вам докажу, что есть язык, которому не нужны никакие словари – надо только научиться его понимать. Это язык музыки. И сейчас мы попробуем...»

Он сел к роялю, поднял крышку и бросил тонкие, белые кисти рук на настороженные клавиши – словно растолкал рояль и скомандовал ему: «Проснись!» Весёлые, дерзкие пальцы бойко пробежали по клавишам – вверх, направо – и рояль радостно откликнулся, как будто он долго ждал, чтобы кто-то обратил на него внимание. Звонкие, хрустальные звуки торопливо посыпались на нас; всё настойчивее, решительнее – ребята заулыбались и заёрзали. Валентон бросил на клавиатуру прощальный аккорд – и запрокинул победную голову: ну, что? Что говорит вам композитор?

– Задаётся! – неожиданно для всех, а может и для самого себя, брякнул Рыкун – Вовка Рыкуненко. Класс взорвался хохотом, а Валентон, отсмеявшись, серьёзно сказал:

– А что, пожалуй, ты прав.

И мы с удивлением мысленно с ним согласились.

А потом Валентон, нахмурясь, предлагает нам что-то совсем другое: густые, мощные аккорды, как штормовые волны, смывают недавнюю смешливую беспечность, и вдруг, непростительно невежливо перебивая музыку, Вовка Пасика, побледнев, выкрикивает непривычное, взрослое слово:

– Это ГНЕВ!

И я холодея понимаю, что вот сейчас, этим уроком, этой музыкой Валентон вдруг поднял нас на какую-то новую ступень – мы как-то повзрослели, что ли? И Вовка Пасика, и несуразный Рыкун, и все мы стали как-будто другими.

Нет – своим, домашним Валентон для нас так и не стал: он как будто пришел к нам посланцем из другого мира. Всё, что он говорил, было ново, непривычно – и ни от кого из наших учителей так не пахло!

Он научил нас читать нотную грамоту; от него мы узнали, что оказывается, одну мелодию можно разложить на два и даже на три голоса, и эта операция называется словом, нарядным, как сам Валентон: мелодию можно ТРАНСПОНИРОВАТЬ. А грузины, говорят, умудряются

расщеплять её чуть ли не на восемь голосов Уму непостижимо! У Зои Абрамовны мы просто дружно пели в один голос – это, оказывается, называлось

В УНИСОН – а мы и не знали! А вот пришелец Валентон рассортировал и разделил нас – ой, какой я при этом пережила перепуг! Однажды спели мы довольно скучно бетховенского «Сурка» под аккомпанемент рояля, а потом Валентон встал и сказал: «А теперь ещё раз, только сами, без меня». И мы послушно снова заняли про этого неотвязного сурка, которому за его настырность ещё и обед перепадает. Надо вам сказать, что сидели мы лицом к роялю, такой подковой, и мне досталось сидеть как раз посередине. Ну, сижу, и подвываю, как велено, – и вдруг Валентон хватает меня за плечо, жёстко так, и тащит куда-то вон из подковы. Я онемела от испуга – за что? Чем я успела проштрафиться? Дотащил до левого края и плюхнул на свободный стул рядом с Линкой Черниной: «Тут будешь сидеть!» Господи, за что? «Будете петь партию первого голоса». С этого дня мы с Линкой «держали левый край»

Музыка всегда жила у нас в доме, но о том, как солнечный Моцарт написал свой «Реквием», как глухой Бетховен слышал свою бессмертную музыку, как создал он «Эгмонта» – того самого, в котором Вовка Пасика на первом уроке услышал раскаты гнева, как в честь Наполеона породил, а потом в гневе переименовал свою «Героическую симфонию» – всё это открыл нам пришелец из другого мира, Валентин Александрович Теплов, по прозвищу Валентон. Открыл – и удалился, так же неожиданно, как возник, оставив в памяти нашей долгий звук камертона и запах духов.

Если я не ошибаюсь, потом, через много лет, он был ректором Харьковской консерватории.

ПАРОХОД ИДЁТ В КОЛОМБО

В расписании появляется новый предмет и с ним фамилия нового учителя. Что такое география я уже знаю: это про разные страны – что там растёт, кто там живёт и вообще как там. И что про них нарисовано на картах. У Муськи уже была одна география – их, оказывается, две: одна физическая (это та, которая у Муськи была), а другая экономическая – это которую папа преподаёт, она у Муськи ещё будет. Интересно, какая будет у нас? Наверное, та, что у Муськи уже была – но почему она физическая? Физика – это же про всякое там электричество, а Муська говорит, и даже на карте показывает, что это про всякие горы, реки и моря. Я уже знаю: горы на карте коричневым, море и речки, и всякие там озёра

– всё мокрое – нарисованы синим. Посмотрим, что будет у нас!

Со звонком в дверях появляется большой белый рулон – я понимаю: это карта! – а с ним невысокая, уютная женщина в пенсне. Тёмно-русые, с проседью, вьющиеся волосы её стянуты узлом на затылке, глаза улыбочиво прищурены – от этого хочется улыбнуться ей навстречу. Я оглядываюсь на остальных: мне кажется, они чувствуют то же, что и я.

– Ну, здравствуйте, – говорит она нам, – меня зовут Зоя Николаевна. Мы с вами будем учить географию. Это наука о нашей земле.

Она не сказала «я буду вас учить» – она сказала «мы будем», и мы согласно ей киваем. Она обводит класс глазами и говорит:

– Кто тут у вас самый большой? Мне бы карту повесить – а то я не достану.

И тут происходит невероятное: со своего места поднимается дылда Рыкуненко, по прозвищу Рыкун, самый длинный, самый тупой и самый хулиганистый из всего класса второгодник. Зоя Николаевна протягивает ему рулон. Рыкун принимает его с некоторым недоверием, но Зоя Николаевна говорит ему: «Пожалуйста!» Рыкун оглядывается на нас с ослепительной гордостью и старательно цепляет карту поверх доски.

– Вот спасибо, – говорит ему учительница, – выручил! Садись.

Похоже, Рыкун немножко разочарован. Кажется, скажи она ему «выпрыгни в окно», он выпрыгнет! Он что угодно готов сейчас сделать – но ему сказано «садись!» – и он садится. И всем почему-то приятно.

С этого урока у нас начинается новая жизнь – новая жизнь на нашей земле! И какая она у нас, оказывается, красавица – эта наша земля! И какая разная! Вот: зона пустынь, зона субтропиков – и зона тундры! И сколько ещё разных зон! И реки, текущие на юг, – и реки, текущие на север, и море Чёрное – и море Белое, и сколько разных ещё морей, а главное – сколько замечательных людей, которые всё это открыли для нас! И потом – сколько, наверное, ещё где-то пока не открытого, что – может быть! – достанется нам открывать! Можете себе представить остров Рыкуненко или пролив Клавы Чёрной – или что-нибудь моего имени? Ну, пусть не остров, не пролив, пусть хотя бы какая-нибудь бухта, озеро или горный хребет?

По-моему, мы все заболели географией. И это было прекрасно. Как там сказал поэт: «Мама, ваш сын прекрасно болен!» Правда, он вроде бы не это имел в виду...

Зоя Николаевна дала нам целый список книг – нет, не обязательных! Читай, что хочешь – а потом обменяемся впечатлениями. Она понимала, что обязательное почему-то обычно не очень хочется читать, а так – кто больше! А какие книги!..

Выяснилось, что для того, чтобы стать путешественником, надо очень-очень много знать. И готовиться надо начинать прямо сейчас. Перво-наперво надо научиться читать карту. Там, где значится название карты, буквами поменьше обозначен её масштаб. Чем он меньше, тем карта подробнее. Надо тебе узнать расстояние от пункта А до пункта Б – возьми линейку и померяй, а полученное умножь на масштаб. А вот если дорога не прямая или, скажем, тебе предстоит плыть по извилистой реке – как быть? Как измерить расстояние? Ага, не знаете? А нам Зоя Николаевна принесла такое зубчатое колёсико с ручкой – называется курвиметр; вот этим колёсиком можно измерить самую извилистую дорогу. Это я только к примеру – а сколько ещё всяких премудростей надо знать, чтобы стать настоящим путешественником! Поэтому в клубе юных путешественников нам лентяи не нужны! А вот после зимних каникул – или каникулов? – нас ожидает какой-то географический сюрприз. Какой?

За время каникул я просто распухаю от впечатлений: «Дерсу Узала» и «Колхида», «Кара-Бугаз» и «Мещёрская сторона», и ещё, и ещё что-то... Папа смотрит на меня с интересом, но ничего не говорит. И вот каникулы кончаются.

В первый день занятий география у нас на последнем уроке. Все уроки до него получаются какими-то рассеянными – то ли потому, что за каникулы мы немножко отвыкли заниматься, то ли потому, что немножко волнуемся в ожидании.

Урок начинается неожиданно: Зоя Николаевна раздает нам по половинке тетрадного листочка – наверное, целую тетрадку разрезала! – и говорит:

– Даю вам пять минут. Засаекаю время. Напишите, какие книжки каждый успел прочитать.

Удивительно!

Пять минут проходят, мы сдаём свои листочки. Я получаюсь последней. И что? И ничего. Зоя Николаевна складывает наши листочки аккуратной стопочкой и начинает рассказ по теме урока. Мы все переглядываемся: ну, и что?

На следующий свой урок она приносит рулон ватмана –

а это что такое?? Рыкуну – он у нас уже штатный «вешатель» – выдаётся горсть кнопок: приколоть на доску! На осторожно развёрнутом ватмане лепестками топорщатся все наши листочки – кто сколько чего прочитал!

– Ну, вот, – говорит Зоя Николаевна, – сами посмотрите: кто больше всех прочитал, того мы выберем в капитаны и отправим в далёкое плавание. Вам решать, кто этого заслужил.

После звонка весь класс топчется у доски, дежурные никого не выгоняют. Решение единогласно: рекордсмены я и Вовка Пасика.

– Раз так, – объявляет Зоя Николаевна, – в плавание уходят два корабля. Кто куда – решит жребий.

Мне достаётся красавец «Крузенштерн» – мы идём в Коломбо. У Вовки задача оказывается попроще: его «Витус Беринг» направляется из Иркутска на остров Диксон. Наша задача – регулярно информировать класс о прохождении маршрута и по окончании рейса представить судовой журнал с описанием всех событий и обстоятельств похода. Вовке, конечно, будет полегче: у него путешествие по своей стране, по своей реке – хотя расстояние тоже серьёзное. Зато я уже Капитан Дальнего Плавания! Далёкие моря, чужие страны!

Ой, только не спешите радоваться и гордиться вместе со мной – вы и не представляете, сколько забот, сколько хлопот свалилось на мою голову! Начнём хотя бы с того, что многие привычные слова вдруг свихнулись и стали означать совсем другое. Прежде всего, оказалось, что суда не плавают, как, казалось бы, следует передвигаться по воде, а ХОДЯТ, что скорость их передвижения измеряется УЗЛАМИ, которые не имеют ничего общего с теми, которые учатся вязать начинающие альпинисты, или теми, которые руками терпеливых умелиц сплетаются в волшебные узоры макраме. А расстояния? Мало того, что они измеряются не километрами, а милями – так ещё, оказывается, мили бывают разные, и миля сухопутная миле морской вовсе не ровня! А всякие ветры, а течения! А сколько папиных книг мне пришлось перелистать, сколько довелось рыться в школьной библиотеке! Хорошо было Вовке: у него мама работала в библиотеке Короленко – говорят, это самая большая библиотека Украины! Не представляю, как я справлялась тогда со всем этим хозяйством – но каждую неделю на неведомо каким образом появившемся в классе щитке с красивой надписью «Счастливого плавания!» вывешивались подробные радиogramмы с борта «Крузенштерна» и с борта «Витуса Беринга».

Не буду утомлять вас воспроизведением страниц моего судового журнала, тем более, что я сама их уже не помню, равно как и текстов моих радиограмм. Единственное, что я по сей день помню совершенно отчётливо, – это то, как радушно встречало нас местное население, когда наконец мы прибыли в порт назначения. Смуглые аборигены, одетые (или раздетые?) в соответствии с климатом и обычаем, подплывали к «Крузенштерну» в своих утлых лодчонках и щедро угощали нас мангустанами (не путать с мангустами!) Мангустаны – это такие экзотические плоды, которых не знают ни в Европе, ни в Америке, потому что они не переносят никакой транспортировки. С ними только так: сорвал – и сразу съел! А по вкусу они напоминают дынное мороженое. Честно говоря, дыни я, конечно, пробовала, случалось – но вот что из них ещё делают мороженое мне до прибытия в Коломбо известно не было.. Но раз в серьёзной книжке сказано, что мангустаны на него похожи, значит, оно тоже встречается в природе – хотя, конечно, может быть, так же редко, как этот фрукт.

А мангусты, выдающимся представителем которых был, как известно, доблестный Рикки-Тикки-Тави, с мангустанами, как, впрочем, и с дынями, не имеют ничего общего – разве что похожее название. И вообще это уже из Киплинга.

Но позже, на деньги, тайно сэкономленные от школьных завтраков, я купила в магазине «Динамо» ученический компас (на ремешке, как наручные часики) и – как вы, наверное, догадались? – конечно, курвиметр! А глобус подарил мне папа. Ну, Муська, конечно, тут тоже подразумевалась – а как же иначе? У нас всё было на двоих.

О том, как доблестный «Крузенштерн» и славный «Витус Беринг» вернулись в порт приписки, история почему-то умалчивает. Но именно с тех пор – и навсегда, на всю жизнь, мне запомнилось, как сладок ветер дорог – даже самых трудных, самых опасных. И через годы, всегда, в самых разных краях – в горах Тянь-Шаня и на острове Диксон, в сурово-прекрасном Заполярье и в красных песках Кызыл-Кума, на Ладоге и на Байкале – я с благодарной нежностью вспоминала невысокую, уютную женщину с невянущей улыбкой за стёклышками старомодного пенсне, подарившую мне это счастье. И в удивительном городе-памятнике, Пржевальске, «в крайнем правом углу» – в восточной оконечности Иссык-Куля, стоя у могилы Пржевальского, задолго до меня открывшего, что «жизнь прекрасна, если можно путешествовать», я снова благодарно думала о ней:

ведь это она, Зоя Николаевна Сибилёва, тогда, в далёком моём детстве, донесла до нас эту истину – этот царский подарок, так обогативший нашу трудную, гордую жизнь!

... А ЕЩЁ БЫЛА КНЯГИНЯ УРУСОВА

А ещё была чернобровая, статная Нина Ипполитовна Урусова, возникшая в моем мире задолго до и немного позже Зои Николаевны. Непонятно? Я встретила с ней – или она со мной? – как говорится. «на заре туманной юности» – когда папа принёс меня, четырёхлетнюю, безмамную, в школу и пустил бродить по школьным коридорам, потому что оставить дома было не с кем. Нас обоих, меня и папу, жалели школьные технички и учительницы: меня гладили по головке, утирали мне нос и, в случае крайней надобности, водили в уборную. С этим заведением у меня связано несколько открытий и потрясений. Самое первое обрушилось на меня в первый же день.

Когда папа в первый раз принёс меня в школу, наверное, мне было очень страшно. Я не помню, как это было. Не помню первых минут – как он спустил меня с рук на пол, как и кому препоручил – наверное, тёте Полечке, которая работала в раздевалке? Помню горькую, сиротливую растерянность в темноватых широких вестибюлях и коридорах первого этажа, нестерпимую одинокость и неуместность свою в большом незнакомом здании, где никому не было до меня дела. И потом, боже мой, – потом вдруг захотелось на горшок! Как быть? До того я никогда не обсуждала эту проблему с чужими людьми! Кое-как дотерпела до большой перемены. Слава богу, вот папа – сейчас он отведёт меня, куда надо!..

И тут, первый раз в жизни, я увидела папу почему-то растерянным. Оказывается, в школе уборные разные! В ту, в которую мне надо, папе нельзя, а в ту, в которую ему можно, мне не положено. У нас в доме уборная была одна на этаже, и ходили туда все, кому надо, – только по очереди. А здесь просто беда: я не знаю, как тут устроено, и потом – мне же самой штанишки не отстегнуть!

Вот тут и возникла в моей жизни Нина Ипполитовна. Она шла по коридору, и сконфуженный папа отчаянно остановил её: это было моё спасение! Улыбнувшись, она взяла меня за руку и спасла от позора. Когда мы вышли к папе, ожидавшему нас в коридоре, сердце мое безвозвратно принадлежало моей спасительнице. Но это ещё не всё! Благодарному, сконфуженному папе она сказала нечто, в ту минуту совершенно мне не понятное, а у папы почему-то вызвавшее вздох облегчения и повторный прилив

благодарности. Она сказала: «Владимир Иванович, у меня сейчас окно». И повела меня – куда? В сказку! Сказка называлась Кабинет. Это я потом узнала, что «окно» – это пустой урок, целых сорок пять свободных минут, и все эти замечательные минуты мне было позволено рассматривать разные аккуратно засушенные цветы и травы (это называлось красивым словом гербарий, хотя ни одного герба там не было), и чучела всяких зверушек. Нина Ипполитовна объяснила мне, что с мёртвой зверушки осторожно снимается шкурка, её особенным образом обрабатывают, высушивают и набивают опилками или ещё чем-нибудь, а специальный мастер, который почему-то называется таксидермистом, придает нафаршированной зверушке такую позу, как будто она живая. Было очень интересно, только в углу кабинета стояло страшное – скелет человека, и к нему – зачем-то! – запасная голова, в смысле – череп. Я сначала испугалась, но Нина Ипполитовна успокоила меня, что они не настоящие, а учебные. Хотя, с другой стороны, чучела – они ведь тоже учебные? Нет, лучше об этом не думать...

Естественно, что с того дня я старательно топталась у дверей кабинета в надежде, что чернобровая Нина Ипполитовна как-нибудь случайно снова наткнётся на меня и передо мной опять откроется подведомственный ей мир чудес – а в угол, где стоит скелет с запасной головой, можно, в конце концов, просто не смотреть.

Узнав о моей тайной привязанности, сестра моя Муська под большим секретом сказала мне, что Урусовы – это фамилия княжеская, и, стало быть, Нина Ипполитовна настоящая княгиня, только это секрет, и говорить никому нельзя. Что такое «княгиня» и почему об этом нельзя говорить было не очень понятно, но раз секрет – значит, интересно, и потом «княгиня Урусова», – это очень красиво. У Муськи, в её красном шкафчике, была красивая книжка из «Золотой библиотеки» – книжка называлась «Княжна Джаваха», так что я уже понимала, что княгиньство передается по наследству, и, значит, обе дочери у Нины Ипполитовны должны быть настоящие княжны – у них тоже такие же, как у неё (по наследству!), чёрные брови. Или брови – это не обязательно?

Вообще, сколько, оказывается, красивых слов – вот, например, биссектриса и медиана или тангенс и котангенс! Вы не думайте, меня к себе на урок не только княгиня Урусова пускала – некоторые другие тоже, но «тангенс» и «котангенс» – просто нарисованные палочки, а «княгиня» – это замечательная Нина Ипполитовна! У неё, кроме

кабинета с чучелами и засушенными травками, был ещё замечательный «опытный участок», где она с некоторыми учениками, которые назывались юннатами (тоже красиво!), сажала и сеяла всякое разное. Там иногда вырастали удивительные чудеса. Ну, например, кто бы подумал, что жирная, вонючая касторка получается из хорошеньких чёрных, с узором фасолинок, которые вызревают на красавице рицине? Лучше бы, конечно, наоборот – как гадкий утёнок превратился в красивую лебедь, но так уж получается. Или вот земляной орех – арахис. Сажаешь розовую арахисинку, вырастает тёмно-зелёная розетка блестящих нарядных листьев, из неё – стебелёк с желтеньким цветочком. А потом происходит совершенно невероятное. Под землёй – слышите, под землёй! – вырастает некрасивый, довольно большой стручок, полный розовых фасолинок. Да-да. тех самых, которые потом можно поджарить и вкусно есть!

Сколько раз я пыталась подсмотреть, как это жёлтенький цветочек умудряется воткнуться в землю! До сих пор не могу этого понять! Так ведь и это ещё не всё! Нина Ипполитовна рассказывала, что арахисовые поля (или грядки?) горцы на ночь накрывают полотном, а утром это полотно полощут в воде – и получается кисленький квасок, потому что к утру на листьях выступает кислая роса. Ну, полотно мамы юннатам не давали, так что неизвестно, какой там должен получаться квас

Прошло много дней, я доросла до полноценного ученичества, но почему-то учиться у Нины Ипполитовны мне так и не пришлось – в нашем классе она не преподавала, Вместо неё у нас преподавала другая, не княгиня. Эту мы почему-то прозвали Саранча – наверное, потому, что с ней мы занимались всякой мелкотой. Был в учебнике даже раздел, озаглавленный «Вши и пухоеды»! Отвечать по этой теме досталось моей подружке Таньке – Танька была умненькая, звонкая и шустрая. Из-за этого последнего качества она постоянно впопыхах перевирала слова, и на этот раз, выйдя к доске, выпалила: пши и вухоеды! – чем вызвала всеобщий восторг. Новая учительница оставалась безымянной, пока мы не дошли до жесткокрылых. Сначала возникло прозвище «Саранча пешая и конная» – но потом осталось только Саранча, поскольку прозвище учителя, как сигнал тревоги, должно быть лаконичным. Наверное Саранча была совсем не плохая, но сердце мое оставалось верным первой любви. И – только не смейтесь, пожалуйста! – по-прежнему живёт во мне посаженное Ниной Ипполитовной зёрнышко –

неукротимое щенячье любопытство и нежность к каждой зверюшке, каждому зелёному ростку. Вот только насекомых полюбить я так и не сумела – ну что тут поделаешь! Разве что бабочек и стрекоз – для них делалось исключение за их красоту. Правда, гусениц я, отдельно от бабочек, никогда не любила!

А Нина Ипполитовна с обеими чернобровыми княжнами ушла из моего детства, но не из моей памяти, с началом войны. Говорят, они ушли из города пешком, с заплечными вещмешками за день до вступления немцев. Больше я их не встречала, но ясно вижу и по сей день.

И если вы слышите меня сейчас, прищурьтесь – и вместе со мной увидите эти лица. Увидите Нину Ипполитовну Урусову, научившую меня любить деревья и травы, и всякую живность, населяющую этот хрупкий, прекрасный мир, Зою Николаевну Сибилёву, подарившую мне Родную Землю и радость её дорог, и Надежду Владимировну Держирукову, положившую мне на ладони Слово, которым я делюсь с вами сегодня.

Между прочим, собаки и лошади меня хорошо понимают!
Но это ещё не всё!

Ирина ПОДЛЕСНАЯ
СТАРЫЙ БЛОКНОТ

* * *

Старый блокнот – в нем свободных страниц не осталось –
все поисписаны, вдоль поисчерканы сверху,
многие выдраны... горечь, тоска и усталость...
Мыслям давнишним устрою со временем сверку!
Замыслов столько, восторгов, наитий, признаний,
легких набросков, ни с чем не рифмованных строчек...
Что же случилось, сложилось, что сделалось с нами –
чем отдаленней начало, тем память короче...
Старый блокнот – этажи телефонов забытых,
чьих-то имен запыленные временем стопки
лесенкой сложены в ритме шагов алфавитных,
словно ряды оловянных солдатиков стойких –
Шли к восхитительной, ясной сверкающей цели...
Где ж подевалась манящая синяя птица?
Из «подающих надежды» – когда мы успели
остановиться и в снобов сухих превратиться?
Мы потерялись – мечтой и отчаяньем между...
Кто нашу жизнь форматировал «по умолчанию»?
Старый блокнот – словно гулкое эхо надежды –
детской, не сбывшейся, найденной в полке случайно...

* * *

На «автомате» – маршрутка, потом – метро,
на переходе – глаза не забыть открыть! –
чей-то портфель упирается мне в ребро...
Да, выхожу, да умерьте же Вашу прыть!
Можно не думать – привычка, почти рефлекс –
ноги несут, хоть дышится тяжело...
ставлю «защиту» – скорлупка – прозрачный шлекс
переливается и отражает зло...
впрочем, кому есть дело, скажи, до нас?
каждый – в себе и проблемы хранит внутри.
если кому-то сила любить дана, –

можно и взгляд научиться прощать – смотри!
В смеси нехватки времени, денег, сил,
дел и намерений, бывших «наоборот», –
если просил бы Бога – о чем просил?
Остановить этот вечный круговорот!
Но на мгновенье выпав из бытия –
с круга сойдя в безвременье, в пустоту,
снова молил бы того же, чего и я:
Боже, верни в эту общую суету!

ДИЗАЙНЕРСКОЕ

Я повешу на стену черный квадрат окна
И поставлю на пол от лампы настольной круг.
И стану смотреть перфоманс под названием «Я – одна».
И никто его не нарушит – ни враг, ни друг.
А когда осмыслю полностью, наконец,
Инсталляцию света лунного за стеной,
Казимир Малевич и, может быть, мой отец
Геометрию жизни придут обсудить со мной.
Но погаснет лампа, изменится цвет окна,
постепенно утром выбелив черноту.
И спектакль-бездействие «Я (как и все) одна»
По-иному вдруг, как концепт бытия прочту...

* * *

Так и не научилась свистеть оглушительно громко, –
не хватает дыхалки – с трудом одолею подъём.
Но привычка ходить над обрывом по краю, по кромке
не проходит с годами, щекочет в желудке – Пойдём!
Покажу тебе даль – ту, что видно лишь с самого края,
покажу тебе ширь – не увидишь её на полях...
Нужно вверх подниматься и встать над обрывом, играя,
и, глаза распахнув, увидать: под тобою – Земля!
Так и не получилось безгрешною жить и премудрой,
не сумела поверить, что всё, что даётся – с небес
Ну, пойдём же со мной! Налились облака перламутром –
этим утром взлететь можно с крыльями, можно и без.
Так и не помогли мне советы твои и заветы
тех, кто мудрость свою умудрился потомкам отдать.
Лишь ошибки свои учат нас, убивая при этом

в нас по капельке веру в небесных краёв благодать...
И скакать на коне и стрелять поразительно метко
я уже не хочу – это детство давно позади.
Свист – от ветра – в ушах и поэзии «чёрная метка»...
Я спешу на обрыв – не ходи же со мной, не ходи!

* * *

С дачного простора лугов –
В городской отлаженный быт.
Сквозь толпу – иду «на обгон», –
Будто ухожу от судьбы.
Распорядок времени строг,
Лангольер хрустит за спиной...
Я опять спускаюсь в метро,
Словно в коридор временной,
Вечность расширяет зрачки,
Датчики «скачок» засекут...
На табло мелькают значки –
Бег неумолимых секунд...
Вдоль рекламных вывесок – вех,
Мимо разноцветных знамён –
Эскалатор вывезет вверх –
К солнечному свету времен...

* * *

Апрель густым цветеньем явлен,
чтоб осознали, что теряем.
И в розовых бутонах яблонь –
Века, обещанные раем.
Но лепестки – снежком по лужам –
Холодное дыханье ада,
Где никому никто не нужен,
И божьей милости не надо...

* * *

Зависаю в пространстве –
скорбей и страстей посреди.
Между злом и добром,
там где нет золотой середины.
Между адом и раем –
пути выбирай и иди –

Жизнь и это и то,
а для смерти все краски едины.
Между светом и тенью
в изменчивых полутонах,
Нищетой и богатством,
отчаяньем и восхищеньем,
Между множеством лиц –
невозможно, тревожно одна
И безбожно грешна
без прощения и отпущенья.
Между теми и этими:
теми, что пашут всю жизнь,
Ни черта не скопив,
презираемы и бомжеваты,
И другими, которым
зарплаты в карман не сложить,
Потому что они и не знают,
что значит «зарплата».
Между сильными мира
и «дном», не имущим жилья,
То к одним, то к другим
приближаясь, ведь жизнь многогранна.
Между роскошью бала
и мусорной кучей тряпья,
Между явью и сном,
суицидом и вечной нирваной
Зависаю в пространстве –
среди виртуальных задач
И реальных проблем –
каждый день зависаю в пространстве
Между бытом и творчеством,
счастьем и долгом – хоть плачь!
Направления нет
в этом векторном непостоянстве!
Между скрытностью дел
и душой, что всегда нагишом,
Между пахотой вечной
и вряд ли оправданной ленью
И единственный выбор,
который уже совершен –
В направленье любви,
ведь обратного нет направленья!

* * *

Кукольник, кукольник, что ты наделал!
(Или мы ниточки срезали сами?)
твой Арлекин перепачкался мелом,
вырос Пьеро – рукава не свисают...
Где ты, Мальвина – глаза голубые,
кудри лазурные, бальное платье?..
Взгляд потускневший да космы седые...
Кукольник, кукольник, дорого платим
мы за свободу решать самолично,
что хорошо для нас, что для нас плохо!..
Лишь Буратино смеется привычно –
зубы на нем обломала эпоха:
что деревянному, с вечной улыбкой, –
времени поступь – он ищет все то же...
А Коломбина играет на скрипке
на переходе в метро для прохожих...
Все мы под ту же мелодию пляшем.
Право свободы – от встречи – к разлуке...
Кукольник, кукольник, ниточки наши,
хоть и обрезаны, путают руки.
Мы в паутине собственных правил,
но не умеем полностью с а м и.
Нас по наклонной к краю направил –
словно с горы разгоняются сани...
утро и вечер, вечер и утро...
время несется неудержимо –
все, что казалось добрым и мудрым,
злом обернулось непостижимо.
Непредсказуем орлов или решек
ритм выпаденья – тьмы или света...
Злой Карабас, или Карло добрейший –
кто-нибудь пусть отвечает за это!
Смесь анархизма и беспредела
это свобода и есть, вероятно...
Кукольник, кукольник, что ты наделал?!
Нам никогда не вернуться обратно...
Грустная, в общем, выходит картина!..
Но посреди пустыря, меж колючек,
все ожидает чудес Буратино,
а у Тортиллы имеется ключик!..

* * *

Вдалеке от «тамошней» родни
Постигаю «тутошные» дали.
Листопад вычеркивает дни,
Раздавая ржавые медали.
Осень хороша, как никогда.
В мышеловках всюду много сыра...
Там – в заокеанских холодах –
Так же неприкаянно и сиро?
Осень – ностальгический налет
Вечеров, неяркий конус лампы,
Все в соплях, заложены таланты.
Только ветер по ночам поет
Да угрюмо держат свод атланты...
Снова дождь расплачется... Пускай!
Вашей ночью – нашим утром ранним –
Подключу ПК, налажу СКАЙП –
Берега сомкнутся океаньи
Говори со мной, далекий друг!
Не намного чаще здесь нам пелось...
Там – да обойдет тебя недуг,
Укрепится творческая зрелость.
Отогреюсь глаз твоих теплом,
расскажу, что мне тревожит душу.
Ссылочку пришлешь – совет послушать
Песню... Обругаешь – поделом! –
Что звоню не чаще, чем тайфун
Нарушает местные границы....
Новостями можно поделиться
с помощью слиянья строк и струн...
Вот и погостили – налегке.
Что нам океанские просторы!
Осень. Ностальгия. Знаю: скоро
Листопад и в вашем далеке....

НЕЭВКЛИДОВА ГЕОМЕТРИЯ

С той стороны Земли длинна ли ночь?
С той стороны – куда текут все реки?
Там вверх ногами ходят человеки –
Им некому встать на ноги помочь...

Теперь и Ты с той стороны Земли.
Сквозь расстоянье, время и обиды –
О, если б дотянуться мы могли, –
Касаньем Землю сдвинули б с орбиты!
Линейных аксиом ненужный хлам
Отвергнем, словно блажь очередную!
Ведь если лист сложить напополам, –
Две точки приближаются вплотную.
И, расстояние превращая в ноль,
Пространство искривляя силой слова,
Мы за руки с тобой возьмемся снова.
Чтоб океан, со скул смывая соль,
Встряхнул науки твердую основу...
С той стороны земли – острее боль?..

* * *

Мой сын дорос до возраста солдат.
И норматив по сборке автомата
сдает на пять... Дай Бог ему солдатом
любого рода войск не стать! Не стать
крутым убийцей чьих-то сыновей,
чужой беды носителем зловещим,
не стать марионеткой, чьей-то вещью,
не стать позором родины своей,
не стать в прицеле вражеских атак,
не стать героем, совершившим подвиг, –
не маменькин сынок, не где-то подле
подола... Только пусть не будет так,
как в этих страшных фильмах о войне,
где смерть всегда бесстрашна и ...нелепа,
где боль калек и недостаток хлеба...
Да, это страх войны ожил во мне.
Я ветеранам поклонюсь стократ.
Мой дед погиб на фронте в сорок первом.
Я праздную Победу! Но по нервам:
«мой сын дорос до возраста солдат»...
И пусть салюты в воздухе – виват!
И мы выходим песни петть на сцену, –
Мой сын дорос до возраста солдат –
Теперь и я Победе знаю цену!

* * *

...А весна переждёт и туманы, и снежное крошево,
И войну игнорируя, вспенит кипенье садов,
Так, что дух перехватит... Как хочется только хорошего,
Но молиться не нам ни за мертвых юнцов, ни за вдов.
И не нам горевать о безумствах недолгих правителей,
И не нам выбирать путь, которым петляет народ...
Нам бы насмерть стоять, если б раньше мы только
предвидели,

Чем закончится это слепое движенье «вперёд»
Но припомнится ныне так солоно-сладко-отчаянно,
как мы счастливы были бездумно, надеждой одной
Под шипение газа и тихую музыку чайника
Обсуждая с родными обыденный день выходной...
Наши вылазки в лес, наши дачные «войны» с вредителем –
мы тогда «колорадами» звали всего лишь жуков...
Нам сейчас нелегко, – как же выживут наши родители?
С чем же дети останутся? Как всё зашло далеко!
Неужели никак без войны мы решать не научимся,
Кто нам друг, кто здесь враг, кто – нас всех обойдя,
«царь горы»?

И понятно уже, что «не встрять» у нас вряд ли
получится,

И так страшно теперь от весёлой возни детворы!
Но весна переждёт и туманы, и снежное крошево,
И войну игнорируя, вспенится цвет абрикос.
И любовь постучится в сердца, прорастая из прошлого,
Одуванчиков звёзды роняя в сверкание рос...

* * *

Мы как будто бы все в летаргическом сне –
Снова холодно, снова зима...
И опять шелестит полудождь-полуснег –
Слобожанщина сходит с ума.
Наша родина в коме, мы корчимся с ней,
Боль бинтами холмы намела...
Шелестит над страной полудождь-полуснег –
Это в белом – врачи у стола...
Это лечится, разве? Чего же ты ждешь?!
Собирайся отсюда скорей!
Шелести за окном полуснег-полудождь –

Это слезы её матерей.
Нет, не вздумайте резать, кончайте делёж!
Эй, хирург, скальпель свой опусти!
Над моею страной полуснег-полудождь...
Как же мне-то с ума не сойти?
Боже, мира нам дай! Чтоб не смерти, а снедь,
И работа и радостный кров...
Шелестит за окном полудождь-полуснег –
Замывает вчерашнюю кровь...
Нет, мы справимся с этим! Отпусти мороз,
И полезет трава из земли...
Полуснег-полудождь – это разве всерьёз?
Где-то солнце сверкает вдали!

* * *

Струна звенит ещё, ещё слова
Звучат в ушах и звон бокалов гулок,
Благоприятно утро для прогулок,
Надежда на разумный мир жива...
Но там – за гранью темного стекла,
с той стороны бесстрастного экрана –
друзья – размытым контуром. Так странно
звучит по скайпу голос у стола.
И воспаленный взгляд бессонных глаз,
И тёмных комнат мрачная пустынность
Под сердцем отзываются у нас
И на губах пустые шутки стынют.
Опять поём и гоним слёзы прочь,
Но ясно нам: друзьям сегодня плохо!
А мы ничем не можем им помочь.
И эта боль саднит в районе вдоха.
Не раскисать! Не хочется – Нельзя!
И верить нужно, что счастливым взглядом
И не по скайпу, а в глаза друзьям
Мы скоро глянем, оказавшись рядом
Что кончится дурацкая война
(Кого и с кем?!), все выживем, конечно!
И, вспоминая эти времена,
Мы будем снова весело-беспечны.

* * *

Приготовление борща
есть колдовство зельеваренья.
Ведуньей мудрой над котлом
я заклинанья бормочу,
То в полках специи ища,
то рифмы для стихотворенья...
Мне в этом таинстве незлом
любое чудо по плечу.
В мясной бульон – лавровый лист,
чтоб не было холестерина.
Лучок с морковью, чтобы был
полезней будущий отвар,
Три раза пену удалить –
борща готова половина...
И предсказание судьбы
в разрезе кулинарных чар –
По соли жизнь определить,
пока капусту нарезаю,
Пока картошку чищу я
и «приворотный» корень тру, –
Потом лаврушку – «под delete»,
и снова лук – зальюсь слезами,
Но не над вымыслом, увы,
и не на режущем ветру,
А «горем луковым» полна...
Муки добавлю я в зажарку,
Помельче перчик накрошу,
душистым запахом дразня,
Надежду выскребу до дна
с томатной пастой – мне не жалко –
Любви твоей наворожу, –
навек застрянешь у меня!
Еще петрушку под конец
с укропом мелко нарежу,
Затовчку – сало с чесноком –
в бурлящем зелье заварю,
Монетки луковых колец,
по сковородке ложки скрежет,
И вкусным запахом влеком,
ты сам помчишься к алтарю!

* * *

А время все расставит на места,
По полочкам рачительно разложит,
Пустые планы все на ноль помножит,
И хороша, мол, песня, да не та!
А время всех оценит без прикрас,
Знакомств, протекций, подношений, блата:
Кому зарплата, а кому – расплата...
Кому-то жмет, кому-то в самый раз...
А время – беспристрастный судия
Безжалостно косметику стирает
И, раскрутив пружину по спирали,
Все возвращает на круги своя.
И что нам все регалии потом,
Что макияж и модные наряды
Там, где уже нам ничего не надо,
Но все мы все равно туда идем...

* * *

Ось осінь знов – за пензлі, на пленер,
Вже встигла і підрамника напнути...
Підпалює мости – такий маневр,
Щоб всім нам – Зась! Як тягне повернути
В щасливі дні, де є тепло твоє,
Де осінь ще не руйнівник – художник,
Митець талановитий... Допоможе
Можливо, дощ – він сліз надію п'є ...
Гостріше відчуваєш кожну мить,
Пожовкле листя – час – летить крізь долю.
А серце, мов листочок, тріпотить,
щомиті прагне обірватись долу...

* * *

Вже вересню край. І серпанком земля Кіммерії
Мене зустрічає межею майбутнього дня,
Де коло червоне – мої пломеніючі мрії
Здіймаються в небо... Над розчерком хмар гомонять
Ті хвилі пташині, що з потягом поряд – на південь –
а десь на сиваському березі – до забуття –

господарем чемним вітається з сонечком півень
і брязкають відра – звичайне буденне життя.
Та ж я не на будні, я нині чекаю на свято:
Я їду до моря, туди, де солоний прибій
Куйовдить волосся. Де спогадів теплих багато
Приховано в мушлях та гальці гладенькій морській.
Я їду до моря! Хай шурхотом хвиль заспокоїть,
Всі рани залиже. Згадаються давні часи –
Не ті, що з тобою, не ті, що мої – отакої! –
А ті – стародавні, в колишній античній красі,-
В яких Пенелопа чекає свого Одисея,
І Понту Евксинському межу веде Геркулес ...
І ритмом Гомеровим це супроводжую все я...
Зупинка. І знов повертаюсь в сучасний експрес.
Я їду до моря – до Чорного Кримського моря,
Хоч літо минуло, а тут ще гуляє тепло...
Вже вересню край. Я тікаю від смутку та горя –
Від тебе, коханий, тікаю, бо ще не пройшло...

* * *

І знову рядки, що незграбно товклися в мені,
Шикуються в лави, і знову в поля паперові
Замріяно прагнуть... Та швидко минає, як повінь,
Любові приплив... І затяті думки руйнівні
Вже ловлять на слові... І знову – у вирій, у світ
Співучих пташок, легкокрилих метеликів, світла –
Злітаю натхненно... та важчаю – вишня розквітла,
Тріпоче та падає серце, хоч рветься в політ...
І вірші знайомі, пісні, що співались раніш, -
Мов штучні протези або синтетичні продукти –
такі недолужні, мов гімни, такі незручні,
Нещирі слова, коли кажеш: «кохана, прийду!» - ти...
І серце вночі не щемить, не чекає дива,
А тягне і тягне, висмикує ниточки болю...
Та вранці рядки піднімаються в грудях – жива!
Шикуються в лави і рвуться, і рвуться на волю!

* * *

Передчуттям наближення біди
Квітневе небо, почорніле з краю...
Та ще над головою сонце сяє
І запашні ще піняться сади...

Прислухатись – зозулі, солов'ї,
Повітря смачно пахне шашликами...
Образи, накопичені роками,
Якби ж усі пробачили свої!..

З дитинства ще – червоні прапорці
І паперові квіти яблуневі...
Усі чекають на свята травневі
З повітряною кулькою в руці...
Та котиться, мов луна серед скель,
Мов грім весняний – на дощі холодні:
Щось станеться, щось трапиться сьогодні –
Погане, не весняне, не людське...

І щоб зламати те передчуття –
До храму йду, читатиму молитви.
Нехай вітає в хмарах янгол битви,
Простіть мені спізніле каяття!

Сергей ТРАХИМЁНОК

СЛАВА РАЗЯЩЕМУ МЕЧОМ...

Я видел эту поляну много раз в своих снах. Я не знал, где она находится. Но путь к ней был прост. Я вышел за город поднял руку и стоял до тех пор, пока возле меня не остановился какой-то дальнбойщик

- Тебе куда? - спросил он так, как будто мы с ним были сто лет знакомы и расстались только вчера.

Я неопределенно махнул рукой вдоль дороги.

- Ясно, - ответил он, - садись, я как раз туда и еду.

В кабине пахло каким-то сладким табаком. Наверное, я слишком демонстративно понюхал воздух и водила заметил.

- Золотое руно.

Сверху панельной доске лежал японский календарик, наполовину закрытый дорожным атласом. На календарике был изображен самурай, держащий в руках меч и была видна часть надписи на русском языке «Слава разящему мечом...» Конец ее был невиден. И было непонятно, почему же нужно славить того, кто разит или пытается разить тебя мечом.

- Ты плохо выглядишь парень, - сказал водитель, так как говорят крутые ребята из голливудских кинофильмов.

Я ничего ему не ответил. Какое-то время мы ехали молча. А потом он остановил машину разбудил сменщика, а сам влез на его место в люльке, что расположена сзади сидений в кабине.

Смеркалось, и, чтобы не разговаривать со вторым водителем, я сделал вид, что сплю. Но долго имитировать сон не пришлось, вскоре я уснул на самом деле.

Проснулся я, когда солнце уже встало. Впрочем, не оно разбудило меня, а некое чувство беспокойства, которое становилось все сильнее...

Машина мчалась по асфальту двухполосной дороги в сплошной стене соснового леса.

- Останови, - сказал я шоферу.

- Отсюда до ближайшего поселка сорок с гаком, - ответил он.

- Останови, я приехал.

Водитель пожал плечами и остановил машину. Я взял свой мешок, выпрыгнул на дорогу и, не оглядываясь, пошел

вглубь леса.

Чувство беспокойства, которое появилось у меня прошло. Это меня порадовало. И я поймал себя на мысли, что в последние годы почти забыл, как ощущается радость. Вскоре показалось маленькое озерцо. Я остановился, сбросил с плеч мешок. Я не стал обходить озеро и проводить рекогносцировку, как это сделал бы любой турист или путешественник. Я вбил топором крюк с сосну, которая стояла на возвышенности метрах в пятидесяти от озера, вдел в него шнур от верха маленькой трехугольной палатки. Затем тем же топором забил три колышка в землю, натянул веревку, обмотал ее вокруг сосны и завязал. Постелив внутри палатки поролоновый коврик, я вынул оттуда кружку и полиэтиленовую бутылку на два литра, свернул мешок в несколько раз и приспособил его вместо подушки.

После всего этого я выбрался наружу. Вокруг изумрудной еще не прибитой солнцем зеленью расстилался лужок, который так и просился на холст какого-нибудь пейзажиста. Солнце уже поднялось над лесом и пригревало, но еще не жарило. Я почему-то подумал, что на этом лужке не хватает нескольких овечек. Но не тех, что изображены на полотнах пасторальщиков в средние века, а таких как я видел в Альпах, куда мы ездили в составе группы туристов с женой и сыном два года назад. Там на ферме высоко в горах в маленьком загончике мы увидели нескольких козлят. Группа оживилась и стала их рассматривать. Появившийся хозяин сказал, однако, что это взрослые козочки, только декоративные.

– А сколько они дают молока? – полюбопытствовал один из туристов.

– Они не дают молока, – ответил хозяин

– Тогда для чего их разводят?

– Их вывели для того, чтобы они радовали глаз, – был ответ.

Тут совершенно неожиданно я вспомнил украинский анекдот об умирающей теще, которая увидела на подоконнике воробышка и стала его звать.

– Воробышек, воробышек.

Но вмешался зять. Он сказал:

– Не отвлекайтесь, мамо...

Вот и я отвлекся.

Варварски вырубив на стволе сосны дату 15 мая, я забросил в кусты ненужный мне топор, снова влез в палатку и вытянулся на поролоновой подстилке.

«Слава разящему мечом...» – вспомнилось мне.

Меня не беспокоило то, что я не знал, где нахожусь и как отсюда выбраться. Ведь я и не собирался отсюда выбираться. Я пришел сюда умереть.

В палатке я провалялся весь день. К вечеру мне захотелось есть, но я знал, что нужно продержаться два-три дня и это чувство исчезнет. Когда организму не давать пищи, он перестраивается и начинает поедать себя самого. Я сходил к озерцу и набрал в бутылку воды. Ночью спал плохо, и утром, чтобы взбодриться, встал, разделся и искупался в озере. Я достиг желаемого, но буквально через час поднялась температура, начался страшный жар. К вечеру все тело покрылось сыпью, и начались галлюцинации. Хотя вряд ли можно назвать галлюцинациями то, что проходило перед моими глазами.

Вот я вижу себя в университете в компьютерном классе. Вот мне предлагают остаться в аспирантуре на кафедре компьютерных технологий. И завкафедрой выражает сожаление моим отказом. Вот я в ЗАГСе своей невестой Ниной. Вот мы отдыхаем в Крыму, едим шашлыки на рынке. Владелец шашлычной – крымский татарин желает сделать Нине комплимент, но мое присутствие сдерживает его... Вот у нас родился сын и я фиксирую его первые шаги цифровой видеокамерой, а потом заново все это в компьютерную память по привычке систематизирую снимки по месяцам и годам. Вот я получил предложение солидной частной фирмы, которая занималась научной разработкой проблем ДНК. Вот я с женой и уже трехлетним сыном в Хорватии. А вот и Швейцария. Я пытаюсь увидеть картинку с загоном для маленьких козочек, но злой киномеханик по-своему крутит этот фильм, раня меня каждым его кадром.

Вот умирает сын, чахнет на глазах жена, попадаю в больницу я. Вот разговор с директором фирмы. Он говорит мне то, что должен в таких случаях говорить директор фирмы, офис которой и порядки в ней копируются с западных образцов:

– Мы не занимаемся благотворительностью.

Вот в приемной мне вручают конверт с расчетом и тривиальной, но такой любимой нашими новыми русскими учеными фразой, о том, что фирма в моих услугах не нуждается.

Вот встреча Веничкой Шмараевым, новгородским шарлатаном. Он важно произносит какие-то изотерические фразы о провидении божьем, говорит о том, что сын и жена умерли лишь потому, что вовремя не обратились к нему. Поездка в Новгород. Возвращение. Обследование в клинике

и резюме: если бы вы обратились раньше, а не прибегали к помощи шарлатанов от медицины...

Вот я поднимаюсь по лестнице к площадке своей квартиры и не могу открыть дверь ключом. Наконец дверь отрывается и азербайджанец, чем-то неуловимо похожий на того крымского татарина, разъясняет мне, что он купил эту квартиру у меня и все документы подтверждающие это у него есть. Потом он сует мне карман рубашки две сотни рублей и захлопывает дверь.

Вот я бреду по городу к моему одногруппнику по универу Ивану Нарымову, прошу дать мне на время вещмешок, палатку и топор... Вот я на кладбище у двойной могилы... Вот еду с дальнобойщиками по шоссе...

И происходит удивительное. С каждым кадром этого виртуального фильма у меня исчезает ощущение личной причастности к увиденному, словно все это из другой не моей жизни... А может и не было никакой моей жизни и мне все это привиделось. И мое беспечное и благополучное существование в фирме, и неведомо откуда свалившиеся гранты, и цепочки ДНК, которые приходилось фиксировать, обрабатывать, систематизировать по определенным признакам.

Все это в какой-то другой жизни, а может, и не было другой жизни и все мне приснилось. И мудреные разговоры коллег-ученых, которые в шутку называли себя и себе подобных грантососами. И длинные цепочки ДНК, и надутость коллег, которые полагали, что взяли жизнь за глотку, поскольку добрались до ее истоков и узнали, что она представляет из себя лишь цепочку символов. Да так ли это? Почему же тогда я, один из тех, кто полагал, что взял Бога за бороду, валяюсь здесь, только потому, что возомнил себя Богом.

Но я уже не похож на своих коллег. Я, в отличие от них, уже понимаю, что язык, к которому они прибегали, чтобы расшифровать божественные послания не есть язык Творца. Как ни странно это будет звучать для большинства образованных людей, но Господь вряд ли понимает человеческий язык или человеческие языки, поскольку они порождения человеческого разума. Они как сленг, придуманный представителями преступного клана, для того, чтобы нормальные люди не поняли, о чем они говорят.

У Творца свой язык, и страдания, переживания, болезни – знаки этого языка. Наверное, Истины, полученные таким образом, новы для конкретного человека. Хотя возможно Истина должна быть одна, а мы открываем не Истину, а лишь ее грани.

Главное понять, что нам говорить Творец. Куда он нас ведет и как оканчивается фраза «Слава разящему мечом...»

* * *

Огромное высокое окно старого замка не вязалось с обстановкой современного офиса. Еще более не вязалась с этим окном секретарша, а темном деловой костюме, с белым отложным воротничком, в короткой юбке. Она бесшумно и не без некоей элегантности печатала что-то на клавиатуре компьютера.

Иоганн Кребс посмотрел на часы: его заставляли ждать уже двенадцать минут. Кребс как большинство немцев был педантичен и не терпел в своем окружении людей, которые бы относились к порядку не так как он. Однако как человек умный он понимал, что страсть к упорядочению имеет негативную сторону. Упорядоченность и стремление к ней приводит к тому, что человек теряет способность принимать оригинальные решения и даже в научном поиске действует всегда по определенному стандарту. Поэтому в фирме у Кребса там, где было необходимо обеспечить условия работы или ее безопасность работали его соотечественники. Там, где надо было найти непривычное решение или выход из тупиковой ситуации он использовал сотрудников из других стран, в частности, из России. Фундаментальная их подготовка с одной стороны, и не связанность стереотипами образования цивилизованных стран, с другой, позволяли ему достигать результатов, которыми не могли похвастаться его коллеги.

Но сейчас Кребс сидел в приемной человека, которому был обязан своим бизнесом и кроме как лишний раз посмотреть на часы не позволял себе никоим иным образом выразить свое неудовольствие.

Фирма, хозяином которой был Кребс, называлась «Геном-2000» и занималась рядом проектов, деньги на которые давали состоятельные люди. Многие из них хотели при этом остаться неизвестными. Возможно, их пугала причастность добропорядочных буржуа к тем разработкам, что делала фирма, возможно, этому были другие причины. Но между учредителями и Кребсом существовали отношения, которые в человеческой деятельности носят название конспиративных.

Кребсу было сорок пять. В молодости он жил и учился в Мюнхене и собирался преподавать немецкую литературу. Но после окончания университета пошел по стопам своего отца, стал продавать калькуляторы, а затем перешел на торговлю персональными компьютерами. Но все это было,

как сказали бы в России, для куска хлеба. Еще во время учебы его поразили идеи, которыми был пронизан в средние века немецкий романтизм: поиски обетованной земли – Священного Грааля, за стенами которого упрятаны тайны неиссякаемой молодости и вечных кругов самообновления. В ту эпоху рецепты бессмертия искали ясновидением, воображением, сеансами медитаций. Однако уже тогда были люди, которые пытались сделать это, опираясь на разум.

Легендарный Леонардо да Винчи в XV веке был, одержим поисками законов возникновения и исчезновения индивидуальной жизни, пытался подсмотреть, каким образом совершается соитие духа и плоти.

Кребс считал себя продолжателем того, что делал Великий Леонардо, только на более высоком уровне. И с той разницей, что Леонардо делал все сам, а Кребс был организатором этого процесса, во-первых, а во-вторых, извлекал из него материальную выгоду, хотя бы тем, что привлекал немалые деньги тех, кому обещал в будущем баснословные прибыли в случае реализации его научных бизнес-проектов.

Обладал Кребс и еще одним качеством, которое выделяло его среди тех, кто время от времени вбрасывает в мир идеи новых технологий и сулит перевернуть мир в нужном для мировой элиты направлении. Это качество можно было назвать, способностью цепко ухватывать некие пока еще не видимые звенья, возникающие на стыках, казалось бы, никак несвязанных друг с другом научных разработок.

Кребсу нестерпимо хотелось еще раз посмотреть на часы, но он сдерживал себя. Раздался звонок и в переговорном устройстве прозвучало только одно слово: «Кребс».

Секретарша, бесшумно набиравшая на компьютере текст, на секунду оторвалась от клавиатуры и произнесла

– Геен зи, битте!

Кребс подошел к закрытым дверям, тут сработал фотоэлемент, двери бесшумно распахнулись, и он попал в то, что можно было назвать каминным залом, если бы не вписанная в этот зал обстановка американского офиса, которую его владелец привез из Северной Америки в купленный им замок.

Кребс знал ритуал общения с хозяином и поступал в соответствии с ним. Если тот здоровался, тоже самое делал и Кребс. Если только кивал, Кребс отвечал таким же вежливым кивком. Первое всегда означало, что хозяин настроен к нему позитивно либо нейтрально. Второе не сулило ничего хорошего. Вот и сейчас увидев этот едва уловимый кивок,

Кребс автоматически ответил таким же сдержанным движением и сел на краешек кресла.

- Кребс, - произнес хозяин кабинета, - что произошло у вас в Ганновере?

- Несчастный случай...

- Кребс, у вас в год происходит по несчастному случаю, который ставит на грань разоблачения наши конфиденциальные отношения. В дело вмешивается полиция, не отстают газетчики. Если они свяжут эти несчастные случаи? Учредители настроены решительно. Они хотят поручить эту миссию другому лицу, которое отличается от вас только тем, что у него не будет происходить несчастных случаев.

- Они не могут связать их, - возразил Кребс, - мало ли что может случиться в совершенно разных фирмах в разных городах.

- Тем не менее, Кребс, я не собираюсь инструктировать вас как надо работать, вы взялись осуществить проект на определенных условиях, извольте эти условия соблюдать.

- Есть, сэр, - ответил Кребс, уловив, что американцу понравилось такое обращение.

- Идите, Кребс, отчет и успехи «опытных образцов» как всегда к первому сентября.

Кребс вышел из кабинета. Натянуто улыбнулся секретарше, впрочем, так и должен улыбаться человек, только что получивший нагоняй от ее босса, и направился к выходу. Но Кребса не огорчил разговор с боссом. Он знал себе цену. Никто из его возможных конкурентов не сможет его заменить. Он слишком далеко продвинулся в реализации проекта. Да и все основные связующие моменты проекта находятся только у него в голове.

Когда-то он одним из первых ухватился за идею клонирования человека, но он же отказался от нее одним из первых и не потому, что рассчитал ее неуспех. Скорее всего, он интуитивно понял, что она ведет в тупик и, формально не отказавшись от реализации этой идеи, плавно перевел деятельность своей фирмы в другую плоскость. Хотя для всех он продолжал слыть чудачком, который тратит деньги других богатых чудачков, на идиотские проекты, что-то вроде изобретение вечного двигателя, но не в механике, а в биологии.

Кребс сел в машину и поехал по дороге парка, который окружал замок. Если бы его водитель мог смотреть назад, то он увидел бы странную метаморфозу, которая происходила с владельцем фирмы «Геном-2000». Из наемного ученого,

которого только что отчитал его работодатель он, по мере подъезда к воротам парка, превращался в преуспевающего бизнесмена с годовым доходом три миллиона евро.

Десять лет назад, когда в СМИ поднялась волна сообщений о том, что генетический код человека вот-вот будет разгадан, Кребс не бросил все свои силы и деньги на его окончательную расшифровку, чтобы быть в этом первом. Он как бизнесмен понял, что длинная цепочка миллиардных сочетаний четырех латинских букв дает бесконечное сочетание вариантов. Но ничего не дает ему, Кребсу как бизнесмену. У 99.95 процента людей одни эти варианты абсолютно идентичны, и только те пять сотых процента есть клад, из которого, при определенной сообразительности, можно извлечь материальную выгоду.

Не стоило клонировать человека, когда даже в рамках одного поколения можно найти человека с нужными генетическим кодом, то есть качествами, которые могли послужить основой для будущих социально-политических манипуляций. А раз так, то это может принести ему Кребсу не только научную славу, но и баснословные прибыли.

Кребс нажал на кнопку и чуть опустил стекло. В салон ударила сильная струя свежего воздуха, поскольку машина неслась по автобану со скоростью 140 километров. Так продолжалось до тех пор, пока не показался указатель «Потсдам». Здесь машина Кребса по восьмерке съезда свернула вправо и уже с меньшей скоростью въехала этот пригород Берлина.

* * *

Какой сегодня день? Так, попробуем сориентироваться. Трепало меня несколько дней, потом я несколько дней отходил, выползая и своего убежища и чуть ли не на четвереньках добираясь до озера, чтобы набрать воды для питья и сполоснуться. Угу, в первый день я высек топором дату. Это было... Угу, 15 мая. Произошло, однако, странное. Я смотрю вырубленные топором цифры и не могу понять, что они означают. Где-то в глубине души я осознаю, что это начало отсчета. Это тот день, когда я пришел сюда. Но где я нахожусь сейчас на каком участке линейки или круга времени?

Я пришел сюда умереть. Я простился со всеми. Я отпустил и простил всех и своего начальника, и даже азербайджанца, который у кого-то приобрел документы на мою квартиру. Итак, я потерялся во времени, а чтобы найтись, должен выстроить новую шкалу, взять за нуль другую точку отсчета.

С этого момента я стал собирать сосновые шишки и

вносить каждое утро в палатку по одной. Когда их набралось двадцать, я увидел сон. На дисплее моего компьютера на этот раз были не длинные цепочки ДНК, а написанное на латинице имя и фамилия Иоганн Кребс. Я стал лихорадочно нажимать клавиши компьютера, чтобы получить об этом Иоганне более развернутую информацию. Но компьютер был виртуальный и не слушался меня.

Какой-то шум разбудил меня, и я долго лежал, прислушиваясь к нему, пока не сообразил, что это людские голоса. Впервые за много дней я почувствовал ощущение беспокойства и стал выбираться из палатки. Ноги и руки не слушались меня. Когда я все же выпутался на свет божий, то увидел двух молодых парней в болотных сапогах, перепоясанных патронташами с охотничьими ружьями за спинами. Парни с плохо скрываемым презрением смотрели на меня. А я попытался встать на ноги, но из этого ничего не вышло.

- Смотри, как надрался, - сказал один.

- Скорее обкурился, - заметил второй, подходя ближе и рассматривая меня как любопытную букашку, перед тем как раздавить.

- Пожалуй ты прав, - сказал первый и вдруг ударил меня ногой в живот.

Удар пришелся чуть ниже солнечного сплетения. И мне как в детстве хотелось возмутиться этим подлым поступком, сказать, что у меня оперированный желудок, и даже не желудок, а его четверть. И что я именно из-за этого припшелся сюда...

От удара я отлетел к сосне, но обычной боли в области эпигастрии, куда попал мне носок болотного сапога, не почувствовал.

Еще не успев осознать странности всего происходящего я получил второй удар в то же место, но на этот раз уже от другого подонка.

И вдруг я разозлился, вскочил на ноги и бросился на них. Правда, слово бросился, вряд ли подходило к тому, что я сделал, но парни бросились бежать. Однако, отбежав на безопасное расстояние, они одновременно, как механические солдаты обернулись, сняли с плеча ружья и направили их в мою сторону. Причем стволы их были направлены вовсе не в грудь, а в сторону моего злосчастного желудка, который так и не могли вылечить ни городские эскулапы, ни новгородские экстрасенсы.

«Нет, они не выстрелят, - пронеслось у меня в голове, не совсем же они подонки, чтобы стрелять в больного человека,

который не представляет для них никакой опасности».

Но я ошибся, оба ружья выстрелили одновременно, причем звук от выстрелов был какой-то долгий и раскатистый. Так гремит гром в летнюю грозу. Меня согнуло пополам, я упал на землю, снова удивляясь тому, что привычные боли ниже солнечного сплетения, куда должна была попасть дробь от ружей моих мучителей, не ощущаю.

Тут я проснулся, снова услышал знакомые раскаты и понял, что там за брезентом палатки идет дождь.

Я долго лежал на своей подстилке, слушая, как капли барабанят по левой стороне палатки, затем приложил палец к мокрому брезенту. Я знал, что делать так не нельзя. Когда-то в универе, я ходил в походы по маршрутам третьей категории трудности и такие мелочи, конечно же, знал. В месте, где к брезенту прикоснулся палец, палатка начнет протекать. Так и получилось, капли воды стали падать мне на штормовку, но это вызвало приятное чувство причастности к тому, что происходит. Мне ли частице природы бояться капель этой же природы. Мне стало так хорошо, что я расплакался от непонятного умиления.

После того сна внутри меня наступил некий перелом, притупленное состояние полунаркотического сна сменилось почти реальным бодрствованием и сильным желанием есть. Я стал сопротивляться ему, на каждый приступ голода я выпивал три глотка озерной воды, но это слабо помогало. Наверное, организм съел внутри все, что можно и уже не мог подбросить в печку жизненных сил то, что в нем осталось. Наконец я понял, что не хочу больше оставаться в палатке у озера.

Следующим утром я выбрался наружу, прошел несколько шагов и прислонился к сосне. Немного отдышавшись, я хотел начать сворачивать палатку, но сил не хватило, и тогда я просто пошел в ту сторону, откуда пришел месяц назад. Я не помню, сколько я шел, но к полудню вышел на шоссе.

Машины, которые я пытался остановить, увидев меня, увеличивали скорость. Наверное, я представлял собой если и не страшное, то жалкое зрелище.

Наконец, возле меня остановился старенький москвиченок.

– Тебе куда? – спросил меня мужичок лет пятидесяти. Он сидел на своем драндулете во фланелевой рубашке, кепке и очках. Я открыл рот сказать, что мне надо в Подольск, но из этого ничего не получилось. Инструмент, которым я не пользовался месяц, заржавел от неупотребления.

– Садись, – сказал мне мужичок, – там разберемся.

И действительно, через полчаса, после нескольких неудачных попыток я спросил его:

- Какой сегодня день?

- Двадцать пятое июня, - был ответ.

Значит, я пробыл возле озера сорок дней.

* * *

Парадокс, но меня, как и в первый раз, подобрали дальнотойщики и привезли в Подольск. Я пришел к моему старому другу по университету Нарымову. Неделю я учился заново говорить, есть, а потом сел за компьютер. Войдя в Интернет, я набрал имя Иоганн Кребс.

Иоганн Кребс оказался немецким ученым, который набирал себе сотрудников для какого-то сумасшедшего проекта. Но я, ни минуты не колеблясь, отправил ему свою анкету, а также сообщил о том, чем я занимался предыдущее время.

Буквально через неделю мне пришло сообщение, что я вызываюсь для собеседования в Потсдам. Я занял у Нарымова денег и поехал.

Вокзал в Берлине меня ошарашил. И мне даже показалось, что я не смогу в этом блестящем и сверкающем муравейнике найти выход к нужной мне стоянке, где должен ждать меня представитель фирмы Кребса. Но, собравшись и успокоившись, я как компьютер, включил свою память и понял, что кое-что еще помню из курса немецкого. Я нашел стоянку и, где ждал меня черный БМВ с водителем и высоким блондином, который назвал себя Гансом.

Потом мы ехали по Берлину, и я увидел Бранденбургские ворота и обрадовался и, как старым знакомым. Но Ганс сказал, что это не они, хотя и похожи своей монументальностью.

Спустя час мы были в Потсдаме. Я полагал, что меня устроят в гостинице, а потом уж потом со мной будут проводить тестирование на пригодность к новой работе. Но Ганс сразу привез меня в какой-то офис и уже через пять минут я сидел в кабинете Кребса и беседовал с ним.

Я знал методику отбора в подобные фирмы. Но и здесь все было не так. Кребс не стал зачитывать мне обычный в таких случаях вопросник.

- Проверку на полиграфе и подробное анкетирование вы пройдете после, - сказал он.

Я кивнул в знак согласия, хотя кому оно было нужно здесь, мое согласие.

- Впрочем, если вы будете их проходить, то это простая

формальность, поскольку их проходят те, по кому я принял положительное решение, – сказал он мне на русском языке с легким акцентом, по которому все можно было понять, что с тобой говорит немец, – первый вопрос, как вы меня нашли?

– Я потерял работу и стал искать предложения в Интернете.

– В Интернете, как подсчитали мои специалисты, около четырнадцати подобных предложений в разные страны. Почему вы выбрали нашу фирму и Германию?

– Мне понравилось, а точнее, если сказать по-русски, я запал на имя Иоганн, оно мне напоминало моего друга Ивана Нарымова.

– Почему с вами рассталось прежнее руководство, – спросил Кребс с тем же акцентом, и если бы не он, я мог бы подумать, что меня опрашивает один из наших отечественных аппаратчиков, настолько специфически точно был сформулирован вопрос.

– У меня были проблемы со здоровьем, и я не мог справляться с тем объемом работы, который на меня возлагался.

– Эти проблемы устранены?

– Да.

– Сегодня до обеда вы устройтесь в гостиницу, а после Ганс привезет вас сюда для проверки на полиграфе. Завтра же получите задание, и по результатам его мы с вами подпишем контракт. Как видите решение о том, что вы будете работать у нас, я уже принял, все остальное нужно для того, чтобы определить рамки использования вас как профессионала компьютерщика. Впрочем, – тут Кребс не без самодовольства открыл папку, лежащую у него на столе и прочитал несколько фраз из моей характеристики по моему прежнему месту работы.

Я сделал удивленные глаза, хотя такой фокус на самом деле меня не мог удивить. Тот, кто работал в России, знает цену таким характеристикам. Но немцы видимо считают информацию в них истиной в последней инстанции. Ну что ж, пусть считают.

Ганс отвез меня в гостиницу, устроил, оплатив номер на трое суток вперед. Правда, все это он делал не как представитель фирмы, который призван обслужить клиента, а как охранник. И я это понял.

После обеда Ганс привез меня в офис и в маленьком кабинете толстый лысый мужик, стал крепить на меня какие-то датчики. Одна манжета легла на предплечье, другая захлестнула три пальца левой руки.

Мужик плохо говорил по-русски. Впрочем, говорить ему было не надо. Он смотрел на какую-то бумажку и читал:

- Имя?
- Петр.
- Фамилия?
- Лазутин.
- Лазутщик? – переспросил оператор.
- Лазутин, – произнес я четко.
- Сколько вам лет?
- Тридцать.
- Какого цвета у вас рубашка?

Интуитивно я догадывался, что это подготовительные, проверочные вопросы, а затем последуют главные. Так и получилось. Оператор сделал паузу и, заглянув в листок, прочитал:

- Мы пользуемся новейшей теорией голосового напряжения... когда люди лгут, они ощущают врожденное чувство вины... работа голосовых связок ухудшается, что приводит к изменениям человеческого голоса в области частот, не слышимых человеческим ухом, и это тут же фиксирует прибор... вам ясно?

Я молча кивнул в ответ и сглотнул слюну. Оператор едва заметно усмехнулся.

- Вы проходили подготовку в ФСБ?
- Нет.
- Вы получили информацию о нашей фирме в Интернете?
- Да.
- Вы приехали в Германию впервые?
- Да.

В это время в кабинет вошел Кребс и встал сбоку от меня.

- Вы занимались в России расшифровкой ДНК?
- Да.

Оператор задал еще два десятка вопросов, потом снял с меня манжеты, а Кребсу передал какой-то лист. Кребс взял его в руки внимательно посмотрел и кивнул Гансу, который как из под земли возник в кабинете полиграфиста.

- У нас есть время для перекура, – сказал Ганс.
- Я не курю
- И тем не менее.

Ганс кивнул головой в сторону входных дверей, и мы вышли на улицу. Там он вытащил из кармана пачку сигарет и протянул одну из них мне.

Я взял сигарету и демонстративно выбросил ее в урну. К моему удивлению Ганс сделал тоже самое, а затем скрылся в здании. Я пошел вслед за ним, но входные двери оказались

закрытыми.

– Спокойно, спокойно, – произнес я вполголоса, – типичный фирменный понт, рассчитанный на слабонервных кандидатов на работу.

Я засунул руки в карманы и с независимым видом прислонился к стене рядом с входными дверьми.

Так я стоял с четверть часа, пока дверь не открылась, и вновь не появился Ганс. На этот раз он поманил меня к себе пальцем. Будь это год назад, я бы заехал ему в челюсть. Но сейчас, что-то подсказывало мне, что все это спектакль, проверка на вшивость и эту проверку я должен пройти до конца.

Кребс ждал меня в кабинете. Он протянул мне два экземпляра контракта, составленного на двух языках. Я сразу стал читать русский вариант. Кребс обязывал себя выплачивать мне в месяц восемьсот евро, а две тысячи двести будет оседать на моем счете в банке города Стендаля.

Далее шли условия, которые я должен буду соблюдать, работая в фирме. Полнейшая конфиденциальность того, чем мне придется заниматься, информирование службы безопасности о подходах ко мне конкурентов и прочая, и прочая.

Пробежав текст, я подписал оба экземпляра, мысленно позлорадствовал тому, что в русском варианте текста было немало ошибок.

Кребс посмотрел на обе подписи, словно сличая их, и произнес:

– Ганс.

Появившийся Ганс опять кивнул мне, и мы вышли с ним в коридор. Там он протянул мне ключ от номера в гостинице и сказал:

– Завтра в девять здесь, понял?

– Еще раз поманишь меня пальцем, – ответил я ему, – вырву палец и отдам собакам, понял?

* * *

На следующий день я явился на работу к девяти. Ганс провел меня в помещение, в котором работало двое арабов. Там он дал мне огромный портфель и сказал:

– Кребсу нужны основания для систематизации этого массива.

После этого он ушел, я обратил свой взор в сторону арабов и хотел, было представиться, как это принято среди коллег, но те вели себя так, будто меня не было в кабинете. И я не стал лезть к ним с любезностями.

Открыв портфель, я увидел толстую пачку листов бумаги, а в маленьком отделении несколько «седюшников».

Я начал с бумаг. В той, что была на самом верху, описывался некто Миллер Фридрих, родился он в Баварии, жил, учился, работал на каком-то ламповом заводе, женился, стал отцом, а затем, без всяких видимых причин покончил жизнь самоубийством.

Второй была Хильда Брунштейн. И у нее так же как у Миллера все было как у всех добропорядочных граждан, но, так же как и Миллер, она покончила жизнь самоубийством.

Быстро просмотрев еще несколько документов, я убедился, что все они касаются суицида. Таким образом, Кребс по каким-то причинам коллекционировал случаи самоубийства.

Остальные документы окончательно убедили меня, что все они касаются суицидальных личностей, Я вставил в паз операционного блока СД-диск и нашел там ту же информации, что и на бумажных носителях. Быстро составив таблицу, я увидел, что многие ее клетки остались пустые. Следовательно, информацию о самоубийцах собирали не системно.

Я нажал кнопку вызова Ганса, и он тут же появился.

- Мне нужна дополнительная информация.

- Тофик, - произнес Ганс, обращаясь к одному из арабов, - хелп ю ауа рашн фрэнд.

Тот, кого назвали Тофиком, вдруг изменился в лице и с подобострастной миной подлетел ко мне.

- Шпрехен зе дойч, русиш?

- Да, да, - русиш, - произнес он к моему удивлению довольно чисто.

- Тогда садись ближе ко мне, я поставлю тебе задачу.

- Я, я, - задачу, - подтвердил Тофику Ганс, и направился к выходу, полагая, что его миссия выполнена.

- погоди, - сказал я ему, - если этот фраер не справится со своей задачей, то мне нужен такой, чтобы владел немецким и русским одновременно хорошо.

- Будем искать, - ответил Ганс, - а пока у тебя будет... фраер.

Фраер оказался прекрасным хакером, но плохое знание русского постоянно мешало нашему общению.

На третий день из добытой Тофиком информации я составил аналитическую справку по всем случаям самоубийств, представленных мне Кребсом и снова вызвал Ганса. Тот взял бумагу и отправился к шефу.

В компьютерной он появился через полчаса, остановился в дверях и поднял руку, чтобы поманить меня пальцем, но,

словно вспомнив мою угрозу, не сделал этого, а лишь кивнул головой в сторону кабинета Кребса.

Кребс сидел за своим столом, и перед ним на столе были разложены по порядку листы моего анализа.

- Итак, - произнес Кребс, - логика, она и в России логика. Вы полагаете, что...

Я полагаю, что здесь собраны случаи так называемых нетипичных социальных самоубийств. Этот признак является существенным для всех, кто вошел в этот список. Впрочем, возможно этот список и составлялся по данному признаку.

- А что в России может считаться типичным социальным самоубийством?

- Все, что касается либо политических, либо семейных, либо личностных мотивов. В данном же случае в рамках шкалы ценностей, присущих для этноса населяющего Германию, таких причин нет.

- А что является причиной ухода из жизни всех этих людей?

- Для того, чтобы ответить на этот вопрос необходимо дополнительное исследование, но уже не на основе всем понятных и видимых фактах, а на совершенно другой, нетривиальной.

- Например?

- Например, факты из детства, религиозные взгляды, наконец, законченность той работы, которой они занимались.

- Последнее весьма любопытно. В общем, так. Будем считать, что некую стажировку в фирме вы прошли. Завтра переезжаете к новому месту работы. Там с вами будет работать еще один ваш коллега компьютерщик из Сербии, а обеспечивать вашу безопасность и конфиденциальность работ будет Ганс. Все его предписания вы должны выполнять абсолютно точно, не анализируя их на предмет целесообразности научной. Вам не виден весь замысел работы, а следовательно, вы не можете корректировать его требования.

- Чем мы будем там заниматься?

- Для начала продолжите начатую работу по так называемым нетипичным самоубийцам.

* * *

На следующий день я в Стендаль не уехал. Наверное, что-то не сработало в хваленном механизме немецкого порядка, и Ганс не успел создать там то, что было нужно для работы.

Я целый день валялся в гостинице, а на следующее утро – вышел в город. Поболтавшись по улицам и заглянув в магазины, похожие друг на друга ассортиментом как две капли воды, я взял такси и поехал в Потсдамский замок.

И сам замок, и парк не произвели на меня сильного впечатления. Широкие лестницы, фонтаны, а особенно золоченые скульптуры, казались мне элементами эклектики, привнесенными в бирюзу строений и зелень аллей из другого мира.

Не радовали мой глаз и ажурная беседка, малахитового цвета, чем-то напоминавшая Эйфелеву башню, ни пятиконечная звезда на клумбе перед залом, где состоялась Потсдамская конференция. Наверное, на моей физиономии не было ни восторга, ни любопытства и молоденькая гидша, узнав во мне русского, сообщила, что во время конференции Сталина спросили, что бы он хотел видеть у входа в зал. И он ответил: звезду. С тех пор на фоне зеленой травы, на клумбе высаживается бордовая звезда.

В Стендаль я попал через три дня. Ехал я туда на машине с Гансом. После того как я пообещал ему вырвать палец и отдать собакам, между нами установились весьма натянутые отношения. Он говорил мне только то, что было нужно по работе, и не ловился на удочку «просто поболтать».

Вот и сейчас он молча сидит за баранкой автомобиля. А если и отвечает на мои вопросы, то после некоторой паузы, а такой способ общения тяготит, и такое общение не хочется продолжать. А может, я был не прав, может этот жест в Германии не является чем-то унижительным, а используются между людьми, которые состоят в дружеских отношениях.

Мы переехали мост через Эльбу, и я спросил:

– Въезжаем в бывшую оккупационную зону союзников?

– Нет, – ответил он мне после некоторой паузы, – здесь стояли русские.

– А как же граница по Эльбе?

– Это была сделка, – сказал он между Сталиным и союзниками. Союзники попросили его вывести войска из Австрии, а взамен отдали ему эту часть Германии.

– Значит, здесь много людей говорящих по-русски?

– Не думаю, ответил Ганс.

По тону его ответа, мне показалось, что этот вопрос почему-то показался ему провокационным.

По приезде Ганс поселил меня в трехзвездочный отель с таким же названием, что и город. Номер, а точнее апартаменты мне достались на последнем этаже, а точнее в мансарде. Но это были большие апартаменты, в одном конце

которых были шкаф и кровать, а в другом стол и несколько стульев. Посредине всего этого была кабинка, в которой размещалась раковина и душ.

После расселения Ганс повел меня в офис. Таковым была комната в подъезде одного жилого дома с отдельным входом. В комнате было все, что необходимо для работы: четыре компьютера на удобных современных столах, четыре стула на колесиках и здесь же за ширмой два кресла для отдыха, маленький столик и набор посуды с электрочайником.

- У меня будет напарница? - спросил я Ганса.

- Напарники, - ответил он, - один из них - я, другой сейчас подойдет.

Ганс стал кипятить воду, чтобы заварить кофе.

- Я пью только чай, - заметил я, поскольку увидел, что он ополаскивает под краном над раковиной две чашки.

- Предусмотрено, - ответил Ганс, и я еще раз поразился тому, как он ориентируется в русском языке. Это был не русский язык Кребса, выученный им в университете. Так мог говорить только человек, выросший в русскоязычной среде.

Ганс насыпал себе в чашку кофе, положил ложку сахара, а на дно моей чашки бросил пакетик с чаем

- Сахар по вкусу, - сказал он мне, - так, кажется, говорят у вас в России.

- Мне кажется, что здесь надо употреблять другое местоимение.

- Почему? - удивился Ганс, не чувствуя подвоха.

- Мне кажется, что здесь уместнее говорить у нас в России.

Ганс поперхнулся кофе, закашлялся: замечание попало в точку.

Откашлявшись, он открыл, было, рот, чтобы опровергнуть меня. Но послышался писк со стороны дверей и в комнату вошел светловолосый парень лет двадцати пяти. В руках у него была магнитная карточка.

- Здравствуйте, - сказал он по-русски с легким акцентом. Из чего я понял, что он предупрежден о моем приезде.

Ганс махом выпил кофе, вскочил на ноги и протянул мне магнитную карточку

- От входа, - произнес он, - я пошел.

И он действительно ушел, так же как парень, открыв дверь магнитной карточкой.

- Что за дела? - вслух произнес я, - чем мы его обидели?

- Драган Милкович, - представился парень так громко, будто хотел, чтобы его кто-то услышал, а затем приложил палец к губам и показал на вентиляционную решетку.

Я поднялся из кресла и в том же тоне произнес:

- Петр Лазутин.
- Кребс распорядился ввести вас в курс дела.

И тут я невольно улыбнулся, при всей правильности произношения во всех словах парень делал ударение на первом слоге. Поэтому в коротких словах оно было почти правильным русским, а в длинных – звучало непривычно и даже смешно.

- Годится, – ответил я, – вводи.

- Эти два компьютера имеют выход в Интернет, – начал парень, – а эти два автономны. На них нужно работать, когда обобщается конфиденциальная информация.

Далее он чрезвычайно подробно рассказал мне о распорядке дня. Когда нужно было приходить в офис, как входить, когда нужно его покинуть.

- А если есть необходимость поработать сверхурочно?

- Это можно, но без оплаты.

- У нас есть право на обед?

- Да, – ответил Драган. Здесь неподалеку есть кафе.

- А не пообедать ли нам сейчас, – сказал я ему, показав пальцем на вентиляционную решетку.

- Годится, – ответил Драган с ударением на втором слоге, но я мог поклясться, что он никогда ранее не слышал такого слова, а, услышав, мгновенно понял его значение и точно его воспроизвел: невероятные способности к обучению.

Драган направился к дверям, но я его опередил:

- Дай я попробую своей карточкой.

Он посторонился, я вставил карточку в паз, раздался писк, и двери открылись.

Когда мы отошли от офиса на порядочное расстояние, Драган облегченно вздохнул и сказал:

- Ганс в соседней комнате прослушивает наши разговоры.

- Тогда в комнате мы будем говорить о женщинах, а на улице о работе.

- О каких женщинах? – переспросил он, а я еще раз понял, что при всей его славянскости, он жил в другой этноязыковой среде и не знал, что в России на работе говорят о женщинах, а с женщинами о работе.

Мы зашли в кафе. Заказали сосиски, сыр и пиво. Пиво и сыр принесли сразу. Официантка поставила высокие кружки на салфетки с маркой какого-то сорта пива. Сосиски появились, когда мы выпили по полкружки. Пиво возбудило дикий аппетит. Мы мгновенно съели по порции сосисок, заказали еще по кружке и стали пить, закусывая сыром.

От выпитого язык Драгана развязался, и он экспансивно с ударением на первых слогах стал рассказывать о том, как

он оказался в Германии, и как в это время в Косово «Албанский спецназ расстрелял» его семью.

Потом он поведал мне о том, чем занимается Кребс. Сколько у него таких исследовательских пунктов, какие у него есть лаборатории.

- Впрочем, - закончил Драган, - лабораторий у него много, а занимается он одним - пытается создать искусственного человека.

- И как далеко он продвинулся? - спросил я.

- Не дальше других, но Кребс хитрее всех других, он предусмотрел вариант отхода, в том случае, когда эта затея провалится.

- И что же это за вариант?

- Ты сразу хочешь знать все.

- Не все, но большую часть, - попробовал отшутиться я.

- Кребс не занимается благотворительностью. Он получает деньги от оппонентов тех, кто сегодня находится у власти.

- И чем же мог заинтересовать опальных политиков Кребс?

- Он обещает разработать эликсир жизни.

- А зачем он людям?

- Чтобы жить вечно.

- Наверное, в нашем возрасте хочется жить вечно, а к ста годам отношение к жизни меняется.

- Те, кто имеет много денег, так не считают.

- Знаешь, далеко отсюда, в одной из подмосковных деревень жила старушка ста семи лет. Один молодой журналист, узнав об этом, решил взять у нее интервью. Приехал, внуки бабульки привели его к ней. А она повторяет только одну фразу: «Простите, меня старую, чем-то я перед Богом провинилась, что он смерти мне не дает».

- Впечатляет, - ответил на это Драган.

- А что в его лабораториях делают еще?

- Собираются клонировать Джо Луиса.

- Для чего?

- Видишь ли, у него был самый мощный удар среди всех живших на земле боксеров тяжеловесов.

- Это я знаю, в подростковом возрасте я начинал заниматься боксом. И даже знаю легенду о его тренере. Когда корреспонденты спросили его, что он делает для того, чтобы поставить у своих учеников такой удар как у Луиса, тот ответил: «Хожу в церковь и молюсь, чтобы Господь давал мне побольше таких ребят как Джо»

- Вот видишь, ты многое знаешь, а я уверен, что Кребс не знает того, что ты сейчас сказал, но он знает и чувствует другое.

- Что, например?
- Перспективу вложения денег.
- И в чем она?
- Он вырастит из клона боксера мирового класса, который будет зарабатывать ему, как это у вас в России говорят...бабки.

* * *

Кребс появился через неделю, и меня это удивило. Какая необходимость приезжать лично первому лицу фирмы в одно из своих многочисленных отделений? Тем более, что по Интернету мы с Драганом ежедневно сбрасываем информацию в Потсдам. Но начальство и в Германии начальство.

Кребс внимательно осмотрел офис, будто от этого зависела эффективность нашей работы и будущее самого Кребса. Потом распорядился Гансу и Драгану покинуть помещение.

- Милкович уже рассказал вам об эликсире жизни? - неожиданно спросил он.

- Тут меня мгновенно пронзила догадка, что Драган напрасно шифровался и уводил меня из офиса, чтобы Ганс не мог записать наши разговоры. Скорее всего, Ганс имел микрофончик в одежде Драгана, а может и моей.

- Да, - ответил я.

- И как вы относитесь к данной идее.

- Равнодушно.

- А как же мечта человечества о вечной жизни?

- Отдельные люди в определенные моменты их жизни могут желать этого, но в целом человечество - вряд ли?

- Почему?

Я, было, открыл рот, чтобы рассказать историю 107-летней старухи из Подмосковья, но сдержался, а только ответил:

- Есть моменты, когда человек не желает вечной жизни.

- Вечная жизнь сильный стимул человечества, на нем можно построить многие проекты. Это великое благо.

- Многие проекты и прожекты опираются на то, что они несут благо человечеству, улучшая его жизнь, продляя ее. Но все это с позиций неких человеческих представлений о благе. На самом деле все, что он создает для более комфортного существования, является костылями, которые способствуют его деградации, как разумного существа, имеющего биологическую основу существования.

- Я знаком с такой точкой зрения, она отрицает полезность

прогресса, а человек может поставить перед собой задачу обрести бессмертие и решить ее.

- Мне кажется, это не задача человека. Только в юности человек стремиться долго прожить, а далее он начинает понимать – все, что появляется – должно исчезнуть, все, что рождается – должно умереть. Те самоубийцы, которых мне пришлось исследовать, не являются самоубийцами. Они совершили это действие без видимых человеческих причин. Карлос Кастанеда рассказывает о том, как его учитель индеец дон Хуан потребовал, чтобы он убил кролика, который попался в ловушку. Он сказал герою, чтобы он не боялся лишиться жизни это существо, поскольку время его жизни на земле закончилось. Но герой не поверил и решил освободить кролика из клетки. Однако у клетки заело замок. Тогда герой попытался сломать его ногой, повредил клетку, один из прутьев которой убил кролика.

- Какое это имеет отношения к нашим самоубийцам.

- Самое прямое, их время пришло. И поэтому мы внешне не видим тех причин, которые побудили их сделать это, не можем понять, что же подтолкнуло их к этому. А все просто – время их существования на земле закончилось. Все мы приходим в этот мир для чего-то, и пока мы не выполним свою миссию, мы живем.

- Уже теплее, – сказал на это Кребс. – Я полагаю, что человек орудие в руках Господа, и выполняет задачу, которую Господь почему-то не может решить сам. Возможно, и задача человеческого бессмертия нужна для чего-то Господу.

- Сомнительно. Для Господа проблемы бессмертия не существует. А вот состояние человека рожденного и стремящегося к смерти для чего-то необходимо ему. Может быть, для решения тех задач, которые не могут решить бессмертные. Человечество уже обозначило крайнюю точку в этом, описав мучения Агасфера.

- Вечного жида не существовало.

- Это не столь важно существовал ли он на самом деле. Он существовал и существует как миф, а миф и есть самая яркая и насыщенная реальность.

- Вы так полагаете?

- Так полагал один российский, а точнее советский академик, который посвятил исследованию мифа всю свою жизнь. Он приводил пример с аборигеном, который, переплывая реку, надевал ожерелье из крокодиловых зубов и, таким образом, не попадал крокодилу на обед.

- Вы не совсем точно поняли задачу с самоубийцами. Да,

человек боится смерти и жизни. Парадокс. Но только человек понимает, что такое смерть. Только он боится смерти. Но в ряде случаев этот страх не является значимым для него. И он нарушает запрет. И такие люди ближе к Господу, чем все остальные. Это только гипотеза, но она должна иметь подтверждения и в материальной жизни. Ищите эти подтверждения, Лазутин, ищите. Или попытайтесь опровергнуть меня.

Кребс, после этих слов поднялся со стула, вытащил из кармана пластиковую карточку, открыл дверь и, не прощаясь, вышел.

Вскоре появился Драган.

- Знаешь, - сказал он, - за те два года, что я работаю на Кребса, впервые вижу, а также ни разу не слышал, чтобы Кребс приезжал поболтать со своим сотрудником, пусть даже он аналитик семи пядей во лбу. Наверное, тебя готовят к инициации.

- К чему?

- Инициации. У Кребса есть головка ученых, элита фирмы, но туда можно попасть только после некоего обряда.

- Надеюсь, это не будет обряд обрезания?

- Я тоже на это надеюсь, - ответил Драган. Пойдем к арабам, мне нужно купить два косметических набора, отправить землякам в Косово.

Мы, обогнули несколько железных киосков, покрашенных кузбаслаком, в которых продавцы в белых халатах и колпаках, жарились шпикачки, колбаски, сало, свернули на соседнюю улицу, где первый этаж жилых домов занимали магазины, а посередине за самодельными прилавками торговали темнокожие и курчавые парни.

Драган быстро нашел нужный набор, показал арабу три пальца, и ткнул пальцем в бумажку, на которой была написана цена. Я, засунув руки в карманы брюк, наблюдал за этим торгом. Я понимал, что Милкович просит продавца снизить цену за почти оптовую покупку. Но араб закрутил головой в знак несогласия. А потом стал что-то говорить, видимо, по-арабски своему соседу по прилавку. Тот в свою очередь позвал какого-то, парня, который, судя по уверенным движениям, был у них чем-то вроде «бригадира». Парень и Драган стали торговаться. Однако договориться им не удалось и Драган, отдав наборы, двинулся прочь от прилавков и продавцов. В это время «бригадир» сделал вслед ему неприличный жест, который у нас в России понятен без перевода каждому мальчишке. Трудно понять почему, но мои руки вылетели из карманов, и я вклепил «бригадиру»

боковой в челюсть, а потом стал дубасить его в остальные части тела. На помощь парню бросились все торговцы сразу. Но драчуны они были слабые. Каждый из них пытался не столько ударить меня, сколько по-женски расцарапать лицо. Озверев от этого еще больше, я подключил к драке свои ноги. Однако тут почувствовал страшный удар, от которого по всему телу прошла судорога, парализующая мышцы.

Окончательно я пришел в себя в полицейском участке в полном смысле за решеткой. Рядом со мной был Драган, который объяснил мне, что я избил «бригадира», а подбежавший полицейский применил в отношении меня электрошокер. И теперь нам грозит тюремное заключение.

- А тебе-то за что? - спросил я.

- За компанию, - ответил он невесело.

Тут рядом с решеткой появился «бригадир», он стал что-то говорить полицейскому, показывая пальцем то на меня, то на Драгана.

- Козлы, - сказал вдруг Драган, поразив меня знанием российского сленга, - немцы народ законопослушный и культурный, вот они и наглеют, чувствуют себя хозяевами. А когда им наподдают, бежат в полицию.

- Ты знаешь, это свойство этноса, который живет в чужой среде: он более организован, сплочен, всегда задирает всех, но одновременно выставляет себя обиженным.

- Ни хрена обиженным, - сказал Драган, еще более поразив меня знанием великого и могучего, - да они скоро станут хозяевами Европы.

- По Библии, человек начинает свой путь в эдемском Саду, а по Корану, он туда возвращается. Там при правомерной жизни на земле мусульманина может удовлетворить все желания. Коран, кроме того, усилил Библию одним интересным моментом. Все что существует на земле, существует лишь мгновение и снова создается Богом. Эта полная зависимость от Создателя в наше время ложной ориентации на разум и возможности человека является надежной опорой для тех, кто верит данному учению. Наверное, это судьба Европы. Он создала цивилизацию, которая не в силах противостоять другой. Хотя из этого может появиться новый культурологический гибрид, который со временем породит Гитлера-араба.

- Гитлера можно воссоздать хоть сегодня, - сказал Драган, - но за ним никто не пойдет

- Почему же. Если он выдвинет ту же идею - Германии для немцев, все повторится.

- Не повторится, потому что в Германии скоро немцев не

останется. Впрочем, как и французов – во Франции, сербов – в Косово. Но что нам с тобой это философствование. После сегодняшнего, нас рассчитают и вышлют из Германии.

- Что ж, значит это наша судьба.

- Жаль, что это наша судьба.

- А все же Новый Гитлер-араб имеет шанс объединить Германию под лозунгом «Германия для немцев арабского происхождения».

* * *

- Ты ведешь себя как отец Браун, – сказал мне через три дня после драки с арабами Драган.

Я ничего не ответил.

- Ты знаешь, кто такой отец Браун?

- Да, – сказал я, – читал в детстве Честертона.

- Так вот там, он в сопровождении другого пастора шел по городу и все время что-нибудь разбивал или совершал что-то необычное. Таким образом, он оставлял следы тому, кто шел по его следу.

- К чему ты это?

- Кребс поступил странно: вытащив нас из кутузки, не рассчитал, не отдал в руки депортационных властей.

- Значит, мы ему нужны.

- Скорее всего, ему нужен ты, а вот для чего надо подумать, и, прежде всего, тебе.

- Зачем мне думать, пусть все идет, как идет, тем более Кребс заинтересован в нас.

- Хозяин всегда более заинтересован в жирных рождественских гусях, чем в других. Но этот интерес хозяина, которому нужно показать гостям блюдо из самого жирного гуся.

- Как Кребсу удалось все это сделать?

- У него большие связи и деньги.

- Вот, – сказал я на это, – а говорили, что в Германии нет коррупции.

- Ты не отвлекайся на связи Кребса и коррупционеров, ты о себе подумай.

- Драган, за меня думает Кребс, а я делаю то, что мне поручают. Так сказано в контракте.

- Мне кажется, что ты действительно нужен Кребсу, но пока мало понятно зачем. Среди компьютерщиков нет иерархии, чтобы можно было сказать, вот этот самый, самый. Уровень их примерно одинаков. Аналитики тоже не могут выпрыгнуть за пределы логики, которую когда-то создал, а

точнее оформил Аристотель. Чем же ты заинтересовал Кребса, что он выделил тебе отдельную лабораторию, дал двух помощников?

- Ответ на этот вопрос сам, Драган.

- Почему именно я, а не ты?

- Потому, что этот вопрос поставил ты, а не я.

- Я поставил его потому, что не знаю на него ответа.

- Так найди его, ответ. Правильно поставленный вопрос наполовину ответ.

- Зачем мне идти многими путями, тратить много времени и сил, чтобы найти ответ, когда ты можешь просто и быстро ответить мне.

- Я не могу, потому что сам не знаю.

- Давай анализировать ситуацию.

- Зачем это тебе? Придет время ситуация сама разрешится.

- А если она разрешится не в твою пользу?

- Значит так нужно

- И ты не будешь сопротивляться?

- Почему же, если я буду сопротивляться, значит, мое время еще не пришло, а если нет, то сопротивление – бессмысленно.

- А откуда ты будешь знать, что сопротивление бессмысленно.

- Мне что-нибудь подскажет, что это так.

- Полнейший фатализм, а где же человек с его разумом и всемогуществом?

- Человек постоянно создает мифы о себе, то он разумен, то всемогущ, а на самом деле он и не разумен, и не всемогущ.

- Это не так. Просто время от времени человек заходит в некие тупики познания. Но как только он это осознает, и вырабатывает новые средства освоения окружающей среды, все опять приходит в равновесие. Вот и на сегодня все человечество зашло в такой мировоззренческий тупик и пытается вырваться из него.

- Каким образом?

- Ищет новый угол зрения на проблемы, ищет новый язык и так далее.

- Что же может быть нового в старых координатах разума?

- подача материала не через логические формы, а через образ.

- Восток к этому пришел давно, но это не приблизило его к истине.

- Наверное, к истине нельзя приблизиться ни с Запада, ни с Востока. И та, и другая точки зрения обозначают край

стола, заступив за которые человечество может свалиться в бездну. Вот и сейчас мы поговорили с тобой и я, кажется, понял, для чего ты нужен Кребсу. Он в твоих анализах находит опору для принятия нестандартных решений. Ты и не знаешь, к чему ты его подталкиваешь, когда вы ведете с ним свои беседы.

- Какие беседы, я с ним встречался и говорил три раза.

- Многие говорят с ним только один раз. А тех, кто говорил два раза можно по пальцам перечесть.

- Да и говорили мы с ним не о работе, а на так называемые вечные темы, а знаешь, чем вечные темы отличаются от всех других?

- Нет.

- Они потому и вечные, что не имеют ни начала, ни конца. Ими бессмысленно заниматься, для того чтобы разрешить прагматические задачи человеческого бытия, как на пример, клонировать Джо Луиса и сделать его чемпионом мира по боксу.

- Напрямую, да. Но вечные темы с оригинально мыслящим собеседником в период мировоззренческих кризисов помогают уйти от стереотипов, которые не позволяют найти выход из тупиковых ситуаций. Так что ты есть камень, на который наступает Кребс, чтобы принять не ординарное решение.

- Ты знаешь, я действительно камень, поскольку зовут меня Петр, но я сомневаюсь, что Кребсу я нужен, как некая опора. Скорее всего, тут есть прагматическое объяснение, и мы его когда-нибудь получим.

- И твое предположение?

- Мое предположение в том, что Джо Луис – это только одно из направлений работы Кребса, и возможно не главное. А ты ему нужен потому, что владеешь чем-то, чего, нет у других. У Кребса дьявольское чутье на таких парней, как ты.

* * *

Шли дни и месяцы, наполненные анализами самых абсурдных явлений, поисками их причинных связей, отчетами. Иногда нам казалось, что мы стоим на пороге какого-то открытия, но чаще всего возникало ощущение, что нас с Драганом используют как некую контору «Рога и копыта», которая служит Кребсу ширмой, прикрывающей его большой, а главное секретный проект.

Посещал ли Кребс другие свои цеха и лаборатории, как нашу, мне не известно. Но раз в месяц, несмотря на наше

ежедневное общение по Интернету, он появлялся и вживую беседовал со мной и Драганом. Правда, если точно засечь время, которое он уделял Драгану, то это была треть времени, в течение которого он беседовал со мной.

Кребс появлялся у нас, как настоящий командир, внезапно, словно пытаюсь застичь нас врасплох. И мы понимали это, и всегда были в форме и во всеоружии. Наверное, он не был чистокровным немцем, поскольку временами впадал в некую сентиментальность, хотя я могу и ошибаться. Ведь о немцах мы знаем по определенным стереотипам нашего образования, которое всегда и, прежде всего, подчеркивает такую их черту как пунктуальность, не упоминаю ни о чем другом.

Вот и сегодня, развалившись в кресле, он приложился к чашке с кофе и сказал, чем больше погружаешься в тему, тем больше проблем.

Я не купился на это, не бросился выпрашивать, что же это за тема. Нужно, сам скажет.

- Что вы скажете на это?

- Общая закономерность любого исследования, в процессе его выявляется множество аспектов, о которых никто ранее и не догадывался.

- И какой выход из всего этого?

- Остановится в анализе...

- То есть бросить работу?

- Нет, нужно найти ту границу, за которой более детальный анализ уже не только бесполезен для решения основной задачи, но и вообще вреден для достижения цели исследования.

- Но анализ выявляет признаки, отталкиваясь от которых можно идти дальше.

- Все дело в том, что является целью исследования, если это просто движение вперед, то можно набирать эти признаки путем анализа бесконечно, но если перед исследователем стоит конкретная задача, то он должен знать, или интуитивно чувствовать момент, когда ему хватит камней, собранных в процессе анализа, для того чтобы построить некий дом. Причем, этот момент зависит от того, что собирается сделать исследователь, и что за тему он исследует. Поскольку все, что создал сам человек – конечно, а все что создал Творец – конца не имеет.

- Вы любопытный экземпляр, Петр, – сказал Кребс, снова отхлебнув кофе из чашки. – Вы рассуждаете так, будто вы не живой человек.

- А так оно и есть, я уже умер почти полгода назад.

- И как вам там?
- Там мне сказали, что еще рано.
- Вот видите, еще один аспект нашей темы.

Драган был прав, Кребс, словно подпитывался от нас разговорами на вечные темы. Правда, они всегда в той или иной мере касались смерти человека. Но разве может человек в иерархии вечных тем, поставить на самую вершину что-нибудь другое?

- Наймите в фирму теологов, – сказал я ему.
- У нас есть теологи.
- Ну, тогда, какой смысл говорит на эти темы с нами, компьютерщиками и аналитиками?

- У неспециалистов могут быть совершенно неожиданные подходы к решению проблем. В свое время Форд решил создать автомобиль для среднего американца, который был бы дешев и легок. Но специалисты от автомобилестроения не могли создать машину легче тысячи двухсот килограммов. Тогда когда Форд, поставил задачу, чтобы вес автомобиля был одна тонна. И тогда Форд поручил проектирование самолетостроителям. Те выполнили заказ, но не смогли создать, несмотря на завышенный запас прочности, машину тяжелее семисот килограммов.

- Здесь речь идет о совершенно разных колокольнях, как говорят у нас в России. С этих колоколен мир видится по-разному и проекты его преобразования тоже.

- Стоит ли нам использовать колокольни, с которых мир виден не так, как видится заказчику со своей колокольни? Иногда взгляд с одной колокольни полностью отрицает то, что видится другой. Каноны учения Будды для нас непонятны. Еще можно согласиться с тем, что человек возвращается в этот мир время от времени. Но зачем стремиться к прерыванию данного круга возвращений? Жизнь так прекрасна. Зачем стремиться к нирване, тогда как перед тобой многие жизни, живи и радуйся? Зачем уничтожать огнем тело после смерти?

- Дело в том, что клонированием и воскрешением человека занялась западная наука, которая не может представить себе воскрешение без некоей опоры на материальную субстанцию – останки человека. Тогда как в восточной традиции этого не требуется.

- Один из моих теологов, заявил, что все, что существует на свете – это грани послания Божьего людям.

- Конечно, такая точка зрения существует, но каждый народ видит свою грань единственно верной и это правильно, потому что не дело его решать задачи других

народов или даже Творца.

- Здесь нужно остановиться, - сказал Кребс, - потому что я как раз считаю, что человек - это продолжение Творца или даже проявление самого Творца. Только так, можно чего-нибудь достичь в деятельности человеческой. Если же заранее ограничиваться разделением на то, что это - дело человеческое, а это - Божье, ничего не добьешься.

- Если продлить данное утверждение, то человек может стать Творцом?

- Да, некоторые люди и есть Творцы. Мне кажется, поиск их среди тех самоубийц может нам выявить признаки, по которым можно отличить человека, как особь животного мира, и человека-Творца, созданного по образу и подобию Божьему.

- Мы уже говорили на эту тему. Человек не создан по образу и подобию Божьему, скорее всего человек создал Господа по своему разумению и образу, и подобию.

- Что ж, - сказал Кребс, - это одна из точек зрения и не более.

- Разумеется, как говорит Драган Милкович, это противоположная точка зрения, которая позволяет человеку и человечеству определить край стола, по которому оно путешествует, для того, чтобы не свалиться с него и не прекратить свое существование.

- Человечество не нуждается в обозначении маяками края стола. Оно слепо и глухо, а вот человеку-Творцу и водителю человечества эти маяки нужны, ибо на них держится жизнь человечества.

- Сомнительно, жизнь не может держаться на носителях разума. Скорее всего, она держится на более надежных опорах.

- Каких же?

- Стихийности и спонтанности.

- Аргументы?

- Ни одна пирамида не стоит на вершине.

- Логично, - сказал Кребс, поднимаясь из своего кресла.

- Продолжайте работать.

* * *

Никогда не думал, что Рождество и Новый год такие разные праздники. В Стендале подготовка к рождеству началась в первой десятидневке декабря. В окнах многоэтажек стали появляться светильники, елочки. Во дворах частных домов метровые Санта Клаусы. В отеле все салфетки были разрисованы елками, сугробами,

снежинками.

С каждым днем нарастала предвкушение единственного в жизни праздника.

В середине декабря Ганс привез новые материалы. В его присутствии мы заложили их в свои автономные компьютеры, который он после работы печатывал.

Материалы касались опытов по оживлению людей. В них были заложены многие параметры подопытных, в том числе их ДНК, а также обстоятельства их смерти и возвращения к жизни.

- Слушай, - спросил я Драгана, - а откуда Ганс так хорошо знает русский?

- Он аусзидлер.

- И что это такое?

- Переселенец из Восточной Европы или из Азии.

- Вот как?

- Здесь таких много, но многие из них скрывают это, так как они здесь люди...

- Второго сорта?

- Нет, третьего

- А кто же второго?

- Турки, арабы...

- Да, круто тут у вас в Германии.

- Слушай, а зачем вся эта фигня по оживлению людей, что она может дать Кребсу?

- Никто не знает.

- Ведь уже проводились опыты с клонированием, а оживление - это вчерашний день.

- Видишь ли, у Кребса заказ не только на вечную молодость, у него, скорее всего, и заказ богатеньких людей на воскрешение близких людей, а то и любимых кошечек, и собачек.

- Но это не то.

- Это то, поскольку все опыты с клонированием все время натываются на одну проблему: клон моментально стареет. И механизм этого старения непонятен. Вот Кребс и ищет какие-то зацепки, которые помогли бы ему поймать принцип, на основе которого происходит старение, точнее ускоренное старение.

- Здесь есть одна ошибка, которую почему-то упорно не замечают ученые. Закономерности механического движения переносятся на закономерности биологического движения.

- И в чем же здесь беда?

- Беда в том, что техническую сферу создал человек. Она что-то вроде костыля, которым он облегчил себе

существование. А сферу биологического движения создал Бог.

Когда-то в генетике была такая подотрасль как евгеника. Наука, которая занималась проблемами улучшения породы человека. Но в конце двадцатого века генетики свернули работы в этом направлении, так же как и физики в направлении создания вечного двигателя. Но если первые аргументировали это законами сохранения энергии, то вторые не стали делать это в рамках научной методологии. Они просто сказали, что свинья не может сама улучшить свою породу, это может сделать свиновод. Так и человек не может улучшить себя, это должен сделать тот, кто его создал.

- Ты хочешь сказать, что воскрешение не возможно?

- Я хочу сказать, что воскрешение возможно, но это не будет воскрешением.

- Почему?

- Потому, что кроме биологических параметров должно вернуться или повториться множество других, природных, социальных, на тот момент оказавших влияние на формирование того или иного индивида. А они неповторимы. Следовательно, воскрешение, как восстановление в прежнем облике невозможно.

- Наверное, ты прав, но существует спрос на воскрешение и Кребс этот спрос удовлетворяет лучше других, поэтому и получает соответствующие финансовые вливания для своих опытов.

- А откуда мог появиться такой спрос. Его сделали СМИ?

- Нет, СМИ только развили идеи, которые заложены в мировых и не мировых религиях.

- Но религии говорят о воскрешении либо для Страшного суда, либо воскрешении для жизни небесной.

- Религии так формулируют свои сентенции, что трудно однозначно ответить на этот вопрос. Вот каждый и видит в строчках религиозных учений то, что ему хочется увидеть. А если вдруг там чего-то не хватает, то появляется новый пророк и дает это людям...

В это время раздался знакомый писк, дверь открылась, и на пороге появился Ганс.

- Ты к нам в качестве Санта Клауса? - съязвил Драган.

- В качестве гонца, приносящего дурные вести, - ответил тот, - к нам едет Кребс.

- А почему на этот раз с таким предупреждением?

- Он недоволен вашими последними работами.

- И что ему не понравилось конкретно?

- Он со мной на эту тему не говорил.
- Так почему ты решил?
- По интонации, такой тон никогда никому не сулил ничего хорошего.
- Тебе-то чего бояться, ты у нас надзиратель.
- Мы одна команда, и за результаты отвечаем все вместе.
- Что-то я не видел, чтобы тебя Кребс строгал так, как нас с Петром.
- Что-то я не слышал, - ответил ему Ганс, чтобы он вас с Петром строгал. Он вообще никого не строгает. Расторг договор и все дела. Это не у вас в России, здесь вас воспитывать никто не будет.
- Почему у вас, лучше было бы сказать у нас в России, ведь так Ганс. Впрочем, может ты вообще и не Ганс, а Гена, который родился в Восточном Казахстане, но с распадом Советского Союза уехал сам или с родителями на историческую родину в Германию.
- Между прочим, - сказал Ганс, - если вы внимательно читали контракт. То могли запомнить, что сбор информации по вопросам, не касающимся научных исследований, в том числе и биографических данных на сотрудников фирмы «Геном-2000» запрещен.
- А мы и не собираем, Ганс, не собираем. Мы просто видим, что ты хороший парень, который вырос не в Германии. Но почему-то не хочешь, чтобы это знали все.
- Впрочем, - поддержал меня Драган, - мы можем проанализировать причины такого поведения. А чтобы не нарушать контракт с фирмой, передадим Кребсу материалы. Как?
- Никак, - ответил Ганс. - Я ничего не говорю Кребсу, а вы не делаете никакого анализа.
- Хорошо, - согласился Драган, - так, когда будет Кребс?
- Наверное, с минуты на минуту.
- Кто-то из великих, - заметил Драган, - сказал, что живой человек это дудочка, на которой играет Господь.
- К чему это ты?
- Мне кажется, что я это дудочка, но дует в меня Кребс, - сказал Драган.

* * *

Автомобиль Кребса подъехал к нашему офису через полчаса. Водитель и телохранитель остались в машине, а сам Кребс вошел в помещение, и, не оставив Гансу возможности прогнаться, открыл двери своей карточкой.

На этот раз он вел себя еще более бесцеремонно, чем в предыдущий приезд. Указав пальцем Драгану и Гансу на дверь, он плюхнулся в кресло и произнес:

- Садитесь, Петр, у нас немного времени.

- Сообразить кофе? – спросил я его.

- Нет, сразу начнем работать. Мне показались любопытными ваши рассуждения о мифах и о том, что миф не есть ложь или неадекватное отражение действительности, а самая яркая и насыщенная действительность, то есть реальность. Причем придти к такому выводу путем цепочки силлогизмов действительно трудно. Лучше это сделать через образ или, в крайнем случае, пример. Но ваш пример с аборигеном, который надевает ожерелье из крокодиловых зубов, не убеждает.

«Не убеждает, потому что ты не абориген, и никогда не переплывал реки, кишасщие крокодилами» – подумал я, а вслух произнес:

- Есть еще более яркий пример. В 19-20 веках шло разрушение традиционных империй, в том числе и Российской.

- Кто их разрушал?

- Капитал. Ему мешали традиционные нормы их существования, границы, императоры, ориентированные на национальные ценности, а не на счета в банках. При них он не мог свободно перетекать туда, где была возможной сверхприбыль.

- И как же происходило разрушение?

- Тривиально, при помощи разрушения их духовных основ, дискредитации знаковых фигур. Так, например, русский художник Илья Ефимович Репин, написал страшную картину. «Иван Грозный и его сын Иван». Сюжет ее прост. Царь Иван в гневе бьет сына посохом по голове, а затем, ужаснувшись содеянного, зажимает рану руками, пытаясь удержать в своем ребенке жизнь. Страшный сюжет. В нем через царя-варвара дискредитируется и все его варварское царство, с системой ценностей, системой регулирования отношений в обществе и так далее. И мало кто знает, что Грозный не убивал своего сына. Его захороненные в Москве останки подвергались судебно-медицинской экспертизе. Никаких прижизненных повреждений не обнаружено. Кроме того, токсикологическая экспертиза показала, что он умер от отравления. Собственно, как и сам Иван Грозный. Но кто знает об этом. То есть о том, как все было на самом деле. Миф о царе-тиране, диктаторе, не пощадившем даже своего сына, стал основой, на которой

СЛАВА РАЗЯЩЕМУ МЕЧОМ...

совершались реальные действия.

- Это попадает в нашу концепцию, - сказал Кребс после некоторой паузы. - А теперь к делам практическим. Вы анализировали материалы по людям, которые были в клинической смерти:

- Да, и отсылали вам отчет. Но речь в нем шла не просто о тех, кто побывал в клинической смерти. Это была выборка тех, кто был в так называемом состоянии клинической смерти более пяти минут.

- Какое это имеет значение?

- Огромное, людей, которые были в клинической смерти менее пяти минут, очень много и они не представляют для нас научного интереса.

- Почему?

- Потому, что это даже не смерть, а некоторое беспмятство. А вот после пяти минут начинается отмирание клеток головного мозга. И те, кто вернулся с того света после пребывания в нем более пяти минут, для нас весьма интересны. Интересны потому, что они по всем земным законам не могли вернуться, и здесь во всем виден или может быть виден промысел Божий.

- И в чем же он?

- В том, что они не выполнили программы, заложенной в них, и вернулись для этой цели, или были перепрограммированы.

- Здесь, пожалуйста, поподробнее.

- Если вы смотрели выборку, то заметили, что многие из них после пребывания в этом состоянии изменили образ жизни. Стали праведниками, людьми верующими и так далее.

- Какой из всего этого вывод?

- Есть предположение, что мир реальный и мир невидимый находятся в некоем равновесии. И нарушение этого равновесия влечет за собой значительное перетекание субстрата одного мира в другой. Внешне это проявляется в большом количестве смертей во время эпидемий или войн. Точнее это проявление даже не поверхностное, а скорее всего, видимое. Потому, что именно в такие времена ярче, чем в другие проявляется агрессивность по отношению к себе подобным, инстинкт смерти пробивается сквозь слои цивилизационных табу.

- Инстинкт смерти присущ человеку, и его можно фиксировать в тенденциях человеческого поведения. Турниры, спортивные поединки, войны, наконец. Без некоей биологической потребности уничтожения других существ

человек не мог бы выжить. Причем, если посмотреть исторические примеры, то войны велись не только для того чтобы снимать противоречия, возникающие между государствами. Но и для того, чтобы поддержать смерть за усы, так, кажется, писал когда-то Киплинг.

– Все так, но наш вывод, что все это не столько желание разрешить свои споры с помощью оружия и желание испытать себя на прочность, поиграв со смертью, сколько нарушение равновесия в том мире, который связан с нами нематериальными нитями. И мы только фиксируем исчезновение многих наших современников и несовременников в войнах, эпидемиях, катаклизмах, через смерть, то есть некий шлюз, который вбирает в себя людей и не возвращает их обратно, или, в редких случаях, возвращает, после клинической смерти.

– Люди любят разрушать, а это сродни смерти объектов материального мира. Но разрушение мира материального приводит к тому, что на его основе строится новый мир или следующее поколения материального мира. Не происходит ли тоже самое в мире людей?

– Люди создали систему ценностей человеческих. В них рождение – благо и высшая ценность, а смерть лишает человека этой ценности и соответственно не является ни ценностью, ни благом. А между тем, смерть надо реабилитировать, поскольку она есть начало рождения, а само рождение есть потенциальная смерть. Но если рождение мы приветствуем, поскольку можем определить все, что совершается с человеком после рождения на земле, то со смертью мы так поступить не можем, поскольку мы не видим того, что случается после смерти, и испытываем ужас от этой неопределенности, ужас безвозвратного конца. И многие религии меняли свои каноны, когда видели, что человек не испытывает той опоры в жизни, которая дается ему через систему духовных норм, чаще всего облакаемых в религиозные формы, то есть течения, учения, движения.

– В чем же заключались эти изменения?

– Человеку возвращалась в различных формах надежда на возвращение или воскресение, точнее на воскресение. И с этой надеждой он мог существовать и выполнять ту задачу, которая ему предназначена.

– До того момента...

– Да, именно до того момента, пока не наступит время «Ч», момент нарушения равновесия мира тонких энергий и мира материального. Тогда человечество перестает себя беречь и воспевает смерть, стремится к смерти. Однако будет

правильно сделать предположение, что массовая смерть необходима для того, чтобы чуть позже появилось массовое число вновь родившихся.

- Прекрасно, - сказал Кребс, - этот тезис вам предстоит подтвердить и доказать. Чем вы и займетесь в ближайшее время.

* * *

Дорога вьется посредине невспаханного поля. Но поле чистое, ни старой травы, ни снега. Видимо его хорошо убрали по осени. Мы с Драганом сидим на заднем сиденье машины, впереди на месте шофера - Ганс.

Как сказал Ганс, мы едем в одну из секретных лабораторий по клонированию человека. Но по дороге звонит мобила, Ганс получает указание ехать в другое место. Нам что, мы люди подневольные, в другое так в другое.

Наконец подъезжаем к какой-то ухоженной ферме. Машина въезжает во двор. Два охранника сверяют наши физиономии с карточками, которые у них в руках. Потом один из них проводит меня и Драгана в бункер. Там нас ждут Кребс и два важных от собственного достоинства немца.

- Мы пойдем туда без халатов? - спрашивает один из них Кребса.

- Да, - отвечает тот, - эксперимент перешел из пробирочной, стерильной стадии в повседневную и не стоит возвращаться обратно.

Мы вошли в комнату, которую можно было назвать процедурным кабинетом какой-нибудь заштатной больницы. Там стоял стол, на котором располагался аппарат, похожий на детские весы. Вокруг стола несколько стульев без обивки. И огромный экран над столом, причем это был даже не экран, а сразу четыре экрана, смотрящие в четыре стороны света.

- Садитесь, господа, - произнес Кребс, и все уселись на стульях. Кребс нажал какую-то кнопку и кормилица в сером платье, поверх которого был надет фартук, внесла годовалого негритенка. Она ловко посадила его на весы и стала прикреплять к ручкам и ножкам датчики. Ребенок, был напуган большим количеством незнакомых людей. Лицо его сморщилось, и он был готов заплакать, но няня положила руку ему на плечо и что-то тихо произнесла. Малыш чуть успокоился, хотя напряжение его не прошло.

Кребс, сидя на своем стуле, подвинул к себе маленький экран и клавиатуру ноутбука и стал нажимать кнопки. Четыре экрана ожили, на них появились фотоснимки двух человек черного мужчины и черной женщины.

- На этот раз мы пошли по другому пути, - сказал Кребс, в это время на экране появилась кладбище, скорее всего негритянское, так как на переднем плане были могилы, а на заднем стояла группа черных мужчин и женщин. - Мы не стали искать суррогатную мать. Мы клонировали его родителей. Причем ДНК его отца и матери мы взяли в их могилах в Америке. Смету этой операции я представлю вам потом, господа.

- А не проще ли было пойти проторенным путем? - спросил один из господ.

- В этом случае мы бы получили эффект старения, который проявился еще у овечки Долли.

- А как вы избавились от него в данном случае.

- Довольно оригинально, - ответил Кребс, это был явно его день. - Мы клонировали по прежнему варианту мать и отца, затем в соответствующее время спарили их, а уж потом получили ребенка, который перед вами.

- А где сейчас родители? - спросил второй господин.

- К сожалению после рождения ребенка у матери начался процесс ураганного старения. А отец умер сразу после зачатия.

- Давайте посмотрим его ДНК, - сказал первый господин.

Кребс тут же выдал на экран две картинки. Как я догадался, одна цепочка символов была расшифрованным генетическим кодом Джо Луиса, а вторая ребенка, сидящего перед нами на весах.

- Они полностью идентичны?

- Да, - сказал Кребс, - теперь осталось создать условия, при которых через десять лет у нас будет лучший боец в мире.

- Почему через десять? - спросил первый господин.

- Мы не выключили совсем ген старения. Для того чтобы результат можно было бы получить быстрее. Разумеется, это приведет к быстрому его износу. Но та жизнь и та слава звезды спорта часто сжигает нормальных людей еще быстрее.

- Унесите ребенка, - попросил первый господин.

Кормилица вопросительно посмотрела на Кребса. Тот кивнул ей головой и она, быстро вытащив ручки и ножки будущего чемпиона из зажимов датчиков, понесла его прочь.

- Его кормила молоком белая женщина? - спросил первый господин.

- Нет, - с достоинством ответил Кребс, - его кормила молоком родная мать

- Скажите, Кребс, - спросил второй господин, а как вы намереваетесь решить вторую задачу с созданием условий

для формирования у него таких же психофизических данных как у Джо Луиса?

- Это наше ноу хау, - ответил Кребс, - в двух словах, мы сделали расшифровку голограммы энергетической структуры Джо Луиса, затем мы наложим ее на генетический код, плюс создадим соответствующие социальные и профессиональные условия и на выходе получим нужный результат. Но это уже не ваши проблемы. Вы же покупаете телевизор, и не пытаетесь понять, почему на экране появляется изображение.

Господа поднялись со своих стульев. Кребс тоже встал, но не бросился провожать гостей, а только произнес:

- Господа, мои охранники вас проводят за пределы фермы, мне же позвольте остаться с аналитиками, у нас есть проблемы.

Я думал, что после ухода гостей, Кребс объяснит нам весь этот спектакль, но он как истинный хозяин не счел нужным, тратить время на это.

Кребс отодвинул весы в сторону, сел напротив и посмотрел на нас так, будто мы только что вытащили у него из карманов все его состояние.

- Нужно ли было привозить вас сюда, чтобы показать эту цепочку ДНК вам? - спросил он.

Мы молчали, не зная, куда он клонит.

- Как ты считаешь, Петр?

- Думаю не нужно, мы смогли бы все это получить на электронных носителях.

- Правильно, но почему я привез вас сюда, вы узнаете позже, а сейчас несколько слов о наших проблемах. Я прочитал ваш очередной отчет и задаю вам вопрос. Живет человек на земле и знает, что придет час, и он уйдет отсюда и никогда не вернется. Из этого строятся все модели существования и поведения. Но вот он узнает, что все-таки вернется обратно. Он будет вести себя совершенно иначе. Не выбьется ли такой человек из системы социального регулирования, не станет ли он неуправляем?

- Ответить на этот вопрос сразу трудно, - сказал я Кребсу, - социальные регуляторы только с виду регулируют поведение людей, а на самом деле их поведение регулируется символами, за которыми стоят ценности, присущие той или иной части человечества. Хорошо бы на какой-нибудь компьютерной модели проиграть эти ситуации, чтобы если и не сделать вывода, то набрать материал для будущего решения.

- Вторая проблема. Хотя я и сказал заказчикам, что мы

разработали матрицы души, но это скорее конечный результат нашей работы, чем сегодняшний его этап. А без него все наши потуги и заявления ничего не стоят. Можно повторить Наполеона. Генетически идентичный Буонапарте придет в совершенно иную историко-культурную среду, в которой отсутствуют факторы, сформировавшие его, как человека, впервые в мировой истории применившего пушки против мирного населения в Тулоне, и никогда в этом не покаявшегося.

Я заметил, что Драган пытается записать все сказанное Кребсом, и удивился, так как полагал, что он уже давно стал компьютерным червем и забыл, как пишут ручкой.

- Проблема третья. Как формируется душа? На протяжении жизни или она дается человеку свыше? И в первом, и во втором случаях нам не создать душу по тем параметрам, которые нам нужны. В первом случае для этого нужны годы, а мы люди смертные, во втором – это не человеческое дело. И главная проблема, повторить еще не значит воскресить. Если Господь не предусмотрел круговорот душ в тела людей, то наша затея обречена на провал. Специалисты подсчитали, что количество населения на Земле не может превысить 15 миллиардов. Возможно, это происходит не столько потому, что на земле не хватает пищи, чтобы накормить всю эту ораву, так говорят у вас в России. Возможно, этому препятствуют другие причины. Например, число душ участвующих в круговороте, не превышает 15 миллиардов. И над этим вам, двум моим лучшим аналитикам придется с этого момента работать.

Мы вышли из бункера.

- А он так и не сказал нам, зачем нас сюда привозил? – произнес Драган.

- Он хотел сыграть втемную, испугать кого-то из нас.

- Испугать? Зачем?

- Наверное, я это только могу предположить, что где-то происходит утечка информации.

- И он подозревает одного из нас?

- Да. Но у него не было доказательств, и он рассчитывал, что этот человек испугается вызова в бункер, убежит или проявит себя излишней взволнованностью. Это называется попыткой нас прокачать.

- Откуда ты это знаешь?

- Читал книгу про военную контрразведку.

- А как она называется?

- «Момент истины».

* * *

Та же дорога, но теперь все, что было слева, переместилось на правую сторону. Все как прежде: за рулем Ганс, мы с Драганом на заднем сиденье разбираем поставленные Кребсом задачи.

- Если исследовать всех жителей земли, - говорит Драган, - то можно будет иметь базу для ответа на все вопросы.

- Исследование может касаться только их ДНК. И отсюда чисто математически можно предположить, что у нас могут быть либо случайные, либо сознательно созданные повторения предыдущих людей.

- Елы-палы, - вдруг произносит Драган, - если совершить экскурс в историю фирмы «Геном-2000», то можно увидеть самый первый проект Кребса.

- И он прольет свет на наши сегодняшние проблемы?

- Не знаю, но у нас ничего нет, может анализ задумки первого проекта нам что-то даст.

- Ну, тогда поведай, что это был за проект?

- Это проект Книги Жизни.

- Давай подробнее.

- Где-то на рубеже восьмидесятых и девяностых Кребса осенила идея создать Книгу Жизни.

- У Кребса мания величия.

- Почему?

- Долог путь рассуждений, но короток - примера, говорил Сенека старший. «Приходит мужичок к психиатру и говорит: - Доктор я - Господь Бог.

- И давно это у вас? - спрашивает доктор. - С тех пор, как я создал небо и землю».

- Кребс всегда считал, если человеку в голову приходит какая-то мысль, то эта мысль от Господа, и она должна реализоваться, - сказал Драган.

- А если эта мысль от... сам знаешь кого?

- Давай не будет тратить время на подходы, сразу к делу. Так вот Кребс решил создать на земле Книгу Жизни, в которую будут записаны все, кто внес в копилку человечества свой вклад, а также те, кто может за это заплатить.

- Как заплатить?

- Валютой, конечно.

- Но это противоречит самой идее такой книги.

- Ничему это по Кребсу не противоречит. Кребс полагал, что Господь дает людям деньги для решения божественных задач, следовательно, того, у кого они есть, можно вносить в эту книгу. Как ни странно, но нашлось много желающих попасть в эту книгу. Тогда Кребс пошел дальше. В рамках

этой книги он создал что-то вроде элитного клуба, верхней ступеньки всех, кто занесен в эту книгу.

- И за то, чтобы попасть в эту элиту, нужно было заплатить приличную сумму?

- Не всегда, кое-кто мог попасть туда, обладая уникальными способностями, а кое-кто, заплатив приличную сумму. Но не это главное. Все, кто пожелал туда попасть, должны были пройти обряд инициации.

- А кто был в составе тех, кто принимал посвящение и решал вопрос о том, достоин ли кандидат перейти в эту элиту или нет?

- Конечно, Кребс. Кстати ты уже на некоей ступеньке к ней. Поскольку Кребс посылает на самостоятельную аналитическую работу только тех, кто рано или поздно подойдет к инициации, для того чтобы перейти в касту высших.

- А здесь, пожалуйста, поподробнее.

- Ты вырос в России, где обряд инициации ушел в прошлое в советский период. А у католиков в Западной Европе и у протестантов в США он существует, хотя и в облегченно-упрощенном виде. Конечно, это не инициация у индейцев, когда юноша, чтобы его признали взрослым должен добыть рысь. Здесь все связано с другими качествами. Но цель и того и другого одна. Перевести одно и тоже лицо в качественно другое состояние. Хотя, перевести весьма неточно, мгновенно переместить в другое состояние.

- И что все это дает нам? Кребс решил подзаработать на тщеславии ближних, точнее богатеньких ближних. И все.

- Нет, не все. Я полагаю, что именно тогда Кребсу и пришла мысль о том, что обряд инициации, можно использовать как качественный переход биологической основы Наполеона или Бисмарка, в реальных Наполеона или Бисмарка.

- Так. Предположим, что Кребс решил использовать принципы инициации, для того, чтобы проиграть возможность, инициировать Наполеона из той биологической основы, которая может быть повторена. Но какая здесь связь с Книгой Жизни?

- Самая прямая. Во-первых, эта идея пришла ему в голову после идеи о Книге Жизни, а во-вторых, после возникновения идеи инициации Кребс уже не думал просто фиксировать тех, кто достоин попасть в Книгу Жизни. Тогда-то, - торжественно произнес Драган, - Кребсу и пришла в голову мысль взять на себя не только фиксацию выдающихся людей в этой книге, но принятие решений о том, кого заносить в

эту книгу, а кого можно вычеркнуть.

- Книгу жизни пишет Творец, он же изглаживает из нее грешников, то есть тех, кто живет не в соответствие с Божественными заповедями, а точнее с закономерностями существования, а если еще точнее, то не в соответствие с теми задачами, которые возложил на него Господь. Так, что Кребс переоценивает себя.

- Кребс похож на задиру, который задирает всех, хотя и является более слабым, чем многие. Но это и дает ему возможность всегда выигрывать.

- Не налетал твой Кребс на хороший кулак.

- Он такой же мой, как и твой, - заметил Драган, - точно, Ганс?

- Угу, - ответил Ганс, делая вид, что наши разговоры его не интересуют.

- Послушай, - спросил я Драгана, - а эта книга существует в натуре или она только в электронной памяти одного из серверов Кребса?

- Говорят, что у Кребса есть и вариант на бумажном носителе.

- А еще говорят, - влез в разговор Ганс, - что Кребс может сам внести в книгу кого-либо, и сам вычеркнуть.

- Это не главное в вопросе о книге, - сказал я, - меня больше интересует форма подачи материала в ней. Она похожа на Большую Советскую Энциклопедию?

- Я никогда не видел Большой Советской Энциклопедии, - ответил Драган, - но думаю, что та создавалась в докомпьютерную эпоху, и в ней есть только информация о биографии лица. Здесь же, кроме этого есть генетический код человека, а также деяния и мысли его.

* * *

В Стендаль мы приехали к вечеру. Рабочий день уже закончился, и не было смысла открывать офис. Мы попрощались с Гансом и пошли по улице с магазинами на первом этаже.

Арабы у временных прилавков при виде нас с Драганом оживились и стали провоцировать на конфликт.

- Сволочи, - сказал Драган, - а еще проповедуют самую молодую и добрую по отношению к людям религию с канонами человеческой справедливости. Сейчас я остановлюсь и скажу им, что пророк проповедовал честность и порядочность, скромность в поведении, чистоту тела и чистоту нравов, установил дисциплину и порядок. А они ведут себя не в соответствие с его заповедями.

– Не надо, и вовсе не потому, что среди них есть будущий Гитлер-араб или его отец. Все религиозные учения возникали как некое компенсирующее воздействие на отсутствие тех или иных качеств. В середине девятнадцатого века в России шла Кавказская война. Шла она долго, но, в конце концов, закончилась взятием последнего оплота и пристанища Шамиля, высокогорного аула Гуниба. Шамиль сдался победителям и отправился вместе со своей семьей в ссылку в Калугу. Оттуда он вел переписку с графом Воронцовым. И однажды Воронцов спросил Шамиля: почему пророк Мухаммед такой суровый, тогда как Христос – добрый и внешне и своими деяниями? На что Шамиль ответил: русский народ кроткий и добрый, поэтому и Иса – добрый, а чеченцы народ своенравный и горячий, поэтому и пророк по отношению к ним суров.

Мы миновали арабские рынок, перешли улицу, завернули за угол и оказались перед входом в гостиницу «Стендаль», где я снимал, оплаченные Кребсом апартаменты.

– Зайдем в кафе, – предложил я, – посидим, выпьем по кружке пива.

– Идет, – ответил Драган, – и почему это Ганс не поселил нас в одну гостиницу?

– Не положено по условиям контракта.

Мы уселись за столик и официантка, поскольку я уже много месяцев завтракал в этом гостиничном кафе и считался своим, тут же возникла перед нами.

Я заказал сыр, пиво, бекон и сосиски. Первые двое оказались перед нами спустя несколько минут, и мы возобновили прерванный разговор.

– Итак, – сказал я, – в означенной книге содержится информация о геноме человека, его имени, деяниях и мыслях. Это все, что необходимо для воскрешения. Именно для воскрешения, а не возвращения биологической основы. Но в этом случае, количество номинантов, внесенных в книгу, не может быть большим. У Кребса не было ни возможностей, ни времени внести туда достаточное для срабатывания закона больших чисел количество.

– Это может быть верно, только наполовину. Кребс тайно собирает генетический материал по всему свету. Благо за деньги разрыть чью-то могилу и представить посреднику или заказчику кусочек праха найдется много желающих. А уж дальше дело техники. Но здесь главное не в этом.

– А в чем же?

– Воскрешается тот, или потенциально может быть воскрешен тот, кто угоден Господу. Никакие разумные

усилия не помогут, если на это нет того, что называется Господня воля. Ты согласен со мной?

- Да. Но я уже понял, куда ты клонишь.

- Правильно. Но тут находится хитрый человек по фамилии Кребс, который использует это в своих целях. Но перед ним становится задача, как вычислить тех, кто угоден Богу. И примазаться в качестве посредника.

- И он собирает команду ребят, мозгами, а точнее, мыслями которых начинает кормиться? Так?

- Так. И они выдают ему то, что уже есть во многих идеологиях человечества и, прежде всего, в религиозных учениях.

- Уже теплее. А там, в основном, два подхода. Согласно первому спасение и соответственно воскрешение возможно на основе добрых дел, а второй: спасение не зависит от деяний человеческих оно – Благодать Божья.

- Да, я помню, что сторонники второго подхода ссылаются на евангельское свидетельство о спасении одного из преступников, распятых вместе с Христом. Но есть и третий подход. Он связан с жертвенностью. Человек положил свою жизнь в жертву. Это сигнал Господу, что в новой жизни он способен выполнять волю Божью лучше, чем кто-либо другой. То есть тот, который живет, что называется, не для себя. Ты согласен?

- Да, и отсюда вытекает одно обобщение. И первый, и второй, и третий подходы объединяются в один. В религиозных учениях он звучит так: «Спасение, как небесный дар, не дается праздным». А значит, Кребс не ошибется, если в число потенциальных воскресших отнесет тех, кто много работал и чего-то достиг.

- Таким образом, ты достиг чего-то и ты достоин занесения в Книгу Жизни Творца объективно, но тут же появляется Кребс, который еще и заносит тебя в настоящую книгу.

- А как же достижения не на благо человечества? Несправедливые достижения. Как же мировые диктаторы и тираны, причинившие своим народам столько страданий? Они тоже сделали много, и они отнюдь не были праздными, работали от зари до зари. Где же справедливость, – почти с пафосом произнес Драган.

- Справедливость понятие человеческое. Она и не может быть другой. Справедливость Творца выглядит совсем иначе. И с позиций человеческой справедливости она – абсурд. Известная восточная притча рассказывает о просветленном, который забрался на гору и десять лет просидел на ней

молясь и медитируя, чтобы Господь устроил жизнь на земле по справедливости. Наконец, Господь явился просветленному и спросил:

- Ты действительно хочешь этого?

- Да, - ответил тот, - я посвятил этому всю свою жизнь, а последние десять лет сидел на горе...

- Будь по твоему, - ответил Господь, - ты десять лет сидел на горе, будет справедливо, если теперь гора посидит на тебе десять лет.

* * *

Наступил май. Теленовости сообщили о стычке в Берлине демонстрантов с полицией. Но в Стендале первое мая прошло спокойно. Накануне его Кребс вызвал к себе Драгана. И я остался один, так как Ганс поехал отвозить Милковича к боссу.

Я сидел за компьютером, имеющим выход в Интернет, и искал нужную мне информацию. Она не касалась задач, поставленных Кребсом, и это было в определенной степени опасно, поскольку грозило разрывом контракта и не только. Но попытка связать логически некие элементы нашего с Драганом предположения, вынуждала меня поступать подобным образом.

После долгих блужданий по сайтам спецслужб, я, наконец, нашел то, что искал.

«1970 год, 4 апреля. В военном городке в Магдебурге по улице Клаузенштрассе, посередине плаца установлена большая палатка. Палатку сняли утром 5-го апреля. И в это же время на ближайший учебный саперный полигон в местечке Бидеритцер-Буш прибыли несколько военных машин. Находящиеся там военные сожгли несколько ящиков с непонятным содержанием, а пепел и несгоревшие части, были преданы земле в западной части полигона»

Если данную информацию наложить на непонятные для окружения поиски чего-то некоей фирмой в западной части бывшего военного полигона, а затем посмотреть какое отношение к этим работам имеет с фирма «Геном-2000», след Кребса станет очевиден.

А если еще покопаться в газетных материалах, то далее можно предположить, что акция в 1970 году имела цель перезахоронить останки Гитлера, Евы Браун и семейства Геббельсов.

Итак, выдвигаем гипотезу, что Кребс искал геном Гитлера, или пытался сравнить уже имеющую биологическую основу с останками на военном полигоне.

Чувство тревоги заставило меня, оторваться от экрана дисплея. В окно было видно, что к офису подъехал один из автомобилей Кребса.

Я мгновенно уничтожил текст, а затем дважды перекрыл его другой информацией. Я предполагал, что Ганс не только прослушивает наши с Драганом разговоры, но и периодически совершает набеги в наши компьютеры. Как истинный немец, он смотрит не только текст, который уничтожен, но и текст, который спрятан под другим текстом. Однако, у него «сала» в голове не хватает понять, что текст может быть перекрыт информацией не один, а несколько раз. Все как в старом анекдоте о еврее, который сменил фамилию Рабинович на Сидорова. Но через месяц пришел в ЗАГС и попросил сменить фамилию Сидорова на Петрова. «Зачем вам это» спросили его сотрудники? «Чтобы имеет возможность на вопрос: а кем вы были до смены фамилии? – сказать, что я был Сидоровым».

Я сделал это вовремя. Раздался знакомый писк и в комнату вошел Кребс.

– Добрый день, босс, – произнес я, так как и должен был произнести рядовой сотрудник фирмы своему начальнику. Заварить вам кофе?

– Нет, – ответил Кребс, у меня мало времени, поговорим без кофе и прямо у компьютера. Где Милкович?

– Он поехал к вам. Точнее его к вам повез Ганс.

– Ни тот, ни другой ко мне не доехали, – сказал Кребс, и как мне показалось, с некоторым раздражением.

– Ну, найдутся они, – сказал я, – Германия не та страна, в которой могут пропасть сотрудники легальной фирмы

– О, майн гот, – произнес Кребс, но я ему не поверил, было в этом возгласе что-то наигранное.

– Что делать мне? – спросил я его.

– Продолжать работать. Вот вам карточка на входные двери. Офис будете закрывать сами, пока не объявится Ганс или мы не найдем ему замену. А теперь к делу. В развитие нашего разговора в бункере. Я знаю, Петр, что вы приверженец некоей концепции спонтанной основы жизни и жизнедеятельности. На ваш взгляд стихийность более надежна, чем сознательная, в том числе и научная деятельность?

– Я бы так не формулировал свои взгляды, – ответил я Кребсу, – я просто полагаю, что когда-то человек более адекватно оценивал окружающие явления и слышал голос космических стихий, а, слыша, поступал в соответствие с теми закономерностями, которые там существовали. Но со

временем он замкнулся на анализе своих страстей и чувств, которые стали для него главными и которые иногда не совпадают с алгоритмами окружающей среды. И возникает элемент диссонанса, в котором одна из сторон может проиграть. Я полагаю, что вы, босс, понимаете, что проигравшей может быть только человеческая, разумная сторона, которая мнить себя всемогущей.

- Мне нравится с вами спорить, Петр, ваша позиция является противоположной моей, но споры с вами укрепляют ее.

- В Японии славят разящего мечом именно из этих соображений.

- Не будем касаться Японии. Поговорим о наших баранах, так, кажется, говорят в России.

- В России говорят, вернемся к нашим баранам.

- Пусть будет так. Моя позиция противоположна вашей. Я полагаю, что нет деятельности не в алгоритмах Творца. Если человек что-то творит и достигает поставленной цели – значит это угодно Творцу.

Если бы Кребс читал Ильфа и Петрова, то знал бы, как обозначено это состояние. Авторы «Золотого теленка» называли его: «Остапа понесло».

- Однажды, в Ветхом завете я прочитал строки о том, как пророк Иезекииль, воскресил павших на поле боя. «Чем я хуже этого пророка», – подумал я тогда. В молодости я много читал библейских текстов, еще раньше изучал античную историю. Вы, Петр, конечно, помните Гомера и его «Илиаду». Там боги непосредственно участвуют в битвах, фактически используя людей, как марионеток. Но со временем, Боги все больше отдаляются от человека, а человек начинает исполнять те функции, которые принадлежали ранее богам. И вот наступил момент, когда человек может взять на себя миссию воскрешения человека.

Я чуть было не ляпнул: «За кругленькую сумму», но вовремя остановился.

А Кребс, между тем, продолжал:

- Язык Господа прост, я делаю что-либо, и у меня это получается, следовательно, Творец дал мне добро.

- Удивительно, босс, что вы – добропорядочный католик, рассуждаете как протестант.

- Не будем заикливаться на конфессиональные догмы, – ответил Кребс, – как вам мои теоретические конструкции?

- Они безупречны, босс, но с позиций человеческой безупречности и логики. Поскольку и человеческая логика и человеческие формы передачи информации могут быть

только человеческими. Мы как-то уже отмечали, что Бог говорит со своими чадами на других языках. Этот язык с монополизацией разумом права на истину умолк во многих. СМИ в частности приводят пример, что известное цунами в Восточной Азии привело к гибели только людей. Но ни одно животное не пострадало. Так на каком языке говорит Творец со своими чадами? Человек утратил способность не только понимать, но и слушать голос Творца. И это несмотря на все разумные усилия по Его поиску.

Впрочем, так относится к Господу только западноевропейская культурная традиция. Восток говорит, что Бог не может быть объектом поиска. Он остается самой субъективностью. Вы не сможете найти Его, где-либо, потому что Он – везде. Если же вы начнете искать Его где-либо, то не найдете Его нигде. Все, что есть – божественно. Бог означает все существование, целостность, океан, который окружает нас.

– Вот здесь я ловлю вас, Петр, на слове. Бог это все, что вокруг нас и мы сами, следовательно, каждый из нас это Бог, но только тот, кто это понял, действительно является Богом. Можно конечно, говорить, что Бог руками человека достигает каких-то своих целей. Но можно сказать, что Бог-человек делает это самостоятельно. История продемонстрировала многое из того, что сделал человек наравне с Богом. И вот теперь человек подошел к своей главной задаче, научиться воскрешать человека и тем, самым стать Богом.

* * *

Только я настроился на работу, как раздался писк замкового устройства и в офис вошел Ганс. На шее его было гипсовое кольцо, какое ставят в травмопунктах тем, кто сломал себе шею.

– Что с тобой? – спросил я его

– Бандитская пуля, – ответил он мне, еще раз подтвердив, что родился он отнюдь не в Германии.

В руках у него были два огнетушителя.

– Пожарные смотрели помещение, – сказал он, – рекомендовали установить огнетушители с углекислотой. Как только температура в офисе поднимется выше 120 градусов по Цельсию, они сработают.

– Давай я помогу, а то ты со своей шеей...

– Каждый ест свой хлеб, – сказал Ганс и заслонил от меня огнетушители, словно не только боялся, что я отберу их, а действительно отберу у него его хлеб.

Быстро и ловко установив огнетушители, он, не попрощавшись, исчез, чем ввел меня в некое недоумение, после которого, я с еще большей настойчивостью стал искать в Интернете название нашей фирмы до 2000 года, а также связи ее с другими фирмами. Почти под самый вечер я нашел сообщение о пожаре в некоей лаборатории в Ганновере и гибели там сотрудника. Внимательно просмотрев информацию о происшествии на сайте полиции Ганновера, я нашел любопытные моменты и решил детально разобраться с ними завтра.

Перед тем как вернуться в гостиницу я пошел на хитрый толчок, где странного вида немец торговал всякой всячиной, оставшейся от советских войск. Там я выбрал себе противогаз, а потом, немного подумав, купил и второй.

В отеле не месте портъе была рыженькая немка по имени Корделия. Передавая мне ключ, она приложила палец к губам, как бы предупреждая меня о чем-то.

В свой номер я вошел очень осторожно, закрыл двери на ключ и тут услышал голос Драгана.

- Не пугайся, это я.

Голос доносился из куба, который был расположен посредине комнаты и служил туалетом, душем и умывальником одновременно.

- Выходи, - сказал я ему. - Надеюсь, у тебя на шее нет гипсового кольца?

- А, - сказал он злорадно, - он все же чуть не свернул себе шею.

Драган вышел из куба. Гипса на шее у него действительно не было, но лицо было безобразно расцарапано.

- Что произошло?

- Я пришел тебя предупредить.

- О чем?

- О том, что никакой инициации тебе не будет.

- Почему?

- Потому, что мы с тобой сами того не желая и не понимая, приблизились к тому, что Кребс называет главным секретом фирмы, и который, и о котором знает только он сам.

- Про секрет чуть позже, что произошло с тобой и Гансом?

- Выехали мы позавчера в Потсдам, и все было нормально, если бы у меня не застегнулся привязной ремень. Я спросил у Ганса, что все это значит? Он ответил, что в Потсдаме заедем в мастерскую. Все это меня насторожило, и я стал готовиться к каверзе со стороны Ганса. Так и получилось. Неожиданно для меня, на совершенно пустой дороге он выехал на встречную полосу и врубился в бетонный столб.

От удара на месте водителя сработали подушки безопасности, а мои – не сработали, но меня вынесло вперед через лобовое стекло. Я никогда не занимался акробатикой, но сделал кульбит и приземлился на газон позади бетонного столба. Быстро сообразив, что это подстава, я бросился бежать. Две ночи ночевал на вокзалах, а сегодня добрался до Стендаля.

- Тебе надо уходить.

- Уходить надо и тебе. Потому что следующая очередь твоя.

- Наверное, так. Но сначала давай подумаем, где же мы наступили Кребсу на хвост?

- Давай подумаем, – произнес Драган, усаживаясь за стол и наливая себе сока в пластмассовый стаканчик, – давай подумаем. То, что Кребс клонирует людей, этим сейчас никого не удивишь. Кребс замахнулся на большее, он пытается технологически вернуть воскрешенному память. И таким образом, мы будем иметь Наполеона Бонапарта, который знает свою роль в истории. Но и это не решение задач, которые ставят перед Кребсом заказчики. Точнее это они хотят воскресить Гитлера. И Кребсу это удалось, но Кребс, выдав продукт заказчику, что-то оставил для себя. Но что?

- В этом вся суть. Кребс разработал не только методику восстановления памяти. Он создал некую матрицу...

- Но это невозможно.

- Это возможно. На ДНК накладывается духовная матрица и воскресение происходит.

- Но это же...

- А ты мудрый парень... Ты сразу все просек. На определенную цепочку ДНК можно наложить нужную матрицу и таким образом подкорректировать, например, личность Гитлера, добавить тех качеств, которых не хватило ему для решения каких-то глобальных задач. И таким образом новый Гитлер решит те задачи, которые ему не удалось решить в предыдущее воплощение.

- Все, я ухожу, – сказал Драган, – займи триста евро, я тебе вышлю их в Россию.

Когда он ушел, я завалился на постель и долго думал, как мне выйти из создавшейся ситуации. Особенно меня беспокоило происшествие в Ганновере.

* * *

Утром, уходя на работу, я уже не встретил в вестибюле Корделии. А ее сменщица рассказала, что вчера прямо у

выхода из отеля машина сбила кого-то серба.

Работа не шла в голову, все валилось из рук, но, когда я увидел автомобиль Кребса, подкативший к офису, все во мне мобилизовалось само собой.

- Есть желание пофилософствовать? - спросил я Кребса, когда он вошел, без должного для подчиненного подобострастия.

- В некотором роде, - ответил он, плюхнулся в кресло, поставив атташе-кейс у своих ног, - нужно поговорить о роли науки в жизни человечества.

- И о роли каждого из нас... - подыграл я ему.

- Можно и о роли каждого...

- Мы остановились на том, что наука уже может клонировать человека, но воскресить его, значит не только создать генетически идентичную особь, но и восстановить память, и вы полагаете, что наука может сделать это?

- Не только может, но и сделает, она уже в шаге от этого.

- Сомнительно, наука типичное изобретение человека и страдает теми же недостатками что и сам человек. Кроме того, путь науки, и тот тупик, в который она попала и движется в последние четыреста лет, не способен ответить на те вопросы, которые вы пытаетесь, и поставить, и решить. Известное выражение о том, что «Разум подвел человечество к воротам Истины, но вряд сумеет их открыть» относится как раз к науке.

- Эта точка зрения имеет место потому, - попался на удочку Кребс, и хотя цель его визита была другой, бросился оппонировать мне, - что вы полагаете руководство человеком со стороны либо Бога, либо обстоятельств. На самом же деле человек и есть Бог. Он и преобразует мир, в том числе и с помощью науки. Она расширяет его возможности.

- Наука, расширяя возможности человека, уничтожает его. Вечные ценности не без помощи науки приносятся в жертву непосредственной выгоде. Человек, по сути, становится тираном природы, но не просто тираном, а тираном, вооруженным научными достижениями.

- Вы противоречите самому себе, - сказал Кребс, - ценности и мораль - это тоже изобретение человечества и должны служить человеку.

- Вы понимаете служение чисто утилитарно, - сказал я ему, - что-то вроде прислуживания или деятельности слуг. Опять же деятельности разумной, подчиняющейся определенным человеческим правилам и этикету.

- В обществе все подчиненно этикету, - произнес Кребс и посмотрел на часы.

- У нас еще есть время, - сказал я ему, - продолжим. Общество всего лишь часть природы, а та, как творение божье, регулирует творчество человека, в том числе и научное. Она постоянно демонстрирует факты того, что ресурсы ее ограничены. Причем делает это на уровне стихийного, спонтанного и бессознательного регулирования. В качестве примера, можно привести распад Советского союза, который стоял в одном шаге от поворота северных рек. В прошлый раз мы говорили об Истине, но вопрос о ней лежит вне рассуждений человека и вне человеческой логики. Восток свидетельствует о том, что Истина не есть нечто, что можно передать из рук в руки, в качестве ответа на вопрос. Чтобы достичь Истины нужно прийти к пику своего бытия. Когда человек умирает и полностью освобождается от своего эго, истина сама открывается ему...

- Довольно, - перебил меня Кребс, - вы не представляете, как близко вы сейчас подошли к порогу Истины.

- Мне кажется, мы оба к ней подошли.

- Не думаю, не думаю, - произнес Кребс, - я хотел вам сказать, что вы нарушили условия нашего контракта и поэтому деньги с вашего банковского счета отозваны.

Он посмотрел на меня, ожидая протестной ответной реакции, но не дождался ее.

- Вас это не шокирует?

- Нет.

- Почему?

- Потому, что я ожидал нечто подобное.

- Вот как. Значит, я вас недооценил.

- Да, вы меня недооценили. Поскольку я с самого начала мало верил в проект создания нового Джо Луиса, хотя тот вполне мог быть реализован, да и проект нового Гитлера тоже. Но я то всегда знал, что у хитреца Кребса есть то, чего не знают даже его близкие и даже те неонацисты, которые подкармливают проект деньгами. Для них он растил Гитлера, но тот Гитлер не более чем жалкая тень предыдущего, а вот не-Гитлер воспитывается в новых исторических условиях, но зависим от Кребса это уже серьезно. Хотя, Кребс, во всей этой затее и в твоей теории, что все, что делает человек, делается по заказу Господа, есть одна ущербность. Разум однобок, чтобы учесть все факторы достижения цели. На самом деле социальные системы всегда имеют «защиту от дурака» и злого гения в виде факторов, которые появляются неоткуда и уравнивают или нейтрализуют то, что противоречит замыслу Творца.

- Что дальше?

– Хитрюга Кребс не стал клонировать Гитлера, он нашел его генетического двойника и заявил заказчику, что может создать матрицу духовную. И таким образом, заказ выполнен, и можно получить свои деньги. Но Кребс не был бы самим собой, если бы не нашел еще одного Гитлера, который так же идентичен той исторической личности, и так же со временем будет инициирован в Гитлера-личность. Но дальше, и Кребс напряженно работает над этим, он совершит еще одно действие, наложит на него еще одну голографическую схему и скорректирует отдельные качества, для того, чтобы Гитлер мог выполнить уже конкретную миссию на земле сегодня. Когда-то крупные промышленные круги привели Гитлера к власти и использовали его для получения сверхприбыли. Теперь это собирается сделать один человек по фамилии Кребс. Для этого не надо огромного количества исследований и экспериментов. Но Кребс не был бы Кребсом. Он создал сеть лабораторий, которых на самом деле не существовало. Это были всего несколько офисов, в которых аналитики занимались фигней, из которой Кребс составлял заумные отчеты своим заказчикам. Правда, здесь были нужны неординарно мыслящие сотрудники, но за большие деньги их можно было выписать хоть из Африки. Кребс, ничем ни рисковал. Даже если заказчики предъявили бы ему претензии, – ничего не поделаешь, научный поиск может быть неудачен. Да и сама тема и связь с ней финансовых воротил настолько щекотлива, что они никогда не признаются, что финансировали эти бредовые проекты. Конечно, можно отомстить мошеннику, подослал убийцу. Однако, это себе дороже, потому что не гарантирует нежелательной огласки. Но спонтанное регулирование процессов в обществе, которое вы так не любите. Кребс, всегда выдвинет фактор, который остановит не в меру расшалившегося творца.

– И таким фактором являетесь вы?

– В определенной мере да.

– Вы переоцениваете себя.

– Нет, я оцениваю обстановку абсолютно адекватно.

– Если так, то постарайтесь описать свое будущее.

– Мы еще немного поболтаем, а затем вы, Кребс покинете это помещение, оставив меня в нем. Потом у меня замкнет компьютер и начнется пожар. Во время его взорвется один из огнетушителей, в котором вместо углекислоты боевой газ. Через полчаса дверь откроется, а мой труп будет представлен полиции Стендаля. Как?

Кребс долго молчал, а затем произнес:

- Забавно, но это ничего не меняет.

Он направился к дверям, вставил карточку в прорезь, но ожидаемого писка не услышал, дверь не открылась.

- Не спешите, Кребс, - сказал я ему, - я изменил дверной код, и мы останемся здесь вдвоем навсегда. И в тот момент, когда наши души будут отлетать, нам откроется то, что вы называете Истиной. А до этого, вам придется испытать все те муки, которые испытал ваш сотрудник в Ганновере, когда вы с ним проделали этот фокус.

- Причем здесь Ганновер, это была совсем другая фирма.

- Ничего подобного, парень, погибший там, попал на вашу удочку, так же как и я - через Интернет. Вы поручили поставить программу пожарной безопасности Гансу, и он сделал это. Но я исследовал обстоятельства происшествия в Ганновере и понял, что мудрый Кребс на этот раз прибегнет к надежному способу, дабы избавиться от разработчика, который не только понял то, чем он занимается, но и увидел, что он пытается обмануть своих хозяев.

- Мы можем договориться, - сказал Кребс, видимо проанализировав все обстоятельства.

- Не можем, - сказал я, - Творец выбрал меня тем фактором, который должен вас остановить. Помните, в вашей концепции возвращения и воскрешения важную роль играет имя, если говорить об имени, то я - Петр, то есть камень, о который вы, Кребс, споткнулись.

Кребс бросился к дверям и стал колотить в нее ногами.

- Ганс, Ганс, - кричал он.

- Вот видите, Кребс, стала понятна и роль Ганса в том происшествии в Ганновере, да и в сегодняшней акции тоже.

Я взглянул на часы.

- Осталась одна минута, давайте договариваться.

Но Кребс продолжал молотить ногами в дверь.

- Сделаем так, - сказал я, - вы возвращаете мне деньги, а я даю вам противогаз. Мы пересидим здесь те полчаса до того момента, пока откроются двери.

Я открыл ящик стола и жестом доброго человек указал на два противогаза. Кребс моментально подлетел к столу, мгновенно оценил размеры противогазов, выбрал больший и стал натягивать его себе на голову.

- Не спешите, Кребс, - сказал я ему, вы не дали мне слово, что вернете мне деньги.

- Я верну вам деньги, - сказал Кребс, но в глазах его вспыхнули искорки превосходства над человеком, который заключал с ним договор в устной форме.

– Вы удивляете меня, Кребс, – сказал я, – ваш противогаз не работает без вот такой маленькой штучки.

И я показал ему резиновый клапан.

– Давайте я вставлю вам его в противогаз, а вы возьмите чековую книжку и выпишите чек на сумму, которая мной заработана.

Он торопливо стал выписывать чек, а я вставил клапан в его противогаз и протянул маску моему бывшему боссу. Тот тут же стал натягивать его на голову.

– Сразу видно, что вы не обучались на военной кафедре. У вас гребень на голове, а...

Мне не удалось закончить фразу, лопнул дисплей моего компьютера, начался пожар и почти мгновенно с этим сработал огнетушитель, что висел у входной двери.

– Газы, – заорал я, надел на себя второй противогаз, затем перевернул стул и сел на него верхом, наблюдая за поведением Кребса.

Некоторое время Кребс напряженно и шумно вдыхал, но потом вдруг завалился на бок и стал конвульсивно вздрагивать.

«Наверное, рано, Кребс, тебе становится Богом», – подумал я, вскочил и стулом разбил оконное стекло. Кто-то снаружи выбивал закрытую дверь. И она вот-вот должна была поддаться нападающему или нападавшим. Я стащил противогаз в головы Кребса, а затем снял противогаз с себя...

* * *

Очнулся я в больничной палате. Это было ясно по той белизне, койке, с поднимающейся спинкой, и охраннику, который сидел рядом с этой койкой на стуле. Увидев, что я пришел в себя охранник стал набирать номер мобильного телефона.

Почти сразу же после его звонка в палату вошли двое. Первый был врач, об этом свидетельствовал белый халат, уверенность в движениях и чувство хозяин на этом пространстве, второй, хотя и имитировал принадлежность к клану врачей халатом, разумеется, был из полиции.

Врач посмотрел на экран, который был установлен на столике рядом с койкой, взял мою руку и на ломаном русском языке спросил меня:

– Как вы себя чувствуете?

Я не стал отвечать, а только кивнул в ответ.

Тогда врач кивнул второму посетителю и пошел из палаты, вслед за ним ринулся и охранник в форме.

Полицейский в белом халате сел на освободившийся стул

и открыл, было, рот, но я определил его:

- Что с Кребсом? – спросил я.

- То же что и с вами, – сказал он по-немецки.

- А что со мной?

- Вы отравились каким-то газом. Но я полагаю, вы сможете рассказать мне, как это все случилось?

- Кребс принес два противогаза и сказал, что у него есть подозрения в отношении Ганса.

- Здесь чуть подробнее.

- Когда-то в Ганновере у Кребса в лаборатории замкнуло провода, и взорвался компьютер. И то ли от горящего пластика, то ли еще от чего-то, погиб мой предшественник. Так вот в последнее время Кребс стал подозревать, что тот взрыв был не случаен. Он пришел ко мне, выпроводил из помещения Ганса, и сказал, что хочет провести эксперимент, то есть воспроизвести все обстоятельства того происшествия, чтобы выявить возможного виновника.

- То есть он попросил вас сыграть роль подставы.

- Не только меня, но и себя. Он специально подставил меня и себя, чтобы выявить человека, которого он подозревал.

- Но он рисковал...

- Тот, кого он подозревал, не знал, что Кребс принес с собой в кейсе два противогаза.

- Он хотел...

- Мне трудно сказать, что он хотел, поскольку он сообщил мне только то, что я вам сейчас рассказал... Впрочем, вы сами можете его спросить об этом.

- К сожалению, не могу... Кребс умер прямо в лаборатории. Ему не повезло, редчайший случай, один на миллион, в клапане противогаза оказался дефект.

- Я так и подумал, потому что, несмотря на противогаз, он стал вести себя так, будто его действительно отравили газом. Поэтому я и разбил окно стулом, но, наверное, было уже поздно.

- Скажите, а почему вы сняли с себя противогаз?

- Я не делал этого.

- Вас обнаружили вас без противогаза, причем, как и Кребса.

- Вполне возможно, что тот, кто организовал это, был там первый и решил подстраховаться

- Вполне возможно... Имею полномочия сообщить вам, что после излечения, вам придется покинуть пределы нашей страны, так как со смертью вашего работодателя отпали основания пребывания в ней.

Мой визави поднялся со стула и направился к двери.

Некоторое время я был один, но потом дверь открылась, и к моей радости вошел не охранник, а доктор. Значило это то, что мне поверили.

Но радость моя длилась недолго, оказывается отравление газом существенно подорвало мое здоровье, и через три дня персонал клиники в Стендале прощался со мной как с потенциальным покойником.

Уже на границе я понял, что мне не доехать до Подольска. Собственно говоря, зачем мне Подольск. И я поехал к своей палатке. К ней я добрался поздно ночью и удивился, как я вообще мог ее найти в такой темноте. Я забрался внутрь и, перед тем, как уснуть, подумал, что все мы участники некоей игры высших сил и, покуда нужны для этой игры, мы живем. Вот и Драган, вылетел через лобовое стекло машины и не разбился, только для того, чтобы предупредить меня об опасности, а затем окончил жизни под колесами машины. И я, прервав земной путь Кребса, наверное, выполнил свою программу.

С такими мыслями я проснулся и понял, что все это было страшным кошмарным сном.

Выбравшись из палатки я не поверил своим глазам. Вокруг валялись целлофановые пакеты, прямо под сосной, с противоположной от палатки стороны, огромное черное пятно – кострище. Наверное, пламя от костра туристов поднималось так высоко, что обгорела даже крона сосны, а по стволу янтарем блестела выплавленная смола. Пустые консервные банки, обрывки газет и даже кассеты от магнитофона дополняли удручающую картину. Мне вдруг расхотелось оставаться здесь и умереть среди этого хлама. Я еще раз оглядел весь этот бедлам и пошел прочь.

Странные мысли роились в моей голове. Когда-то два человека в разное время и на разных континентах озвучили почти одно и то же. Карлос Кастанеда сказал, «мы святящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть разум и его компаньон, речь. Именно они, столкнувшись между собой, и состряпали этот мир при помощи описания и его незыблемых догматических правил, а теперь поддерживают его», а Константин Циолковский написал «Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже изменится и, наконец, через миллиарды лет превратится в единый вид лучистой энергии».

Я шел долго, до тех пор, пока сквозь стволы сосен не стала

видна дорога. И тут я понял, чем заканчивается фраза «Слава разящему мечом...» Она не может заканчиваться ничем другим. Я зашагал быстрее, мысленно планируя выйти на дорогу и тут же поймать попутку. Мне даже казалось, что это будет тот дальнбойщик, который подвозил меня сюда. Он полтора месяца был за границей, а теперь возвращается домой. На этот раз календарик с японцем не будет закрыт и я еще раз прочту эту надпись «Слава разящему мечом, ибо он дает нам точку опоры».

Утром я был в Подольске. Кое-как дошел до квартиры Нарымова, позвонил. Дверь отрылась, мой друг ошалело смотрел на меня.

- Что плохо выгляжу? - прохрипел я сдавлено.

- Где ты пропадал целый год? - не менее сдавлено произнес он

Юлия КОПЫЧКО
**МЫ – ДРЕВНЯЯ СУТЬ
ЭТОЙ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ**

ВЕЧЕРНИЙ ПОЕЗД

Вплетается стук колесный
в глухую морзянку пульса.
Не спи; за стеклом бесслезным
в холодном купе сутулься...
Мельканье чужих вокзалов,
бросок испуганной птицы;
все то, о чем не сказали,
все то, что уже не случится...
Так в чем же тогда резон-то?
...Невыплеснутые грозы
кочуют вдоль горизонта.
Березы в окне, березы...
Над полем – пичужек стайка.
Ботва в огородах мокнет.
...Зачем мы – как полустанки,
мелькнувшие мимо окон?
Багровая – цвета крови –
трава в солонцовой плеша.
Вода в колее грунтовой –
нехоженной, непроезжей...
Дождливое было лето;
не лето, а просто – слезы!
Сочатся закатным светом
березы в окне, березы...

На фоне вечерней хмури –
горящей рябины брызги.
У осени – рысья шкура;
у ночи – повадки рысьи!
Крадется во тьме с востока,
а мир постепенно слепнет,
и гаснут экраны окон.
...Нелепо все, так нелепо!..

Кричит тепловоз все злее,
а ночь все темней и глуше,
и только едва белеют
березы – русалок души...
Состав набирает скорость –
то скрипнет внизу, то взвизгнет –
ломая, кроша, как хворост,
мгновения нашей жизни,
по строчкам стальных линеек
выстукивая стакатто...
...Неужто всего важнее –
оставшееся за кадром?
А, может быть, так и нужно –
трястись в пустом коридоре,
летащем сквозь мрак снаружи,
и вспарывать горло горю?
В светильниках – мало проку,
и сумрак придет в движенье,
и в черных квадратах окон
проявятся отраженья.
Как это могло случиться?
Нисколько не беспокоясь,
с реальным составом мчится
бок-о-бок – призрачный поезд!
Там, в призрачном коридоре –
двойник, мне в глаза глядящий
тревожным, упорным взором:
Так кто из нас – настоящий?!
...Но выплыла вдруг капризно
Луна – и, затоплен светом,
исчез тот летящий призрак;
вот только что был – и нету...
Сверкает с небес осколок
погибшего Фаэтона.
Придуманный мир расколот
реальностью многотонной.
Ни слова. Ни SMS-ки.
А, впрочем, – все было б ложью.
Вот разве что занавески
вибрируют мелкой дрожью,
чтоб, молча давясь тоскою
над пропастью расставанья,

мы поняли что-то такое,
чему не найти названья.
Бледнеет Луна, седеет,
и век ее – все короче.
А я смотрю, холодея:
мир – вымышлен и непрочен!
Пока ни о чем не знают
уснувшие пассажиры,
в ночи поезда летают,
ныряя в черные дыры!
Сквозь черное заоконье,
лишенные сна и веса,
летят они, как драконы,
на крыльшках занавесок,
и, лязгая позвонками
в изгибах хребтов железных,
вздымаются ввысь – рывками,
могучи и бессловесны,
чтоб только к исходу ночи
спуститься опять на рельсы...
(Ну, вот. Теперь, если хочешь,
над бредом моим посмейся).
Под этими небесами
с зародышами рассвета
мы все порождаем сами,
не зная порой об этом!
Подраненные любовью,
как раковину – улитка,
по свету несем с собою
прожитых ошибок слитки...
Есть время остановиться,
устав от ночного гона.
И сонная проводница
открыла мне дверь вагона.
Ударил в лицо с налета
предутренний волглый сумрак.
Дыхание креозота,
движение спин и сумок,
перрон с толкотней и матом –
простая земная проза...
А выше – рассвет: крылат и
неправдоподобно розов!

Немыслимей, чем Солярис –
(пылающее – на синем!) –
вздымает свой алый парус
над сумеречной низиной!
...Слова изначально – лживы,
и хрупок журавль бумажный...
Мы оба сегодня живы,
а прочее все – не важно!
Разлукой болеть, как корью.
Все лечат твои ладони.
Я сяду на встречный "скорый"
и к вечеру буду дома.
...На полном ходу вагоны
потряхивает легонько,
а солнечный блик синхронно
по рельсу скользит вдогонку.
И, путь ему сокращая,
равнину стеля колесам,
легко горизонт вращают
березы в окне, березы...

Огонь свечи нам освещает лица.
Пожар войны – высвечивает суть.
Быть может, он научит нас молиться
и видеть в происшедшем Божий суд...

Все превратилось в прах,
и взорваны мосты.
Но – напрочь выжжен страх!
Сосуды слез – пусты,
и в смутных временах
слова, как нож, просты:
Скажи мне, кто – твой враг,
и я скажу, кто – ты.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА 2014

Все туже узда год от года;
я больше бежать не могу!
Я – чей-то источник дохода,
зашоренный конь на кругу!

Нас манят морковкой на Запад;
Восток – загоняет кнутом.
Что нам уготовано завтра –
никто не расскажет о том!

От Вербной сегодня – день пятый.
Навеки запомнит его
народ Украины, распятый
меж сильными мира сего!

* * *

Вот так и проживем – всегда в дыму,
на сотни дел разменивая жизни...
Я никогда, наверно, не пойму,
в чем мудрый смысл разгульной этой тризны!
И никуда не вырваться уже.
Мы можем лишь спешить – до самой смерти.
Под визги тормозов на вираже
проштемпелеван шинами конвертик...
А на асфальте не растет трава.
Лишь пыльные, тяжелые колеса
шумят, вращаясь, точно жернова,
сминая все – без споров и вопросов,
и сматывая дни в клубок, как нить...
Так, за витком виток, уйдет вся пряжа;
а миг, что мы могли б остановить –
не остановлен.
Не замечен даже!
И, радуясь судьбе, или кляня
ее за то, что вечно все неладно,
мы загоняем время, как коня –
так щедро, так беспечно, безоглядно!
Как будто где-то ждет нас конь другой;
как будто есть в запасе жизнь вторая!

И вскрик рванется, выгнется дугой:
зачем же мы приходим в мир земной?
Зачем – рождаемся, живем – и умираем?

* * *

Все ищем хлеба и вина,
других даров не замечая.
И жизнь безвкусна и бледна,
под стать дешевенькому чаю.
И в ней – ни музыки, ни слов,
ни предвкушения свободы!
...Сплетения морских узлов
да ожидание погоды...
Я забываю имена
и все, во что играла прежде.
Колодцы разума – без дна,
в них нет живой воды – хоть режьте!
И я пойму, что мне – пора,
и я вернусь – искать ответы
по эту сторону добра,
где обретаются поэты,
и – ради горсточки стихов –
им год зачтется за три года,
во искупление грехов
и оправдание прихода.

Михаил КРАСИКОВ

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО?**ПАМЯТЬ О ЗИНАИДЕ СЕРЕБРЯКОВОЙ НА
ХАРЬКОВЩИНЕ**

Страшные социальные катаклизмы – Гражданская война и Вторая мировая – кажется, постарались, чтоб от пребывания в Нескучном Лансере-Бенуа-Серебряковых не осталось и следа. Большой усадебный дом в Нескучном, где родилась Зинаида Серебрякова, как и более скромный домик на хуторе Серебряковом, где был создан шедевр «За туалетом» (1909), были разграблены и сожжены заезжими бандитами и местными «активистами» ещё в 1919–1920 годах. Нескучанскую Петропавловскую церковь взорвали и до половины разобрали фашисты, чтоб вымостить дорогу для танков. Остальную часть здания местные жители растащили уже после освобождения села. Захоронения возле храма были уничтожены тогда же. Склеп, в котором покоился Евгений Александрович Лансере, отец Зинаиды Серебряковой, прекрасный скульптор, был сломан, а гроб просто выброшен. Говорят, пацаны тогда в футбол играли чьим-то черепом. И наверняка пугали им девчат.

Единственное, что осталось из усадебных сооружений, – колодец, в нижней части которого просматривается сруб столетней давности; вода из источника, что течет рядом, необычайно вкусна и известна и за пределами Нескучного. Наверное, не случайность то, что она богата ионами серебра. Сохранились очертания бывшей купальни семьи Лансере на реке Муромке. Недалеко от того места, где находился хутор, нами обнаружена липовая аллея, с двух сторон окаймлявшая серебряковский сад. Весьма живописен мостик (бревно и ветхие перильца) через речку, соединявший усадьбу Лансере и хутор Серебряковых. По подобному мостику Зина бегала к Боре, своему двоюродному братцу, ещё девчушкой. Вот, пожалуй, и все следы человеческой деятельности здесь 100 лет назад.

Однако природа этих мест, запечатлённая Серебряковой во многих полотнах, практически не изменилась. Гуляя с альбомом репродукций картин художницы в руках и всматриваясь в окрестности, можно с точностью до метра определить место, где век тому стоял этюдник Зинаиды Серебряковой. Поэтому ещё в 1990-е годы началась борьба за то, чтобы территории вокруг Нескучного были объявлены заповедными. Удалось пока (главным образом усилиями Ирины Слеты, руководителя объединения творческой интеллигенции «Круг») взять под охрану государства лишь саму усадьбу, о чём свидетельствует установленный в 1996 г. памятный знак. К 110-летию со дня смерти Е. А. Лансере, 4 апреля 1996 г., примерно в том месте, где находился склеп, был установлен кенотаф – железный крест и ограда (автор – В. Я. Курило, сотрудник «Харьковреставрации»).

В том же году был проведен конкурс проектов возрождения усадьбы. В Нескучанском клубе и сейчас можно ознакомиться с проектом создания в округе села историко-культурного и природного заповедника (предусматривающего и рекреационную зону), автором которого является архитектор и ландшафтный дизайнер Марина Крячко.

19 апреля 1997 г. в клубе Нескучного была открыта мемориальная экспозиция, посвященная пребыванию Лансере-Бенуа-Серебряковых на Харьковщине, дополненная и обновленная в сентябре 2014 г.

В школе соседнего села Весёлое, где учатся нескучанские дети, а также в библиотеке Весёлого тоже были оформлены памятные уголки, посвященные знаменитым землякам.

С конца 1990-х годов серебряковское движение на Харьковщине угасает. Ни один из проектов возрождения Нескучного не был воплощен, паломничества на родину художницы не стали массовыми и не превратились в традицию, даже лекции, выставки, передачи, статьи в местной прессе, посвященные Серебряковой, стали редкостью.

18 сентября 2003 года (знаменательно, что это случилось в канун дня памяти художницы!) известный харьковский фотохудожник Владимир Оглоблин впервые

приехал в Нескучное. Вот как он вспоминал свое первое впечатление: «...Неожиданно ловлю себя на мысли, что где-то я это уже видел. Живописные пологие холмы, покрытые разнотравьем, искрящаяся на солнце небольшая речушка с кустами боярышника или краснотала по едва уловимым в траве берегам, лошадь, пасущаяся среди свежескошенного сена. Живопись Серебряковой!»

Фотограф приезжал сюда многократно и каждый раз совершал удивительные открытия: «Именно здесь бродила с мольбертом юная Зинаида Лансере, и ей почти ничего не приходилось искать или придумывать – всё было на поверхности. Вот разноцветное стадо коров «плывёт» в утреннем розовом тумане, и я снимаю его прямо против солнца; легкая паутина, летающая и тающая в зарослях золотистого камыша...»

В конце сентября 2004 года В. Оглоблин закончил год своего «фотографического эксперимента», и к 120-летию со дня рождения художницы представил 120 нескучанских фотографий, сопроводив их стихами (в том числе и автора этих строк), а также баннерами с репродукциями работ З. Серебряковой, фотографиями Нескучного начала XX века, цитатами из писем обитателей усадьбы. «Заболев» Нескучным, Оглоблин «заразил» земляков любовью к родине Серебряковой: выставки его имели огромный успех и, кроме эстетического наслаждения, доставляемого публике, выполняли и просветительскую функцию.

Увы, после серии оглоблинских выставок наступила почти десятилетняя пауза, и возрождение интереса к Нескучному среди харьковчан произошло только в 2011 году. Связано это было с деятельностью возглавляемого нами Этнографического музея «Слобожанські скарби» имени Г. Хоткевича Национального технического университета «Харьковский политехнический институт».

Во время проведения городского конкурса студенческих художественно-исследовательских работ «Харьковские дворики» сразу несколько конкурсантов, не сговариваясь, представили картины и художественные фото (дополненные эссе), посвященные дому в Харькове на улице Краснооктябрьской, 25, где в 1919–1920 годах с

мамой и детьми проживала уже овдовевшая Зинаида Евгеньевна. В рамках выставки был проведен вечер, посвященный художнице, на котором выступили Илья Лучковский (известный коллекционер и искусствовед, в чьем собрании хранятся работы Серебряковой, человек, с помощью Татьяны Борисовны Серебряковой нашедший тот самый дом на бывшей Конторской, ныне Краснооктябрьской), Валерий Берлин (краевед, разыскавший в Нескучном некоторых крестьянок, увековеченных художницей), Ольга Денисенко (зав. отделом Харьковского художественного музея) и Владимир Оглоблин (настоящий Колумб Нескучного для сотен харьковчан).

Следующий «серебряковский» вечер прошёл уже прямо во дворе знаменитого дома, причем это событие знаменовало собой создание Неформального общества друзей Зинаиды Серебряковой. Состоялся вечер «На террасе в Харькове 100 лет спустя» 19 сентября 2011 года, в день смерти художницы. На доме были установлены два мемориальных баннера, один (прекрасная дизайнерская работа Инны Акмен) – с фрагментом знаменитого автопортрета «За туалетом», второй – большая репродукция картины «На террасе в Харькове» 1919 г., созданной в этом доме. Терраса, запечатлённая также в работе того же года «Карточный домик», прекрасно сохранилась. Есть все основания для создания в этом доме мемориального музея, картинной галереи и художественной студии имени З. Серебряковой, и даже получено согласие властей рассмотреть этот вопрос. Однако понятно, что в ближайшее время средства на новый музей город выделить не сможет. А меценаты пока руку помощи не протягивают.

Тем не менее, нами разработан проект виртуального музея «Зинаида Серебрякова на Харьковщине», и в обозримом будущем он будет реализован.

Дважды в Нескучном проводились пленэры. Первый состоялся в 2012 г. Участниками его были 30 художников и фотографов, главным образом – студенты и выпускники Харьковской государственной академии дизайна и искусств. Результаты пленэра были показаны в залах Харьковского художественного музея, Пархомовского художественного музея им. А. Ф. Лунева, Музея

знаменитых харьковчан им. К. И. Шульженко, харьковского Дома актёра и в ряде других учреждений культуры. Был издан проспект выставки, в ходе презентаций состоялись встречи с авторами работ.

Летом 2014 г. в три этапа прошёл второй – уже международный – «Нескучный пленэр» (три однодневных выезда групп по 40, 80 и 60 человек и недельное пребывание в Нескучном 15-ти человек). В пленэре приняли участие художники и фотографы не только из Харькова, но и из Москвы, Сум, Запорожья, Николаева и ряда других городов. 19 сентября 2014 г. в клубе с. Нескучного и в школе с. Весёлого были открыты выставки «Нескучный пленэр-2014» (в Весёлом в 2012 году также были показаны результаты первого пленэра, причем дважды: после выставки работ 12-ти участников открылась выставка творческого дуэта – художника Леонида Золотарёва и фотографа Инны Можейко «Нескучное. Мелодия на два голоса», тогда же был издан буклет, посвященный данному проекту).

С 20 ноября по 11 декабря 2014 г., к 130-тилетию со дня рождения художницы, выставка «Нескучный пленэр-2014» демонстрировалась в харьковской галерее «Искусство Слобожанщины», в рамках её прошёл ряд творческих встреч и лекций, в частности, одна из них была посвящена памяти Екатерины Борисовны Серебряковой.

Кстати, памятные вечера стали уже традицией: в 2013 году состоялись в Художественном музее вечера памяти Екатерины Николаевны Лансере, матери художницы, и Евгения Александровича Лансере, отца Зинаиды, известного скульптора. 165-летию со дня рождения Е.А. Лансере была посвящена и первая международная научная конференция «Серебряковские чтения», организованная Обществом в сентябре 2013 г. Её участниками стали потомок рода по линии Бенуа Владимир Фролов (С.-Петербург) и потомок по линии Лансере Павел Павлинов (Москва), известные искусствоведы, в частности, Тамара Рыбакова (Москва) и профессор Александр Шило (Харьков).

В 2013 г. в Харьковском художественном музее был проведен цикл «Серебряковских сред», включавший

лекции «Мир искусства: история в лицах» и литературно-музыкальный вечер «Под небом Харькова и Парижа», с участием известного барда Владимира Фоменко.

В 2011 г. в день рождения Серебряковой в Харьковском художественном музее состоялся вечер, в котором приняли участие московские гости – внучатая племянница З. Серебряковой Екатерина Евгеньевна Лансере и её сын Павел Сергеевич Павлинов, рассказавший о судьбах и творчестве ряда своих знаменитых родственников и их потомков.

В рамках «Нескучного пленэра-2014» также прошли интересные дискуссии («Зинаида Серебрякова и современные художественные тренды», с участием известного искусствоведа Олега Ковалёва), лекции («Письма из Нескучного») и концерты.

В конце 2013 г. Общество выпустило, благодаря Инне Акмен, два изящных мини-альбома «Харьков Зинаиды Серебряковой». В первый выпуск вошли репродукции работ художницы, хранящиеся в Харьковском художественном музее и в Харьковском музее частных коллекций (ещё раньше, к 19 сентября 2013 г., в издательстве «САГА» вышел подготовленный нами комплект открыток, включавший работы художницы, находящиеся только в Харьковском художественном музее). Во второй выпуск вошли репродукции хранящихся в харьковских музеях произведений Николая Леонтьевича Бенуа, Альберта Николаевича Бенуа, Александра Николаевича Бенуа, Евгения Александровича Лансере, Екатерины Николаевны Лансере и Евгения Евгеньевича Лансере, причем значительная часть работ в обоих выпусках ранее никогда не репродуцировалась.

В третий выпуск должны войти произведения, созданные З. Серебряковой в Харькове, и портреты харьковчан (Г. Тесленко, Е. Никольской, В. Дукельского, Г. Петникова, Р. Басковой и других).

В августе 2014 г. в Нескучном нами были обнаружены фотографии людей, знавших З. Серебрякову и бывших в молодости её моделями; поиск родственников нескучан, работавших у Лансере-Серебряковых продолжается.

С 2012 г. информация о деятельности Неформально-

го общества друзей Зинаиды Серебряковой выкладывается на Фейсбуке, а с 19 сентября 2013 г. функционирует сайт Общества.

10 декабря 2014 г. были подведены итоги конкурса плакатов к 130-му юбилею художницы, лучшие работы увидели посетители Харьковского художественного музея, Пархомовского художественного музея им. А. Ф. Лунова и других музеев и выставочных залов Харьковщины.

У нас обширные планы относительно увековечивания памяти З. Серебряковой в Украине, и, как бы ни складывались обстоятельства, мы сделаем всё, чтобы наши задумки реализовались.

Владимир КОПЫЧКО

УТОМИЛИ ПРОРОКИ РЕЧИСТЫЕ

* * *

Утомили пророки речистые –
я забвения травы кошу –
веры светлой, бесхитростной, истовой
я у Бога смиренно прошу.
По прошенью ли будет мне дадено?
Будет ль ноша мне та по плечу?
Дремлет в каждом любимая гадина...
Я своей уступать не хочу!
Червь сомнения играми разума
привлечен, как на свет – мотылёк.
Сколько подлого сделано, сказано
невзначай, впопыхах, между строк...

МЫ ЖИВЕМ ПОЧТИ НЕСЛЫШНО...

(четвертая строфа принадлежит перу Ю.Копычко)

Мы живем – почти не слышно, незаметно и уютно,
веря в то, что кто-то свыше нам опять подарит утро,
и простит грехи, и даже нам опять грешить позволит...
Вновь простит, любя, и скажет, что Он вовсе не неволит
нас идти путем спасенья, ведь спасенье – не награда...
Это – труд во искушенье, тяжкий труд... Оно вам надо?

Да, пожалуй, и не надо, – это было бы излишне,
нам дана одна отрада – странный свет во граде вышнем...
На подмостках чадных кухонь, где судьба дымком курится,
нам дано друг друга слушать, не дано – наговориться,
лишь, вдохнув озона споров, выдыхать словами песен
суть грядущих разговоров и надежды прошлых вёсен...

И надежды прошлых вёсен, и задор шального детства,
и нелепые вопросы – никуда от них не деться:
что нас ждет, когда погаснет огонек лампы чуткий,

и куда уходит счастье, и зачем даны минутки,
когда звезды нам не ровня, когда слава в спину дышит,
если мы так мало помним, а живем – почти не слышно

Мы живем – почти не слышно, а умрем – никто не вспомнит:
срубят пару старых вишен, сдвинут мебель тесных комнат
и обои переклеят, и обновы перешьют...

И в альбомах пожелтеют наши лица; опадут,
точно листья в день осенний, на юру сквозного сада...
И не будет воскресений... Да, пожалуй, и не надо.

МОЛИТВА (переложение)

Отец небесный! Ищущим Тебя,
всем жаждущим Твоей укрыться сенью
дай хлеб насущный и пошли, любя,
грехов прощенье на путях к спасенью...
Да утвердится Царствие в веках,
да будет свято меж народов Имя
и Воля – на земле, как в небесах,
возвысится над волями другими.
Не подавай нам искушенья знак,
избавь нас от лукавого и злого...
Да прорастет, как чудотворный злак,
в сердцах людских
Твое живое Слово.

МОЛИТВА

Душой к истоку припадаю снова,
чтоб верой напитать и дух, и плоть...
Начало миру положило Слово,
и Слово это – истинный Господь...

Нам кажется, что мы сильны без меры,
что нам подвластны дни и времена,
но мы – песчинки без любви и веры,
рябь на воде, где правит глубина...

Бог дарит нам невзгоды и укоры,
как веи на житейских зыбунах.
Кто примет их – преодолет горы,
кто не познает – превратится в прах.

Бог – Слово, обращающее к слову,
Бог – Слово, что пронзает толщи лет
призывом к свету... И, покорна зову,
твоя молитва явится на свет.

Твоя молитва... Просьбы и надежды,
попытка обрести опору в Нем,
узреть хотя бы край Его одежды,
и лик Его, что ослепляет днем,

склониться пред сияющим величьем,
припасть к камням единственных дорог,
что явит Он среди множества привычных,
но пагубных... Бог милосерд и строг.

Найди слова, что искренни, не пресны,
слова живые, в коих нет ни капли лжи,
и расстелив их пред Отцом небесным,
смиренно жди, как пахарь – всходов ржи...

Жизнь человека суетна, убога,
полна соблазнов, что калечат дух –
но слово лечит нас по воле Бога,
к мольбе твоей Господь не будет глух...

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ЗАМЕСОВА

Её шаги прохладны, словно сталь –
коса, блеснув, сквозь круг друзей проходит...
Всё больше тех, кто вместе с ней уходит,
забыв ключи, как лишнюю деталь...
Мы станем вновь оплакивать себя,
свои мечты, предчувствия и бренность,
потуг своих заведомую тленность,
и прах разделит нашу боль, скорбя...
Мы с ним делили призрачную жизнь
и сотни разных плотских удовольствий,

и душ родство, и страха запах скользкий,
свет в небесах и покаянность тризн...
Но этот мир оставила душа,
а вместе с ним и мы осиротели, –
кому сказать о том, что не допели,
с кем разделить тягучесть лаваша?..
Да чая крепкого, за коим мы порой
глухи, циничны и ничтожно немы
теряли суть завещанной нам темы,
утешив совесть жалких слов игрой,
не вспоминая, кто мы в мире есть,
чьи мы сыны, наследники, потомки...
Утихнет боль, но слов его обломки
в нас охранят и русский дух, и честь...

REVOLUTION № 1

Какие мудрые слова,
какие пламенные речи! –
от них кружится голова
и крылья расправляют плечи...
Под яростным напором масс
«тиран» зарвавшийся низринут...
Жаль одного: и в этот раз
вас, мужики, конечно, «кинут»!

REVOLUTION № 2

Как эта женщина с косой,
в простой коляске инвалида,
скупой растрогала слезой!...
Артистка, комсомолка, гнида...

REVOLUTION № 3

Страна горит, а на манеже
уж негде яблоку упасть –
опять знакомые все те же
самозабвенно делят власть...
Времечко...
О, времена! Эх, времечко –
то в грудь «с носка», то – в темечко...

А я – простая семечка
у мира в челюстях...
Не разжует – так выплюнет,
Бог даст – и глаз не выклюет...
А кто гребет – тот выплывет
с надеждой на сносях...
О, нравы, нравы! Норовы...
Все не аскеты – боровы,
гордыня кружит головы,
да спесь блестит в глазах...
Активные, пассивные –
да с мордами противными
и жутко агрессивные –
до пены на губах...
Вожди, вождихи, лидеры –
Семены, Сени, Сидоры,
народные гармидеры,
коррупция, разврат...
Позиция привычная:
земля-то здесь отличная,
рубашка ж ближе личная –
ну кто ж в том виноват?
В верхах давно есть мнение:
от бед – одно спасение –
народ под сокращение
и – в стойло, за рога...
Вот так и развлекаемся:
злодействуем – не каемся,
все ниже опускаемся,
найдя в себе врага...

* * *

Я тыщу лет не брался за перо
и позабыл противный скрип бумаги,
которую насилует оно,
наполненное похотью отваги...
Течет река, и дни сменяют дни,
и, чередую, – что года, что лица –
чуть теплятся священные огни,
а суета – не прекращает длиться...
И взор не опрокинуть в небеса,
и не испить душой желанной сини...

Манят нас сокровенные леса,
но в них мы ищем желуди, что свиньи...
Нам нужен свет, дабы найти еду,
и слово – чтоб послать куда подальше...
Так стыдно, что спасенья я не жду
среди мутных рек вселенской лжи и фальши...
Но если нет спасенья – что тогда?..
Кому кричать: Спасите наши души?!
Журча уносит талая вода
в пучины вод взвесь плодородной суши
и обнажает серый камень скал,
что годен лишь для жертвоприношенья...
Зачем, Господь, Ты смертью смерть попрал,
нам показав тернистый путь спасенья?..
Как нам, изнеженным, ленивым и глухим
к чужой беде, вселенским рекам крови,
искать себя в пустыне, Элохим?!
Как грязь души омыть водой нови?
Ты нам открыл надежду и любовь,
провозгласив: все люди в мире – братья!..
Но я – в слезах, и – вопрошаю вновь:
достоин ли я Твоего распятья?!

Авторы журнала

Биографические справки

КОПЫЧКО Юлия Геннадиевна родилась в 1958 году в г. Черкассы. Окончила Харьковский институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф» (1979). Член Союза писателей России (2009), творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина». Публиковалась в поэтических сборниках. Автор двух книг и более 20 песен. Живёт в г. Харькове.

КОПЫЧКО Владимир Петрович родился в 1956 году в г. Новаосибирске. Выпускник самолетостроительного факультета Харьковского авиационного института (1979), кандидат технических наук (1986), старший научный сотрудник (1989). Член Союза писателей России (2009). Автор 9 книг и поэтических сборников, более 200 песен (автор-исполнитель) и ряда проектов в области культуры. Публикуется в периодических изданиях Украины и России. Награжден орденом Преподобного Нестора Летописца 3 степени за работу над поэтическим переложением Книги Псалтыри (2005) и Книги Екклезиаста (2007). Живет в г. Харькове.

КРАСИКОВ Михаил Михайлович родился 16 сентября 1959 г. в Харькове. Окончил филологический факультет ХГУ. Доцент кафедры этики, эстетики и истории культуры НТУ «Харьковский политехнический институт», директор этнографического музея ХПИ «Слобожанські скарби». Автор около 300 научных публикаций и свыше 20 книг. Является организатором и соорганизатором ряда культурных акций, участник Чичибабинских фестивалей поэзии, фестивалей «Гилея», «Каштановый дом» и др. Живет в г. Харькове.

МЕЛЬНИЦКАЯ Инна Владимировна (Гаврильченко, урождённая Оскнер) родилась в Харькове в семье педагогов. Закончила Харьковский институт иностранных языков (1949) и аспирантуру при нём (1952). Занималась преподавательской деятельностью. Переводы её печатались в журналах и выходили отдельными изданиями. Проза переводилась на украинский, белорусский, молдавский, мордовский и итальянский языки. Награждена итальянской юбилейной медалью Ass.Naz.Alpini (1943-1993). Лауреат международной премии им. Долгорукова, премии им. Б.Слуцкого, юбилейной премии журнала «Радуга». Член Национального союза писателей Украины (1997), Союза писателей России (2007). Живёт в г. Харькове.

ОМЕЛЬЧЕНКО Василий Михайлович родился в 1931 году. Служил в частях «Осназ». Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России. Автор более трех десятков книг: романов, повестей, рассказов и очерков. Лауреат Международного литературного конкурса «Вечная память», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Лауреат республиканской премии имени В.Г.Короленко. Дважды лауреат конкурса «Мастер» еженедельника «2000» и Национального Союза журналистов Украины. Живет в г. Харькове.

ПЕРЕБИЙНІС Петро Мойсейович народився 6 червня 1937 р. у селі Слобода Шаргородська Шаргородського району Вінницької області. Український поет, журналіст, громадський діяч. Член Національної спілки журналістів України (з 1962 року), Національної спілки письменників України (з 1973 року). Від листопада 2003 року — головний редактор газети «Літературна Україна». Член президії Національної спілки письменників України (з листопада 1981 року). Заслужений діяч мистецтв України (2004). Лауреат 12 українських та міжнародних премій, у тому числі Національної премії України імені Тараса Шевченка (2008) — за збірку поезій «Пшеничний годинник». Нагороджений орденами та медалями, у тому числі – орденом князя Ярослава Мудрого V ступеня (2007) — за вагомий особистий внесок у розвиток конституційних засад української державності, багаторічну сумлінну працю, високий професіоналізм.
Мешкає в м. Києві.

ПОДЛЕСНАЯ Ольга Викторовна родилась в 1960 г. в Харькове. По образованию архитектор, преподаватель Харьковской академии дизайна и искусств. Член Клуба Песенной поэзии им. Ю.Визбора, литературного объединения «Третий цех». Автор трех сборников стихов на русском и украинском языках. Живет в г. Харькове.

РАКОТИН Дмитрий Игоревич родился в 1962 году в г. Харькове. Окончил Киевский государственный университет им. Т. Шевченко (1989). Автор семи поэтических сборников. Живёт в Харькове.

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году (Новосибирская область). Окончил Свердловский юридический институт (1977). Доктор юридических наук (1999), профессор (2003). Член Союза писателей России (1994) и Союза писателей Беларуси (1996). Секретарь Союза писателей Беларуси. Работает в жанре приключенческого романа, детектива. Автор десятков публицистических статей. Лауреат национальной литературной премии «Золотой купидон» (2008), литературной премии Уральского федерального округа (2012). Живёт в г. Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Петро ПЕРЕБИЙНИС. Черешнева тиша	3
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. Избранное о войне	121
Дмитрий РАКОТИН. Не заманит поэта хитрая сеть интернета	140
Ольга ПОДЛЕСНАЯ. Старый блокнот	166
Юлия КОПЫЧКО. Мы древняя суть этой древней земли ..	237
Владимир КОПЫЧКО. Надоели пророки речистые	251

ПРОЗА

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Зверёныш	24
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. Как это всё начиналось	148
Сергей ТРАХИМЁНОК. Слава разящему мечом... ..	179

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Михаил КРАСИКОВ. Время не властно?	244
--	-----

<i>АВТОРЫ ЖУРНАЛА</i>	257
-----------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№25-26

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 30.09.2015. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсет. Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCond СТТ.
Уч.-изд. л. 14,70. Изд. №2. Зак. №__. Тир. 500 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской
цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
е-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: сер. ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331